

Герхард Кромшрёдер

За фасадом:

ЖУРНАЛИСТ В РОЛИ НАЦИСТА,
«РОКЕРА»,
ВОРА В УНИВЕРМАГЕ,
НАБОЖНОГО КАТОЛИКА

ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ
РЕПОРТАЖИ

«ПРОГРЕСС»

Герхард Кромшрёдер

За фасадом:

ЖУРНАЛИСТ В РОЛИ НАЦИСТА,
«РОКЕРА»,
ВОРА В УНИВЕРМАГЕ,
НАБОЖНОГО КАТОЛИКА

Gerhard Kromschröder

Ansichten von innen:

**Als Nazi,
Rocker,
Ladendieb
und strammer
Katholik unterwegs**

Eichborn Verlag

Герхард Кромшрёдер

За фасадом:

**ЖУРНАЛИСТ В РОЛИ НАЦИСТА,
«РОКЕРА»,
ВОРА В УНИВЕРМАГЕ,
НАБОЖНОГО КАТОЛИКА**

ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ
РЕПОРТАЖИ

Перевод с немецкого

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1984

Предисловие и перевод Н. С. Португалова, А. А. Урбана
Редактор Н. Ф. Донченко

Кромшрёдер Г.

К 83 За фасадом: журналист в роли нациста, «ро-
кера», вора в универмаге, набожного католика./
Пер. с нем. и предисловие Н. С. Португалова,
А. А. Урбана.— М.: Прогресс, 1984—152 с., илл.

Репортажи западногерманского журналиста Герхарда Кромшрёдера (р. 1941) составили эту ставшую сенсацией книгу. Автор показывает изнутри реальную опасность возрождения нацизма, наглядно и достоверно рисует социально-политическую ситуацию в Западной Германии 1979—1982 гг.

**ББК 66.3(4Ф)
32 И**

К $\frac{4703000000-563}{006[01]-84}$ КБ-11-16-84

© Eichborn Verlag, 1982

© Предисловие и перевод на русский язык
издательство «Прогресс», 1984

Предисловие

Герхард Кромшрёдер — западногерманский журналист послевоенного поколения (род. в 1941 г.). После окончания университета, где он изучал социологию и искусствоведение, работал в различных газетах ФРГ, несколько лет в сатирическом журнале «Пардон», в 1979 году перешел в гамбургский еженедельник «Штерн» — самый крупный из политических иллюстрированных журналов Западной Германии, придерживающийся либерального направления. В «Штерне» он работает и сейчас, регулярно публикуя свои репортажи, принесшие ему широкую известность. Кромшрёдер — автор нескольких книг, все они, в том числе и предлагаемая вниманию читателей, — сборники статей и репортажей, опубликованных в журнале за последние пять лет.

В редакции «Штерн» Кромшрёдер приобрел прочную репутацию «левого». Он выступает исключительно по тем вопросам внутренней и внешней политики ФРГ, в которых либеральная ориентация еженедельника выдерживается наиболее последовательно. Впрочем, даже в «Штерне» Кромшрёдер несколько необычная фигура. Он стал одним из тех немногих, кто остается как бы символом приверженности «Штерна» к социальному и политическому прогрессу. С тех пор как гамбургское издательство «Грунер-Яр», в которое входит журнал, в конце прошлого десятилетия было окончательно поглощено концерном «Бертельсман» — крупнейшей транснациональной корпорацией на западном «рынке информации», — попытки сдвинуть «Штерн» вправо не прекращаются. Достаточно вспомнить нашу недавнюю историю с публикацией в журнале фальшивых «дневников Гитлера», авторы которых преследовали цель поднять в стране волну «коричневой ностальгии».

Еще сложней стало положение на рубеже 1982—1983 годов после падения социал-либеральной коалиции и возвращения к власти ХДС/ХСС, для которого «Штерн» всегда был бельмом на глазу. Менеджеры «Бертельсмана», конечно же, сочувствуют новой правопоцентристской коалиции ХДС/ХСС — СвДП, представляющей интересы крупного западногерманского капитала, а стало быть, и их собственные. Но дело в том, что правая часть спектра средств массовой информации в ФРГ прочно занята изданиями концерна Шпрингера — главного конкурента «Бертельсмана» и рядом других консервативных и ультраправых издательств. «Бертельсман» после долгих колебаний пришел поэтому к выводу, что, перелицевав «Штерн» на правый лад, он не только обрек бы журнал на прозябание и медленную смерть, но и сам понес бы существенный материальный ущерб, лишившись многомиллионной либеральной аудитории в стране. Вот почему «Спрут из Гютерсло» (город в Нижней Саксонии, где находится правление концерна «Бертельсман») решил до поры до време-

ни сохранить, хотя и в несколько урезанном виде, либеральный облик «Штерна», в котором и Кромшрёдер пользуется пока свободой действий, как один из основных выразителей этого направления в редакции. Впрочем, он, судя по всему, не обольщается на этот счет, понимая, что в любой момент ситуация может измениться к худшему. Не случайно Кромшрёдер издает сборники своих репортажей, публикуемых в «Штерне», в небольшом левом издательстве «Эйхборн», не имеющем к «Бертельсману» никакого отношения.

Разоблачая наиболее отрицательные явления в жизни ФРГ, вскрывая реставративный и реакционный характер западногерманского государства, обнажая пуповину, все еще связывающую нынешнюю ФРГ с недобрым прошлым Германии, Кромшрёдер завоевал прочные симпатии прогрессивной западногерманской общественности, к видным представителям которой его с полным правом можно ныне причислить.

Специальностью Кромшрёдера в «Штерне» стали так называемые «репортажи в ролях» (Rollenreportagen), особый журналистский жанр, создателем которого в ФРГ является известный прогрессивный писатель и публицист Гюнтер Вальраф, которого он сам считает своим учителем. Подготавливая очередную работу в этом жанре, журналист как бы разучивает роль: меняет свой облик, в случае необходимости овладевает той или иной профессией, временно берет на вооружение представления и понятия той среды, в которую ему предстоит погрузиться в качестве не постороннего наблюдателя, а непосредственного участника определенных событий, или мнимого «единомышленника», чтобы потом дать правдивый отчет о происшедшем и пережитом. Следует сразу сказать, что это — весьма острое и с формально-юридической точки зрения не всегда вполне легальное журналистское оружие, которое прогрессивные публицисты в ФРГ используют только в борьбе против реакции. На обвинения в «незаконных методах» они с полным основанием заявляют, что так называемая «свободная пресса» в буржуазном государстве не имеет, как правило, ни желания, ни возможности разоблачать социальные пороки и политику реакционных кругов, грозящую смертельной опасностью самой же буржуазной демократии, и что поэтому они считают своим долгом дать общественности объективную информацию обо всем этом, прибегая к «репортажу в ролях» как к единственному средству получить такую информацию.

Результаты «тайного проникновения во вражеский стан» говорят сами за себя: достаточно в этой связи вспомнить хотя бы о репортажах Гюнтера Вальрафа, разоблачающих фальсификаторские методы бульварной газеты «Бильд», которая принадлежит концерну Шпрингера — этого рупора западногерманской реакции, опаснейшего инструмента оболванивания «человека с улицы». Для подготовки этих репортажей, вышедших в свет в 1978—1979 годах, автору пришлось несколько месяцев проработать в одной из местных редакций газеты, куда он устроился под видом преуспевающего бульварного журналиста, до неузнаваемости изменив свой внешний облик и овладев всеми повадками «газетного шакала». Этот настоящий публицистический подвиг вызвал огромный резонанс в самых широких слоях западногерманского населения и явился тяжелым ударом по концерну черного газетного магната, от которого тот не может до конца оправиться и по сей день.

Почти каждый «репортаж в ролях» вызывает волну судебных процессов — уголовных и гражданских, которые под самыми различ-

ными предложениями возбуждают разоблаченные «пострадавшие» — крупные фирмы, правые организации или отдельные представители реакционного лагеря. Но успех этих журналистских акций в широких слоях общественности и ее симпатии к Вальрафу и Кромшрёдеру привели к тому, что суды ФРГ (в которых, кстати сказать, теперь уже немало либеральных и прогрессивных юристов, порвавших со старыми «коричневыми» и «черными» традициями западногерманской Фемиды), как правило, оправдывают авторов. Таким образом, либеральные и прогрессивные круги как бы легализовали подобные акции как законное оружие самозащиты от реакции.

Но судебная волокита и издержки далеко не единственная опасность, грозящая Вальрафу, Кромшрёдеру и немногим другим их коллегам по созданию «журналистских ролей». Работа в этом жанре требует ведь не только яркого журналистского дарования в сочетании с недюжинными актерскими способностями, самоотверженного труда, огромной выдержки и в полном смысле слова чистых рук и убежденности; они нередко связаны и с опасностью для жизни — в тех случаях, например, когда журналист проникает в право-экстремистские и неонацистские подпольные организации.

Можно с полным правом сказать, что в лице Кромшрёдера Вальраф обрел многообещающего ученика и последователя, уже нашедшего свою собственную творческую манеру.

В отличие от Вальрафа, подготавливающего обычно свои выступления как акции большого размаха, осуществление и публицистическое оформление которых занимает долгие месяцы, Кромшрёдер работает методом моментальных зарисовок и быстрых перевоплощений, позволяющих ему, словно вспышкой молнии, высветить многие неприглядные, окутанные черно-коричневой пеленой явления в политической и общественной жизни ФРГ. Безошибочное социальное и политическое чутье, неиссякаемая энергия, неподкупность и бескомпромиссность, личное мужество и готовность к риску, не последнее по важности природное остроумие и неиссякаемое чувство юмора, придающие некоторым его наблюдениям характер разящей политической сатиры, позволяют ему при этом сообщать даже небольшим по объему, оперативно подготовленным материалам немалую разоблачительную силу. «Сыгранным» Кромшрёдером «репортерские роли» и отчеты о них на страницах журнала «Штерн» стали заметным явлением в общественной жизни ФРГ.

В подзаголовке предлагаемого сборника читаем: «Журналист в роли нациста, «рокера», вора в универмаге, набожного католика». Это — темы лишь некоторых его ролей в журналистских командировках по заданию редакции. Кроме упомянутых в подзаголовке «репортерских ролей», автор выступает в книге и как участник слета эсэсовских головорезов, ветеранов дивизии «Мертвая голова», где он выдает себя за «представителя молодого поколения, восхищающегося делами отцов»; активиста реакционной организации сторонников Штрауса, ведущих за пределами Баварии пропаганду на парламентских выборах 1980 года; участника «туристической поездки» группы ультраправых в ЮАР — страну апартеида, осуществившую на практике бредовые расистские «теории»; члена частного союза богатых бюргеров, пропагандирующих строительство индивидуальных убежищ — «противоатомных бункеров» — на случай ядерной войны, которую они считают «неизбежной», но в которой надеются выжить, чтобы на атомном пепелище стать этаким мировой элитой. Кромшрёдер «ищет совета» у занимающегося «изгнанием дьявола»

мракобеса-священника, на совести которого загубленная жизнь девушки, страдавшей эпилепсией; для этого «правого экстремиста на службе церкви» даже реформистские социал-демократы — красный дьявол, гнездящийся в Бонне, которого надо скорей изгнать; принимает «активное участие» в празднике «Сто лет военного гарнизона» в провинциальном швабском городке, в котором под официальной эгидой Бонна, где в тот момент еще стояли у власти социал-демократы, махровым цветом распускаются милитаристские и реваншистские «традиции» (это один из лучших репортажей Кромшрёдера).

Автор, как правило, воздерживается от пространных комментариев, предоставляя фактам говорить самим за себя, лишь изредка, словно мимоходом, в двух-трех фразах, чаще всего язвительно, сатирически он формулирует точку зрения прогрессивного журналиста. В более пространным изложении авторского кредо здесь и нет надобности — те же неонацисты, в демонстрациях которых Кромшрёдер принимает участие, считают его «своим», при нем не стесняются, и читатель наглядно убеждается в том, сколь глубоко еще гнездятся и как быстро размножаются бациллы неофашизма в социальном и политическом организме ФРГ, сколь реальной стала в наши дни неонацистская угроза, которую «слепые на правый глаз» и некоторые сочувствующие гитлеровским последышам западно-германские судьи и полицейские изображают как «случайное, незначительное явление на социальной периферии».

Мир знает о неисчислимых жертвах, которые понес советский народ. Двадцать миллионов граждан нашей страны отдали свои жизни в борьбе с фашизмом, освобождая свою землю и земли европейских стран. Десятки тысяч наших городов и сел были обращены в руины. Раны, нанесенные войной, ощущаются и поныне.

Наш народ знает, за что ненавидит фашизм.

«Фашизм — это человеконенавистничество.

Фашизм — это презрение к другим народам.

Фашизм — это культ грубой силы.

Фашизм — это унижение человеческой личности.

Фашизм — это идеология, при помощи которой один человек хочет поставить ногу на шею другого человека и сделать этого другого человека рабом.

Неужели же кто-нибудь думает, что вся эта идеология зачеркнута в мировом масштабе одним росчерком пера генерала, подписавшего капитуляцию германской армии? Фашизм существует до сих пор, существует в разных формах, открытых и скрытых, и эта болезнь не из тех, которые излечиваются просто солнцем и свежим воздухом...»

Это из «Уроков на будущее» Константина Симонова. Это определение фашизма он сформулировал в мае 1946 года в речи, с которой выступил на митинге в Сан-Франциско (США). Через год после войны.

Но каким актуальным звучанием наполнены эти слова и сегодня!

Когда Константин Симонов произносил их, нацистские палачи, страшась быть опознанными, забивались в норы, пытались уйти от ответственности. Но, как оказалось, их страхи не всегда были оправданными. Нацистские палачи были нужны. Нужны тем, кто собирался организовывать новые «крестовые походы» против коммунизма. В годы «холодной войны» бывших нацистов чуть ли не целыми паро-

ходами везли в США. Это были люди «близкие по духу» американским антикоммунистам. По данным газеты «Вашингтон стар ньюс», власти США укрывают до тысячи военных преступников, многие из которых работали и до сих пор работают на ЦРУ. Вспомним нашу шумевшую историю с палачом Лиона Клаусом Барбье.

Сравнительно недавно министр юстиции ФРГ сообщил, что из 84 463 военных преступников, против которых в Западной Германии велось расследование или возбуждались судебные дела, понесли наказание лишь 6432, то есть менее 8 процентов. А это значит, что тысячи кровавых убийц спокойно разгуливают по западногерманской земле. И не только разгуливают, а отравляют ядом нацизма души и умы молодых граждан ФРГ. Ведут они эту работу целенаправленно и методично. Эта «деятельность» дает свои плоды. На фашистских убийц порой равняются те, кто родился и двадцать лет спустя после войны.

Фашистскую идеологию, основанную на расовой нетерпимости, ненависти и терроре, гневно осуждает международное сообщество. В резолюции, предложенной недавно группой социалистических стран и одобренной Генеральной Ассамблеей ООН, содержится настоятельный призыв ко всем государствам запретить деятельность неонацистских организаций и объявить противозаконной пропаганду человеконенавистнических идей фашизма. В документе вновь подтверждается, что привлечение к ответственности и наказание за военные преступления и преступления против мира и человечества — «всеобщая обязанность государств». В нем указывается, что правительства разных стран должны «оказывать помощь друг другу в обнаружении, аресте и предании суду лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечества, и, если они будут признаны виновными, в их наказании».

Этот документ актуален не только потому, что был принят в декабре 1983 года. Он отражает реальность нынешнего времени. Известно, что в 60 странах, где правит капитал, то есть почти в трети всех государств земли, подвизаются неонацистские партии и группировки. Особенно активны они там, где зарождался фашизм, — в Италии и ФРГ.

В последнее время власти ФРГ предпринимают шаги, чтобы обелить преступное прошлое эсэсовцев.

В конце августа 1983 года было принято официальное решение не считать отныне правозащитной организацией федеральное объединение солдат и офицеров бывших войск СС (ХИАГ). А ведь в ФРГ еще живы и активно действуют около 300 тысяч бывших эсэсовцев, которых Международный военный трибунал в Нюрнберге объявил преступной организацией. Теперь сбывается мечта бывших эсэсовцев. Происходит то, о чем образно рассказывает Кромшрёдер в своем репортаже «Под знаком "Мертвая голова"».

«...В фойе зала я встречаю депутата бундстага от ХДС Ганса Виссебаха, потерявшего на войне зрение. Бывший унтерштурмфюрер СС из эсэсовской дивизии «Адольф Гитлер» стоит возле освещенного свечами сундука с германскими рунами, украшенными стальными шлемами. «Федеральное объединение солдат бывших войск СС (ХИАГ), куда входит и наша организация «Мертвая голова», не враждебна конституции и не имеет также ничего общего с правым радикализмом», — уверяет меня седовласый депутат.

Служащие войск СС — Нюрнбергский трибунал квалифицировал их как часть преступной организации — являются для него «обычными солдатами, как и другие», против которых теперь, однако, «ведется массовая клеветническая кампания, имеющая целью наклеить им ярлык нацистов...»

Нацизм жив. Он не ушел в небытие. И словно инфекция, расползается вглубь и вширь. Время от времени западногерманские власти для «демократического алиби» запрещают какой-либо нео-нацистский союз. Но на его месте тут же появляется добрая дюжина других, замаскированных подчас под спортивные клубы или безобидные местные «ферейны». Коричневая грибница прочно сидит в земле ФРГ, из которой вновь и вновь вырастают неонацистские поганки. Однако предоставим слово самому Кромшрёдеру. В репортаже «Ку-клукс-клан в Западной Германии» он описывает некоего Томаса Швенке. «За несколько дней до моего «вступительного экзамена» в ку-клукс-клан,— пишет Кромшрёдер,— этот восемнадцатилетний парень был осужден на восемь месяцев условно за нацистскую пропаганду. В Висбадене он расклеивал листовки с призывами «Не покупай у евреев» и «Пусть подохнет Рот-Фронт», а также портрет Гитлера с призывом «Вернись, отец!». Перед судом он не признал себя виновным, с гордостью рассказывает Швенке. «Они хотели выставить меня политическим смутьяном. А я ведь убежденный национал-социалист. Судья в палате по делам несовершеннолетних, наверное, удивился, когда я заявил ему: «Для меня Адольф Гитлер — крупнейший государственный деятель всех времен».

И вот такие люди необходимы ку-клукс-клану, который с помощью расистов в мундирах американской армии протянул свои щупальца к молодежи ФРГ, и прежде всего — к правэкстремистам.

Кромшрёдер (в том же репортаже): «...член НДП Герман рассказывает мне, что поначалу его кое от чего воротило в клятые ку-клукс-кланы: «Там встречается такая штука, как демократия, которая в действительности нам ничего не дает. Но зато у американцев есть четкие расовые определения». Этот неонацист надеется, что «клан станет новым движением, объединяющим правых». Вильфрид, юноша, который носит пряжку с эмблемой СС «Мертвая голова», добавляет: «У американцев превосходная организация, объединяющая всех правых. И деньги у них тоже есть. С американцами из клана действительно можно сотрудничать...»

Какая опасность исходит от полуподпольных неонацистских ячеек, расплодившихся в ФРГ, видно на примере двух молодых боевиков Ганса-Иоахима Байрера и Томаса Хампхофа (репортаж «Новые жрецы гитлеризма»).

«...Оба — об этом я узнаю позднее — принадлежат к организации «Национальная молодежь Восточной Фрисландии», ее члены под руководством эсэсовцев обучаются в «военно-спортивных лагерях» общению с оружием. Кульминационным пунктом в программе учебных сборов неонацистского «войска», одетого в черную униформу, является «закапывание евреев». Один из парней раздевается догола, на груди ему рисуют еврейскую звезду, закапывают по груди в яму, а другие юнцы должны над ним издеваться.

Цель такого упрямления-пытки состоит в том, чтобы, с одной стороны, проверить, насколько молодые нацисты готовы безоговорочно выполнять приказы — даже по отношению к беспомощному товарищу, а с другой стороны, изучить чувствительность жертвы, закопанной в яме, к боли...»

Написанные полтора-два года назад, эти репортажи не только не устарели, но, напротив, приобрели особую актуальность именно сейчас, когда крупный западногерманский капитал, стремясь переложить бремя обостряющегося кризиса на плечи трудящихся, отстранив от власти социал-демократов — гарантов так называемого «классового мира» в периоды относительного процветания, поставил у кормила правления своих политических приказчиков — консерваторов из правого ХДС/ХСС и переметнувшихся на их сторону правых либералов из буржуазной СвДП, не замедливших развернуть генеральное наступление на права и завоевания рабочего класса в ФРГ. Христианские демократы не скрывают, что не остановятся перед внутривнутриполитическими репрессиями, чтобы сломить сопротивление, которое оказывает им прогрессивная и в известной мере либеральная общественность. Подобная обстановка способствует дальнейшему росту неонацизма, рекрутирующего новых сторонников среди части безработной молодежи, лишенной социальной опоры и изверившейся в буржуазной демократии, и, конечно, прежде всего среди запуганной кризисом мелкой буржуазии, которая, как это уже бывало в германской истории на крутых ее поворотах, обнаруживает фатальную склонность крениться вправо.

Не будет преувеличением сказать, что из многочисленных выступлений прогрессивных и либеральных западногерманских публицистов против неонацизма лишь немногие достигали такого «мультипликационного эффекта» и такой силы разоблачения, как репортажи Герхарда Кромшрёдера. В известной мере этому способствовали и огромные тиражи популярного «Штерна», предоставляющего ему свои страницы, но главная заслуга, разумеется, принадлежит здесь самому автору, с немалым риском для себя проникшему в норы коричневых крыс и без малейших колебаний вынесшему «мусор из избы», на что даже порядочные западные публицисты редко решаются.

* * *

Как уже отмечалось, в настоящем сборнике в основном представлены работы Кромшрёдера, публиковавшиеся в «Штерне» в период 1979—1981 годов — в эпоху заката социал-либеральной коалиции. Эти репортажи и составили первую книгу автора, вышедшую в издательстве «Эйхборн» в 1982 году. Независимо от намерений автора они прозвучали мрачным пророчеством; читателю становилось ясно, что при столь глубоких корнях реакции в западногерманском реставративном государстве и при таком остром развитии экономического кризиса и бурном росте безработицы в условиях проходящей промышленной революции (капиталистическая рационализация, роботы и микропроцессоры съедают сотни тысяч, если не миллионы рабочих мест) христианско-демократическая «контрреформация» неизбежна. И действительно социал-демократические реформисты, не найдя в себе сил пойти на политический союз с прогрессивными слоями общества, не смогли удержаться у власти. После «парламентского переворота» осенью 1982 года — перехода СвДП на сторону христианских демократов — в Бонне воцарилась правоцентристская коалиция, закрепившаяся у власти после победы на досрочных выборах в бундестаг полгода спустя.

В политической и общественной жизни наступил, употребляя термин новых правителей, «большой поворот» — разумеется, вправо, добавим мы от себя. Нашло это свое выражение и во внешней политике. Как известно, кабинет канцлера Коля занял вопреки национальным интересам ФРГ однозначно проамериканскую позицию в роковом вопросе о размещении в стране новых ракет средней дальности, этого дополнительного потенциала первого удара по Советскому Союзу с западногерманской земли, превращающего ее в мишень № 1 для неизбежного ответного удара. Правда, и здесь «первородный грех» совершили социал-демократы — именно канцлер Г. Шмидт был одним из «отцов» так называемого «двойного решения» о «ядерном довооружении НАТО», принятом еще в 1979 году. Но такой практически неограниченной вассальной зависимости от ядерной стратегии наиболее агрессивных кругов американского империализма, стремящегося к мировой гегемонии, ФРГ не знала с 50-х годов.

Сейчас, когда первые «Першинги-2» уже установлены в ФРГ, центр политической борьбы в стране начинает сдвигаться: массовое антивоенное движение, по мощи не знающее себе равных в истории ФРГ и охватившее все слои общества, смыкается через профсоюзы с социальной борьбой рабочего класса. СДПГ, отвергнувшая на своем съезде в ноябре 1983 года «двойное решение», все ощутимей смещается влево. Создается впечатление, что руководство социал-демократов под давлением партийных низов меняет линию, рассчитывая ныне на путях общенациональной антиракетной борьбы в сочетании с социальными реформами постепенно вернуть себе голоса избирателей, ушедших от нее как влево, к «зеленым», так и вправо, к ХДС/ХСС, и вернуться к власти. Одновременно обостряется и процесс политической поляризации в ФРГ: «правый поворот», совершенный ХДС/ХСС, с закономерностью привел к резкому усилению неонацистской угрозы; подпольные и полуподпольные неонацистские организации растут, находя питательную среду в деклассированных за годы кризиса слоях молодежи и мелкой буржуазии и пользуясь тем, что репрессивный аппарат государства в руках консерваторов, стоящих у власти, используется прежде всего для борьбы с антивоенным движением, а также с прогрессивными силами.

Этот экскурс в творимую историю ФРГ, в ее быстротекущий сегодняшний день понадобился здесь не только для общего фона. Читателю станет ясно, что сборник, предлагаемый его вниманию, отражает пусть самое недавнее, но все же прошлое Западной Германии, уже ушедшее в ее вчерашний день. Хотя многое у Кромшрёдера неразрывно связано с этим новым этапом развития ФРГ и помогает понять его, издательство «Прогресс» с любезного согласия издательства «Эйхборн» и самого автора постаралось по мере возможности актуализировать сборник, включив в него две более поздние работы Кромшрёдера: репортажи «Как я был турком», написанный осенью 1982 года в канун падения социал-либеральной коалиции, и «Пусть льется кровь...», опубликованный в «Штерне» в сентябре 1983 года, т. е. уже несколько месяцев спустя после возвращения к власти ХДС/ХСС.

В первом из названных очерков автор коснулся, пожалуй, самой животрепещущей проблемы западногерманской жизни — нарастающей враждебности к иностранным рабочим, прежде всего к туркам, вложившим в годы подъема столько труда, чтобы поднять благосостояние приютившей их страны, а теперь в обстановке кризиса

ставшим лишними людьми, от которых хотят любой ценой избавиться, и как можно скорее.

Так, во Франкфурте-на-Майне четверть населения составляют иностранцы — более высокого процента иностранцев нет ни в одном другом крупном западногерманском городе. «Без иностранных рабочих,— пишет Кромшрёдер,— город задохнулся бы от грязи».

Но самое опасное — это исподволь поощряемая властями неприязнь к туркам и другим «гастарбайтерам». Она становится сейчас в ФРГ импульсом расистских и неонацистских настроений. Кромшрёдер, выкрасив волосы и усы в черный цвет и соответственно одевшись, на собственном опыте убедился в том, как живется во Франкфурте турку, которым гнушаются и помыкают даже бездомные бродяги-алкоголики. Репортаж этот вызвал волну положительных откликов в ФРГ, в том числе и со стороны рабочих-турок.

Второй репортаж, включенный в книгу дополнительно, посвящен также одной из самых острых проблем сегодняшней ФРГ — росту неонацистского подполья, точнее, его полулегальных и легальных замаскированных форм. Кромшрёдер провел несколько недель в одном из фашиствующих клубов «футбольных болельщиков», являющихся в действительности легальными филиалами подпольных неонацистских союзов. Спорт меньше всего интересует этих молодчиков, а «клубами», как правило, руководят хорошо подготовленные в подполье нацистские эмиссары, сегодняшние последыши эссовских головорезов.

Вот как описывает Кромшрёдер громил из так называемого «Боруссенфронта»: «Заводила в союзе — Зигги-эссовец. Черные сапоги, черные кожаные штаны, черная рубашка, черный берет с рунами, на груди значок праворадикальной организации «Викинг-югенд». Он уже побродил по свету. Полтора года назад ездил в Аргентину, верней, сбежал туда после драки с турком. В Южной Америке, по словам Зигги, он установил контакты и со старыми гитлеровцами, и с неонацистами. Самое сильное впечатление произвела на него там некая террористическая организация — группа на манер военно-спортивной, численностью около 100 человек. Ему там «дали кое-что своими руками пощупать». «У них даже свой самолет есть, со свастикой на крыльях. Сила! А потом они кинотеатр взорвали, в котором должны были показывать еврейский пропагандистский фильм»,— рассказывает Зигги.

Здоровенному Зигги и его приятелям из «Боруссенфронта» довелось в 1983 году, в июле, потеряться среди главарей международного нацистского подполья на ежегодной встрече фашистов в бельгийском городе Диксмейде. «Там собрался весь «высший свет»,— рассказывает он,— «Национальный фронт» из Англии, ку-клукс-клан из Америки, испанцы, итальянцы, а от нас — люди Гофмана и ребята Кюнена прикатили на своей амфибии». Разъезжая с матча на матч по западногерманским городам, эти банды стараются превратить любую футбольную встречу в нацистский митинг на стадионе, подогревая страсти, апеллируя к низменным инстинктам и направляя их в нужное им русло. Такие «акции» нередко завершаются кровавыми побоищами, в которых иностранным рабочим-туркам отводится роль германских евреев начала 30-х годов. Впрочем, и антисемитские гитлеровские лозунги по-прежнему в ходу у неокоричневых погромщиков, к которым полиция относится чаще всего снисходительно — случаи ареста и осуждения организаторов

этих побоищ, и то лишь за мелкое хулиганство, в ФРГ до сих пор редкость.

В то же время наряду с погромами «активисты» из «коричневых сотен» ведут также организационную и пропагандистскую деятельность, пожалуй, еще более опасную, вербуя в асоциальных деклассированных слоях населения — среди безработной молодежи, разоряющихся мелких буржуа и т. д. — сотни, а то и тысячи новых сторонников, готовых встать на путь насилия и террора в борьбе не только против левых и леволиберальных сил, но и против хрупкой еще западногерманской буржуазной демократии.

Можно без преувеличения сказать, что этими репортажами Кромшрёдер оказал большую услугу своей стране, вскрыв и тем самым предупредив готовившуюся тогда кровавую неоакцию: 26 октября 1983 года в Западном Берлине, где в тот день проходил матч между национальными сборными ФРГ и Турции, неонацисты планировали устроить массовый погром, который должен был завершиться резней турецких иностранных рабочих и походом на Кройцберг — «берлинский Стамбул» — городской район, где живут несколько сот тысяч рабочих-турок и членов их семей. После опубликованного в «Штерне» репортажа христианско-демократические власти, опасаясь международного скандала, приняли предупредительные меры, и побоище было предотвращено.

У читателей сборника, видимо, возникнет вопрос: почему Кромшрёдер, один из самых одаренных и популярных прогрессивных журналистов в ФРГ, достойный наследник традиций «неистового репортера» Эгона Эрвина Киша, до сих пор не осветил в своих работах такого важнейшего ключевого момента нынешней западногерманской жизни, как антивоенное движение. Ответ прост — специализируясь на «репортажах в ролях», требующих тайного проникновения во враждебную или, во всяком случае, чужую для него среду, автор, как и большинство репортеров «Штерна», открыто и активно сам участвует в антиракетных демонстрациях, здесь ему не дано маскироваться и скрывать свои убеждения.

Как бы то ни было, можно не сомневаться, что читатели в ФРГ и за ее пределами не раз еще с интересом и глубокой симпатией познакомятся с новыми работами Кромшрёдера, каждая из которых является точным и чувствительным ударом по западногерманским реакционерам всех мастей.

Остается отметить, что работы Кромшрёдера — хороший пример художественной публицистики: они написаны живо, ярко, увлекательно, насыщены приметами жизни Федеративной Республики Германии.

Хочется думать, что выход сборника на русском языке будет иметь значение определенного сигнала, адресованного нынешним христианско-демократическим руководителям ФРГ, который еще раз напомнит им, что советская общественность бдительно следит за угрожающим ростом неонацистских, реваншистских и милитаристских тенденций в стране, дальнейшее позитивное развитие отношений с которой остается долговременной целью нашей внешней политики. Именно поэтому любые происки реакции в ФРГ не могут не вызвать у нас самой серьезной озабоченности.

Н. Португалов, А. Урбан

Новые жрецы гитлеризма

Мы сидим в кругу. На женщинах длинные белые платья, мужчины в черных накидках и черных бриджах. Рассеянные лучи заходящего солнца проникают в зал через цветные витражи с изображением старинных гербов. В центре как изваяние овчарка. Она положила голову на холодный пол, и от ее мерного дыхания остаются влажные следы.

«Собаки,— говорит Великий магистр Адольф,— лучше нас, людей, чувствуют чужого». Я с тревогой смотрю на черного пса. Однако Тассо заспанно моргает. Великий магистр Адольф обращает свой взор на меня: «Мы приветствуем в своих рядах нового брата нашего ордена. Теперь каждый из нас возьмет за руку своего соседа, и мы образуем волшебный круг Водана*, который принесет нашему новому члену арийское просветление».

Такой церемонией приема в организацию я прошел высочайшее посвящение в «белокурую героическую расу арийца», «которая и интеллектуально и нравственно стоит выше других рас». Она — итог «тысячелетнего выведения чистой породы, а может быть и результат скрещивания с ангелами, которые тогда спускались с небес». Теперь я — «носитель арийского света и солнечный проповедник Водана».

«Религию,— говорит Великий магистр Адольф благоговейно внимающим арийцам,— нельзя выбрать подобно членству в партии. Религия связана с расой, и для арийца единственной соответствующей его расе верой является исконно германское язычество. Более

* Водан — верховный бог в германской мифологии, покровитель воинских союзов.— Здесь и далее примечания переводчика.

тысячи лет местом священнодействия германцев является крепость Гляйберг возле Гиссена. В ее древних стенах еще в глубокую старину находилось боготворимое германцами святилище Водана, которое излучает благотворный свет на наш Святой Круг».

Тассо потягивается, встает. Он направляется ко мне, но затем проходит мимо и позволяет себя погладить бородатому хозяину, который сидит справа от меня. Начинает смеркаться. Единственным источником света теперь остаются две свечи, украшенные рунами. Они горят у алтаря в конце зала. Слева висит святой образ Водана, справа — изображение богини Фрии. Посредине возвышается метровый, вырезанный из дерева Ирминсиль — символ веры Водана. Это похоже на арбалет и должно символизировать столп, подпирающий небо. На алтаре лежат цветы и яблоки, мерцают лампы.

После сооружения алтаря — прочел я в наставлении для молящихся — рыцарский зал крепости Гляйберг нельзя «рассматривать больше как обычное помещение, а как посвященный богам храм». Поклоняясь германским божествам, необходимо вести себя так, как «обычно держатся гости в присутствии высокопоставленного лица».

«Наша древняя вера,— говорит Великий магистр Адольф в сгущающейся темноте,— подобна этой крепости: ее часто разрушали враги, но благодаря решительной воле германцев ее снова восстанавливали. Теперь наша вера находит все больше и больше почитателей...» Над головой раздается шум, мы вздрагиваем. Слова Великого магистра разобрать невозможно. Это пролетает реактивный бомбардировщик на бреющем полете, дрожат стекла, болью отдается в ушах. Шум реактивного самолета возвращает меня к реальности: я в Германии середины двадцатого столетия... на собрании кружка новогерманского «Ордена арманов». Вместе со мной в новые члены арийского союза посвящают еще двух человек. В кругу членов ордена они сидят напротив меня. Это семнадцатилетний бледнолицый школьник Ганс-Иоахим и слесарь Томас, годом старше, который затыкает уши, чтобы не слышать шума реактивного самолета. На Гансе-Иоахиме зеленый форменный мундир со свастикой и имперским орлом. Оба — об этом я узнаю позднее —

принадлежат к организации «Национальная молодежь Восточной Фрисландии», ее члены под руководством эсэсовцев обучаются в «военно-спортивных лагерях» обращению с оружием. Кульминационным пунктом в программе учебных сборов неонацистского «войска», одетого в черную униформу, является «закапывание евреев». Один из парней раздевается догола, на груди ему рисуют еврейскую звезду, закапывают по грудь в яму, а другие юнцы должны над ним издеваться.

Цель такого упражнения-пытки состоит в том, чтобы, с одной стороны, проверить, насколько молодые нацисты готовы безоговорочно выполнять приказы — даже по отношению к беспомощному товарищу, а с другой стороны, изучить чувствительность жертвы, закопанной в яме, к боли.

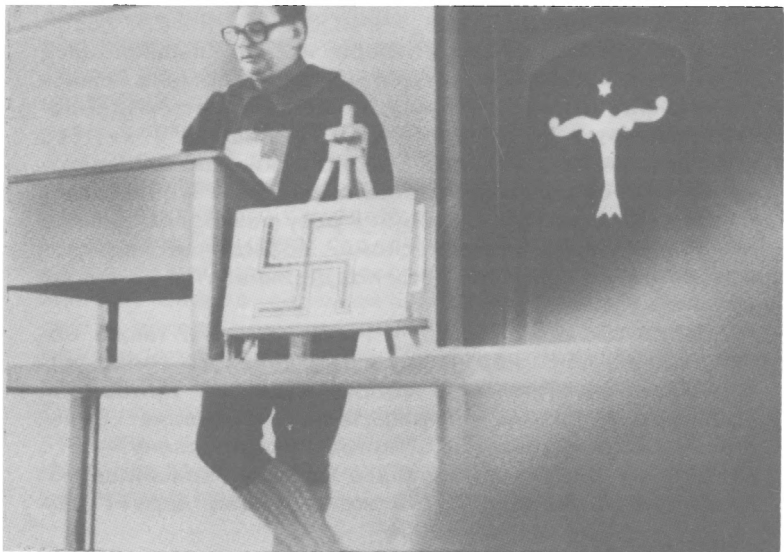
Гансу-Иоахиму Байеру и Томасу Хампхофу, с которыми я теперь в кружке арманов сижу в крепости Гляйберг, упражнения с оружием и игры в концлагерь показали перспективой, недостаточно близкой к реальности. Они захотели бороться по-настоящему и несколько месяцев тому назад ушли в правое подполье южной Германии. С тех пор они ведут агитационную работу в одном «боевом подразделении национал-социалистов». Это подразделение примыкает к «Народно-социалистскому движению Германии», которым руководил арестованный по подозрению в терроризме Фридрих Буссе.

Если Буссе считает Гитлера «самой выдающейся личностью в истории», то для молодого армана Томаса Хампхофа Гитлер — «гений». И он заявляет: «Идеологию, которую защищал Гитлер, защищаю и я». Его сподвижник Ганс-Иоахим Байер также ориентируется на расовое учение третьего рейха: «Что касается евреев, то я рассматриваю эту расу как более низкую по сравнению с нордической». Убеждение нацистов относительно арийской расы поддерживается и в союзе арманов.

Вслед за мной Томаса и Ганса-Иоахима также посвящают в члены нордического орденового сообщества. «Одно-единственное собрание, и мы приобрели трех новых членов,— торжественно объявляет Великий магистр Адольф и зажигает новую свечу.— Это свидетельствует о том, что все больше германцев обращаются к Водану. Пусть же будущее дарует нам

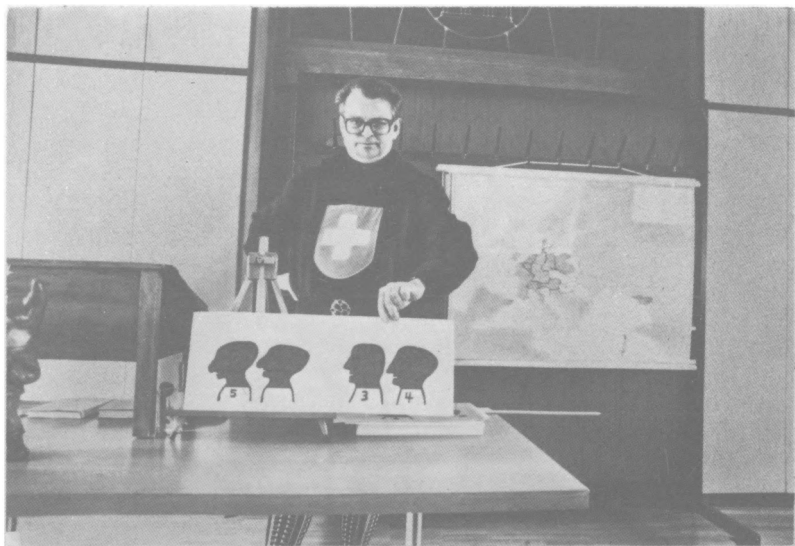
«Носители арийского света и солнечные проповедники Водана».
«Гимнастика с рунами» во время собрания арманов в рыцарском зале
гессенской крепости Гляйберг.

«Религиозный знак счастья и духовного самосозерцания». Доклад о
свастике.

«У семитов треугольный череп». Специалист по расовым вопросам Бухер.

«Национал-социализм Адольфа Гитлера — это спасение для восьмидесятых годов». Хайнц Бухер и Кромшрёдер закливают духов одного лесного источника.

Члены «Ордена арманов» Ганс-Иоахим Байер (справа) с приверженцами «Национальной молодежи Восточной Фрисландии» во время тренировки, называемой «закапывание евреев».

«Мы создадим новый рейх, чего бы нам это ни стоило — на следующий год ведь опять будут праздновать Октоберфест». Члены неонацистской группы боевиков «Вервольф».

столь же много новых братьев по вере, как это было в последние месяцы перед этим собранием».

Не только арманы, но и другие коричневые религиозные кружки переживают взлет конъюнктуры. Новые гитлеровские апостолы называют себя «гюльфилистами», «Орденом годов», «Сообществом верующих язычников».

«Ядро новой расовой религии,— считает мюнхенский эксперт по сектам священник Фридрих-Вильгельм Хаак,— составляет более 1500 человек». Наряду с неисправимыми старыми нацистами и фанатичными германофилами в секты арийцев устремились молодые, готовые к насилию неонацисты. Они надеются получить там благословение на проведение своих акций против иностранных рабочих, евреев и демократов. Фридрих-Вильгельм Хаак говорит: «Если политические экстремистские действия можно еще обосновать и религией и если сюда еще добавляется сознание того, что это поручено богом, то исчезают последние сдерживающие преграды».

Особенно воинственными являются исповедующие культ бога Водана гюльфилисты. Во время их встреч освящается оружие и иногда символически сжигаются предатели — «по древнему обычаю их подвешивают к деревянной перекладине на открытом воздухе». Верховный жрец гюльфилистов Вольфганг Кантельберг из Крефельда участвовал в создании «Народно-социалистического движения Германии», которое подозревают в терроризме. Свастику гюльфилисты считают «религиозным знаком счастья и духовного самосозерцания». Они убеждены, что «Адольф Гитлер получил достойное место на небесах Вальхаллы*». Он один из их «заступников перед богами», к которому они взывают: «Адольф, молись за единство Германии!»

Во время тайных встреч гюльфилистов военно-спортивная группа Буссе охраняет место проведения собрания. Фюрер гюльфилистов Кантельберг расплачивается за это «религиозными семинарами», которые проводит с молодыми нацистами, и молитвами за благополучие неонацистских террористов: «Вспомним мысленно так называемых неофашистов, которых, словно наших языческих великомучеников, преследуют только за их веру».

* Воинский «рай», хозяином которого является бог Водан.

«Орден годов», насчитывающий четыреста членов, является самым боеспособным «войском» германцев. Духовную жизнь этот орден связывает с традициями «арийских предков». «Христианская религия, получившая свое развитие на базе еврейской,— говорят они,— противоречит устремлениям наших душ». Максималистское требование годов гласит: «Все, что зовется немецким, для нас священо и неприкосновенно».

В Герборне, в Вестервальде, я сижу напротив инженера Гюнтера Габке на террасе его дома. Он управляет канцелярией «древних годов». Я вступил послушником в этот орден, чтобы через год испытательного срока дослужиться до звания «рыцаря Грааля». В предписании № 5 для годов я прочел о том, что сведения о шести миллионах людей, отравленных газом, являлись ложью. «По надежным данным Международного Красного Креста, в период между 1939 и 1945 годом умерло 138 000 евреев, включая случаи естественной смерти и военные потери».

Господин Габке дает мне книгу «Благочестие нордической расы». «Это обязательное чтение для каждого, кто готовится стать рыцарем годов»,— замечает он. Автор книги, профессор Ганс Гюнтер, был ведущим специалистом по «расовой гигиене» у нацистов. Его теория об арийских сверхчеловеках послужила оправданием и основой для разработки Нюрнбергских законов, которые стоили жизни миллионам людей, уничтоженных в концлагерях.

«Адольф Гитлер,— поясняет мне за кофе и яблочным пирожным старший год,— был последним крупным государственным деятелем, который понял значение расового вопроса». В отношении иностранцев, которые «угрожают примесями нашей нордической расе», у бывшего функционера НДП есть следующий рецепт: «Мы должны наконец перейти к решительным действиям: нужно поджигать дома турок и закладывать бомбы на фабриках, где они работают».

«Языческое сообщество германской веры» является самой молодой сектой, почитающей Водана. Ее основал производитель рекламных изделий Хайнц Бухер из Мангейма. Перед этим он вышел из НДП, поскольку она показалась ему недостаточно радикальной. С тех пор он называет себя Великим годом Манхартом. Я встречаю Хайнца Бухера в тевтонском лесу,

где он намерен «заговорить» скалы возле Детмольда. Четыре большие скалы из песчаника с их живописными пещерами и высеченным рельефом являются для него «германской обсерваторией» и «древнейшим центром отправления языческих культов».

Великий год указывает на самую высокую точку скалы: «Там наверху стоял Ирминсуль, священный символ веры Водана. Карл Великий сбросил его вниз. С тех пор у нас утвердилось христианство — еврейская секта с еврейским богом».

Мы забираемся в одну из пещер в этой скале. Там я должен с поднятыми вверх руками стать в углубление в полу — чтобы «насытиться космическими лучами, которые особенно интенсивны в этом месте». Затем мне как новичку «для измерения своих пропорций» следует лечь в выбитую в скале «мульду», имеющую форму человеческого тела. Мои контролеры явно довольны результатами проверки. «У вас идеальные арийские размеры», — заявляет Великий год Манхарт. И меня принимают в арийский клуб.

В погребке ратуши Майнберга Манхарт выступает перед своими приверженцами с «докладом о расах». «У семитов, — говорит он, — треугольный череп без переднего головного мозга». «Бедняга, как ты заблуждаешься», — подумалось мне. Позднее он формулирует эту мысль прозрачнее: «Национал-социализм Адольфа Гитлера — это спасение для восьмидесятых годов». И Манхарт сообщает, что является целью его культового кружка: «С помощью воинственно-германского язычества мы хотим поддержать молодых энтузиастов нового национального движения».

Я спрашиваю Великого года, относится ли это также и к тем, кто участвовал в террористической акции на мюнхенском празднике «Октоберфест». Там были убиты тринадцать человек и свыше двухсот получили ранения. «Убийство может быть признано богоугодным, потому что и бог ведь тоже убивает», — заявляет Манхарт.

«Расовое сообщество» — старейшая секта поклоняющихся Водану. Она называет себя «избранным обществом», действующим во имя «сохранения и обновления белой человеческой расы». Я наношу визит основателю секты д-ру Вильгельму Куссерову в Берлине. В его комнате стоит трехстворчатый алтарь Ирминсуля.

Исследованием рас он занимается уже полвека. «Скрещивание» семитов с арийцами он считает «катастрофой». И наоборот, небольшую «примесь европейской крови» он находит чрезвычайно позитивным явлением. В Бисмарке его восхищают «фальско-остские черты», у поэта Райнера Марии Рильке «в некоторой степени чувствуется налет славянизма», Бетховена он признает великим композитором, хотя он кажется «почти «остским»».

Восьмидесятилетний д-р Куссеров считает, что под угрозой находится дело, которому он посвятил жизнь: на последнем заседании правления секты он был смещен с поста председателя. «Теперь там заправляют скверные люди,— жалуется бывший школьный учитель.— Там теперь во главе стоят имеющие судимость неонацисты и люди из военно-спортивной группы Гофмана. Они хотят использовать это расовое сообщество для своих радикальных политических целей».

Специалистом по правовым вопросам в новом правлении сообщества является адвокат из Гамбурга Юрген Ригер. Он активный юрист и специалист по расовым вопросам. Его книга «Раса — наша проблема» объявлена вредной для молодежи. Адвокат Ригер — председатель «Общества биологической антропологии, евгеники и изучения поведения», это звучит довольно научно. Несколько лет тому назад этот арийский союз, возглавляемый Ригером, назывался более однозначно: «Немецкое общество по поддержанию здоровой наследственности». На процессе по делу правых террористов в Бюккебурге Ригера временно отстранили от защиты из-за подозрения в том, что он поддерживает террористическое объединение.

Среди коричневых религиозных кружков самый большой приток людей наблюдается ныне в «Ордене арманов». Я наношу визит Великому магистру Адольфу, который принял меня вместе с двумя молодыми нацистами в свой тайный союз в крепости Гляйберг. Великий магистр живет в Аммерланде, на озере Штарнбергер-Зе. Его обычное гражданское имя — Адольф Шляйпфер.

На первый взгляд господин Шляйпфер кажется почти мирным человеком. Фрукты и овощи он выращивает в своем саду с помощью биодинамики. У него в доме нет ни алкоголя, ни сигарет. Всю одежду для детей

его супруга Зигрун шьет сама. Господин Шляйпфер показывает мне колодец, который он пробурил сам. «Сегодня никому больше не надо ехать в Индию, у нас в Германии достаточно собственных религиозных традиций», — говорит предводитель арманов. Он вручает подарок — пучок салата, выращенного им самим. «Несколько лет назад нас считали нацистами, потому что мы выступали за простой образ жизни. Сегодня наши идеи полностью соответствуют тенденциям времени».

Господин Шляйпфер одевает свой серый вязаный свитер и прикалывает значок, на котором изображено улыбающееся солнце с надписью: «Атомная энергия? Нет, спасибо!» «Я — против ядерной энергии, потому что она разрушает жизнь», — говорит он.

На задней двери его мини-автобуса марки «фольксваген» приклеен опознавательный знак нацистского интернационала — «Люди Водана» и крест кельтов. Это партийный значок немецкого «народно-социалистского движения», подозреваемого в терроризме, а также эмблемы американского ку-клукс-клана и правой французской террористической организации «ФАНЕ».

Мы едем на праздник лета на озеро Штарнбергер-Зе, который устраивает праворадикальная организация «Викинг-югенд». Поджигается костер, дрова сложены шатром, высотой метров в десять. Пламя устремляется ввысь. Передо мной с факелами в руках группа пожилых мужчин. Это бывшие эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова», которая особо отличилась, охраняя первые концентрационные лагеря Адольфа Гитлера. Рядом с теми, кто маршировал в солдатских сапогах, — «новобранцы», молодые люди из Мюнхена. Девушки в полосатых сатиновых брюках и с пестро раскрашенными волосами. Юноши в длинных пиджаках с люрексом, в узких, дудочкой, брюках и с короткими стрижками. Некоторые — в застегнутых на молнии джинсовых жилетах «рокеров». На спине вышито слово «Вервольф» («Оборотень»). Так Гитлер называл свои группы, действовавшие в подполье и боровшиеся против наступавших союзнических войск. Застреленный в Мюнхене «народный социалист» и нацистский террорист Клаус Людвиг Уль также хотел начать вооруженный «марш на Германию», используя под-

разделения «Вервольфа». Об этом он заявил в изгнании в Париже. Члены подразделений «Вервольфа» на празднике лета одеты в черные береты с эсэсовской эмблемой дивизии «Мертвая голова». «Эти парни — наше самое надежное войско,— заявляет мне один функционер НДП.— Если доходит до дела, после них остаются только щепки». Рядом с аккуратно одетыми в форму юношами и девушками из организации «Викинг-югенд» стоит несколько молодых мужчин в черном облачении: кожаных куртках, вельветовых брюках и сапогах парашютистов. Это члены «народно-социалистского движения».

Костер догорел, и все вместе исполняют песню — бывшие эсэсовцы, подростки из организации «Викинг-югенд», Великий магистр Адольф, мюнхенские полит-«рокеры», функционеры НДП и народные социалисты: «Братья на Востоке и на Западе, братья в Австрии! Мы построим новый рейх...»

На краю лужайки стоит «опель-капитан», на дверцах намаляван девиз панков «Разрушай!». И молодой член «Вервольфа», улыбаясь, говорит мне: «Мы создадим новый рейх, чего бы нам это ни стоило — на следующий год ведь опять будут праздновать Октоберфест».

Ку-клукс-клан в Западной Германии

В заявлении о приеме в «Ку-клукс-клан Западной Германии» я заверял, что я — «белый человек нееврейского происхождения». Одновременно должен был «поклоняться что буду хранить в тайне всю информацию, которую получу в связи со своим членством в организации». Заполненный формуляр заявления вместе с «разовым вступительным взносом в размере тридцати марок» я направил в адрес одного почтового отделения, расположенного в Эйфеле. Теперь я приглашен для первой личной беседы с представителями ку-клукс-

клана в Висбадене. Надо быть готовым к допросу.

Мы сидим в левом крыле ресторана «Бумеранг», в длинном помещении с притушенным освещением. За деревянными столами молодые люди с бородками и женщины в лиловых комбинезонах. Гремит музыкальный ящик. Элтон Джон исполняет песенку «Пинбол визард», на очереди — «битлзы». Справа от меня сидит школьник, который представляется как Берндт Шэфер. Молодое открытое лицо, юноше приходится напрягаться, чтобы казаться решительным. Этот восемнадцатилетний руководит Информационным бюро «Ку-клукс-клана Западной Германии». Он поместил рекламу своей организации в официальной воскресной газете падерборнского архиепископства «Дом» и в праворадикальных газетах типа «Бауэрншафт» и «Гэк». «Ведомство по охране конституции меньше всего ожидает встретить нас тут, среди длинноволосых, — говорит Шэфэр, — а потом здесь приятнее, чем в глупом кабаке на углу с музыкой Дитера Томаса Хека». Он улыбается, поднимает свой стакан и предлагает выпить за мое здоровье.

Ганс-Йоахим Фогель, по кличке Перси, примерно сорока лет, с черными локонами, сидящий слева от меня, ведет себя сдержанно. «Сначала мы должны узнать, с кем имеем дело», — одергивает он доверчивого Шэфера. И затем спрашивает меня: «Что ты знаешь о клане?» Я рассказываю все, что успел прочитать.

Ку-клукс-клан — это боевая организация, основанная в 1865 году ветеранами армии южных штатов, которые проиграли в американской Гражданской войне и объявили своими кровными врагами освободившихся от рабства негров. Под горящим крестом — символом клана — были обмазаны дегтем, вывалены в перьях, кастрированы и повешены тысячи чернокожих. В последние годы ку-клукс-клан, имеющий тайные лагеря по обучению методам вооруженной борьбы в южных штатах США, приобрел новых многочисленных сторонников. По подсчетам «Антидискриминационной лиги» в Нью-Йорке, за последние пять лет клан увеличил число своих членов с двух до десяти тысяч.

«Прекрасно, — бурчит Перси после моего сообщения. — Но одно ты должен затвердить с самого начала: наши враги не только негритосы. Вместе со своими американскими друзьями мы, немецкие патриоты, бо-

ремся со всеми чужими расами. С русскими, турками и прочими, наводняющими нашу страну, и — как в свое время Адольф Гитлер — с мировым еврейством, которое скрывается за систематическим засильем иностранцев в Германии».

В нацистской директиве, изданной в Америке, которую мне дают позднее, читаю под заголовком «Желание горбоносых»:

«Негров на Рейн направляли и направляют евреи всегда с одной и той же тайной мыслью и целью — уничтожить таким образом белую расу, которую они ненавидят и хотели бы испоганить, свергнуть с высоты ее политического и культурного уровня, чтобы самим властвовать над всем и вся».

Перси экзаменует меня дальше, проверяет досконально. Кто такой д-р Герхард Фрей? Кто написал книгу «Ложь об Освенциме»? Когда был основан германский рейх? Почему запретили «военно-спортивную группу Гофмана»? Где находится штаб-квартира НСДАП/АО*? Когда НДП одерживала свои крупнейшие победы на выборах? Какие цели преследует организация «Викинг-югенд»? Как звучит первая строфа Хорста Весселя**? Кажется, мои ответы его удовлетворили.

И наконец, Перси спрашивает: «Кто крупнейший германский политик?» Он явно хочет услышать имя Адольфа Гитлера. А я парирую контрвопросом: «Какая сегодня годовщина?» Перси задумывается. Не знает, что ответить, настороженно выжидает. «Сегодня годовщина захвата власти Гитлером», — говорю я. На Перси это производит впечатление. В знак признания он хлопает меня по плечу. «Приглашаю тебя на празднование дня рождения фюрера к себе на квартиру». Я выдержал экзамен и стал теперь одним из тысячи членов ку-клукс-клана в Германии.

По случаю моего вступления в организацию Перси заказывает три большие кружки пива. «Теперь мы поднимем тост за истинного германского патриота», —

* Национал-социалистическая немецкая рабочая партия — базовая зарубежная организация. С 70-х годов в ФРГ участились попытки легализовать гитлеровскую партию, называвшуюся НСДАП. Активную роль здесь играет американская НСДАП во главе с Г. Лауком, именующая себя «зарубежной организацией».

** Нацистский гимн.

заявляет он. «Боже мой,— подумал я,— опять Гитлер». Однако Перси произносит: «Выпьем за Франка Шуберта, который отдал свою жизнь, сражаясь в рядах германского освободительного движения». Люди за соседними столами с явным раздражением смотрят в нашу сторону.

На Перси это не действует, и он продолжает свой рассказ о том, как подружился с Шубертом после встречи нацистской «боевой группы Мюллера» в Майнце. Неоднократно судимый, неонацист Франк Шуберт в предрождественский вечер 1980 года убил на швейцарской границе одного таможенника и полицейского, а потом застрелился. Члена правоэкстремистского «Народно-социалистского движения Германии» поймали там за руку, когда он пытался контрабандой переправить оружие.

«В конце прошлой недели,— продолжал Перси,— в память Шуберта тридцать парней совершили маршбросок через Таунус. Мы прошли сорок километров, а затем приколотили к старому немецкому дубу мемориальную доску в память о Шуберте и украсили ее большой прекрасной свастикой».

Мы чокаемся. Потом Перси еще раз поднимает бокал и предлагает «патриотический тост в честь Арндта Маркса — борца за свободу, находящегося в эмиграции». Незадолго до террористического акта в Мюнхене Маркс, руководитель франкфуртского подразделения «Штурм-7» «военно-спортивной группы Гофмана», ушел в подполье вместе с Франком Шубертом. Он разыскивался как возможный сообщник Гундольфа Кёлера, участвовавшего в этом террористическом акте во время праздника Октоберфест*. Полиция предполагала, что он скрылся в Ливане.

Перси увлекся и рассказывает дальше. Он — юрист, в прошлом стажировался в суде, теперь же за счет ведомства труда переучивается на столяра. «Чего я только не делал в своей жизни,— вспоминает он.— Даже занимался контрабандой золота в Индии, а затем мне запретили работать по специальности, потому что я национал-социалист». Перси поднимает свой бо-

* В сентябре 1980 года в Мюнхене во время народного праздника Октоберфест неонацисты взорвали бомбу. Погибли 13 человек, 215 получили ранения.

кал. «Возможно, сказалось и мое пристрастие к пиву,— говорит он уныло,— хотя в этой бурде больше воды, нежели алкоголя».

Слово «вода» изменяет ход мысли подвыпившего Перси. Он принимается излагать свою излюбленную идею, к которой еще много раз вернется в этот вечер: «Наперсток отборных бактерий в каждое немецкое водохранилище — и люди будутдохнуть как мухи. Не останется ни жидов, ни негритосов. И из тысячи немцев, которые после этого естественного отбора выживут, начнет развиваться новая нордическая раса». Светопреставление глазами Перси, его сумерки богов.

Шефер прерывает его. «Это же абсолютное слабоумие»,— ворчит он. Перси отвечает сердито: «Ваша вооруженная борьба — слабоумие. Вас ведь сразу перехватывает полиция». Берндт Шэфэр уже знаком с полицией. Как я узнал позднее, его настоящее имя — Томас Швенке.

За несколько дней до моего «вступительного экзамена» в ку-клукс-клан этот восемнадцатилетний парень был осужден на восемь месяцев условно за нацистскую пропаганду. В Висбадене он расклеивал листовки с призывами «Не покупай у евреев» и «Пусть подохнет Рот-Фронт», а также портрет Гитлера с призывом «Вернись, отец!». Перед судом он не признал себя виновным, с гордостью рассказывает Швенке. «Они хотели выставить меня политическим смутьяном. А я ведь убежденный национал-социалист. Судья в палате по делам несовершеннолетних, наверное, удивился, когда я заявил ему: «Для меня Адольф Гитлер — крупнейший государственный деятель всех времен». «Единомышленников» он нашел в «Национальной немецкой рабочей партии» (НДАП), для которой в Федеративной республике все развивается «по указке евреев». Только одной недостающей буквой она формально отличается от гитлеровской НСДАП. По рекомендации Швенке меня также принимают в новую нацистскую партию и сразу назначают «уполномоченным по Гессену», потому что я, по мнению фюрера Штуббе, «пишу на очень хорошем немецком языке».

Между тем, Томас Швенке является и членом ку-клукс-клана. Для начала он намалевал в Висбадене, где расквартированы военнослужащие американской армии, свастику и лозунги ку-клукс-клана. Затем по-

явился на одном собрании левых в Висбадене с газовым пистолетом. Теперь же хочет действовать еще более решительным способом. «Я приобрел пистолет калибра 0,8. Если коммунисты опять захотят помешать 1,7 июня проведению встречи НДП, то...» — Он толкает меня в ребро и целится указательным пальцем.

Какая-то японка и ее немецкий друг усаживаются за соседний столик. «Осквернение расы», — бормочет Перси в свою пивную кружку. «Рассуждения ни к чему не приведут, — замечает Швенке. — Мы должны придерживаться того, о чем всегда говорят левые: только пропаганда делом. Пример нам следует брать с «Расистской лиги» в Касселе». Позже я прочел, что в Касселе был взорван автомобиль с двумя иностранными рабочими из Турции. В городе нашли листовки: «Иностранцы — вон! Германия для немцев!» Автор — «Расистская лига». Вскоре после этого арестовали четырех подозреваемых членов лиги. Неонацисты сознались в совершении этого преступления. В их квартирах полиция нашла оружие и взрывчатку.

Пять дней спустя в местечке Брух в Эйфеле, местопребывании европейского центра ку-клукс-клана, состоялась ежемесячная встреча его приверженцев. Как вновь принятый член организации я также был приглашен. Это местечко, насчитывающее четыреста жителей, находится километрах в двадцати от Мозеля. На берегу речушки Зальмбах, которая пересекает деревню с севера на юг, расположены две харчевни. Шницель здесь еще стоит 6 марок 50 пфеннингов. На юге высится древний замок графа фон Кессельштадта, окруженный водной гладью. Дома в Брухе старые, с шиферными крышами. На склонах котловины, там, где кончается лесная полоса, виднеются новые постройки. В одном из коттеджей живет представитель американского ку-клукс-клана Мурри А. Кэйчел, «европейский организатор» и «комендант» ку-клукс-клана по Германии, сержант ВВС США. В десяти километрах отсюда находится аэродром Шпангдалем, там Кэйчел служит диспетчером и руководит полетами бомбардировщиков США, имеющих на борту атомные бомбы. Американским армейским властям солдаты, входящие в расистский ку-клукс-клан, доставляют немало хлопот. На службе от них требуется политическая сдержанность, однако участие в незапрещенных партиях и ор-

ганизациях — как и в бундесвере — не возбраняется. А клан в Америке, несмотря на его расистскую пропаганду, является легальной организацией. Ведь в США, в противоположность Федеративной республике, нет законоположений, которые запрещают разжигание расовой ненависти.

Армия США ревниво следит за тем, чтобы ее считали той частью американского общества, где меньше всего проявляется расовая дискриминация. Поэтому масштабы деятельности клана официально неизменно преуменьшаются, если можно — замалчиваются. Когда в одном американском гарнизоне в Баварии был сожжен ку-клукс-клановский крест, следствие велось по вопросу об «уничтожении правительственной собственности». На военном аэродроме Шпангдалем, где служит и шеф клана Кэйчел, два чернокожих солдата были госпитализированы по поводу острого отравления, потому что в кофе им подсыпали стрихнин, однако инцидент был объявлен «несчастливым случаем». В отчете военной полиции кровавая драка между чернокожими и членами ку-клукс-клана была зафиксирована как «столкновение с применением физической силы между военнослужащими армии и ВВС». Трое мужчин и одна женщина, которые зажгли ку-клукс-клановский крест за стрелковым клубом аэродрома США в Битбурге, были временно задержаны за «появление в нетрезвом виде и нарушение ночного спокойствия».

Между тем ку-клукс-клан обретает все больше сторонников среди солдат вооруженных сил США. Темнокожий сержант Джеймс Тарвер, социолог, проходящий службу в Бамберге, обследовал дюжину опорных пунктов США в Федеративной республике и направил отчет в штаб-квартиру американской армии в Гейдельберге. Его вывод: «В последние месяцы появляется все больше ку-клукс-клановских листовок, чернокожих запугивают провокациями, в казармах войск США горят ку-клукс-клановские кресты, чернокожие подвергаются нападениям и их избивают расисты, однако верховное командование хранит молчание по поводу названных фактов».

В одном конфиденциальном отчете о положении в 52-й тактической истребительной авиаэскадрилье в Шпангдалеме, где проходит службу и «европейский

босс» ку-клукс-клана Мурри А Кэйчел, говорится: «Ку-клукс-клан живет и процветает в Эйфеле». В одном только Мозеле, как полагают авторы отчета, расистская организация насчитывает свыше трехсот членов — граждан США.

Шеф ку-клукс-клана Мурри А. Кэйчел выглядит на первый взгляд скорее робким человеком. Ему двадцать семь лет. Этот стройный мужчина носит очки без оправы, у него небольшие темные усики. Сносно говорит по-немецки, приобрел охотничий билет в ФРГ и играет на немецком охотничьем рожке. В его спальне висят грамоты от шефа — Великого дракона, которые он получил в американском центре ку-клукс-клана в Луизиане. На кровать он выложил семь ружей. Он берет свои «винчестеры», заряжает их отработанным приемом. Теперь он скорее похож на актера Джона Уэйна. «Не будем заблуждаться,— говорит он мне,— мы стоим на пороге новой расовой войны. И к этому мы должны быть готовы. Белая раса вновь должна обрести свое бывшее величие. У вас, немцев, богатые традиции в расовом вопросе. Тут даже нам, американцам, есть чему поучиться». Его задача — «вербовать сторонников среди немцев, чтобы открыть в Европе второй важный фронт борьбы ку-клукс-клана».

Раздается звонок. В дверях стоят трое молодых немцев. «Хайль Гитлер»,— выпалил самый младший из них. На застёжке ремня он носит эмблему СС «Мертвая голова». «Я пользуюсь здесь расположением местных жителей,— говорит Кэйчел.— Когда я появляюсь с друзьями в деревне, никому и в голову не приходит, что мы способны на что-нибудь плохое». Герман, полный блондин, добавляет: «Хозяин харчевни «Брюккеншенке» поначалу принял нас за религиозную секту, потом мы ему объяснили, что являемся немецкой секцией ку-клукс-клана. С тех пор он стал намного дружелюбнее». Герман Паукен — председатель организации НДП Кобленца и заместитель председателя земельной организации партии в Рейнланд-Пфальце. «Его задача,— отмечает Кэйчел,— поддерживать связь с НДП». Я уже встречал его на демонстрациях НДП во Франкфурте и Геттингене, которые кончались драками и кровопролитием. К счастью, он не узнает меня.

В то время как Кэйчел возится на кухне, член НДП Герман рассказывает мне, что поначалу его кое

Бомбы для негров. Руководитель немецкого ку-клукс-клана (справа) марширует со своими сподвижниками перед замком в Эйфеле.

Герхард Кромшрёдер с немецкими членами клана в балахонах проходит по улицам деревни Брух в Эйфеле.

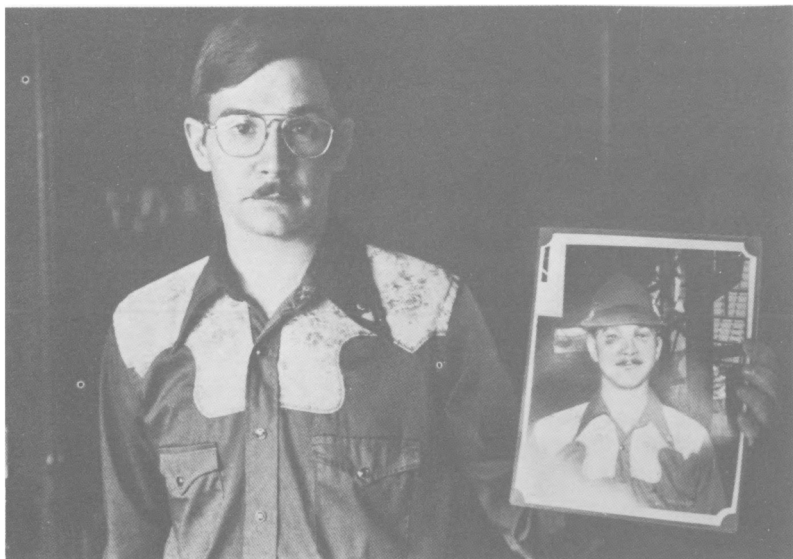
«Вместе со своими американскими друзьями мы, немецкие патриоты, боремся со всеми чужими расами». Тайная квартира ку-клукс-клана в Висбадене.

Клан как резервуар для правых. Связник от НДП Паукен.

Он управляет полетами бомбардировщиков с атомным оружием на борту. Сержант Кэйчел, «комендант клана в Германии», с фотографией, на которой он запечатлен после побоища с цветными в Штутгарте.

«Мы стоим на пороге новой расовой войны». Крест, сожженный членами ку-клукс-клана в американском гарнизоне.

от чего воротило в клятве ку-клукс-клана: «Там встречается такая штука, как демократия, которая в действительности ничего нам не дает. Но зато у американцев есть четкие расовые определения. У нас ведь правые полностью разобщены. Может быть, клан станет здесь новым движением, объединяющим правых». Вильфрид, юноша, который носит пряжку с эмблемой СС «Мертвая голова», добавляет: «У американцев превосходная организация, объединяющая всех правых. И деньги у них тоже есть. С американцами из клана действительно можно сотрудничать, хотя мы, естественно, не должны предаваться иллюзиям: они представляют здесь оккупационную армию, и нам придется сдерживать своих парней».

Он обрывает разговор — со связкой журналов вошел Кэйчел. В газете клана «Крестonosец», которую мне дает Кэйчел, под заголовком «Будущее: белая или смешанная раса?» читаю, что негр — это «тварь, напоминающая полуробенка и полуживотное». Нити, связывающие клан с неонацистами, узнаю я, ведут уже в Англию к фашистской организации «Сыновья святого Георга» и к бельгийской террористической организации «Фламандский военный орден». «Не только ниггеры,— поучает Кэйчел своих немецких сподвижников,— но и жидаы — наши враги». В этом-то они давно убеждены.

«Здесь все об этой братии»,— с похвалой замечает сидящий рядом Вильфрид и показывает на бланк заказа книжной службы «Крестonosца». Там значатся не только «Майн кампф», различные книги Геббельса и книга «Почему мы любим Гитлера», но и антисемитские опусы типа «Вечный жид», «Ритуальные убийства евреев». А под рубрикой «Самооборона и умение выжить» — инструкция по сооружению ловушек для людей, «Руководство по изготовлению боеприпасов» и основы изготовления бомб — «Химия пороха и взрывчатых веществ». «Вот это-то я себе и возьму»,— говорит Вильфрид и записывает номер заказа.

Кэйчел и его немецкие последователи одевают балахоны клана — белые островерхие капюшоны с разрезом для глаз и белые халаты. На них вышитый ку-клукс-клановский крест с каплями крови посередине. Мы едем в брукский замок. По дороге навстречу нам попадается «опель-кадет», за рулем — черноко-

жий солдат США. Он видит людей в белых капюшонах, вздрагивает и от страха чуть не съезжает в кювет. «Ну, этому мы показали»,— кудахчет Кэйчел. «А что вы думаете,— кричит Вильфрид,— как глупо будет выглядеть эта черная обезьяна, когда я подложу маленькую бомбочку под его дряхлый «кадет». Вот будет потеха». Белые сверхчеловеки смеются.

Верховный комиссар Райнер Шульц из политического отдела уголовной полиции в Трире считает активистов клана в Эйфеле безобидными гражданами: «Мы, естественно, знаем, что в этом месте ку-клукс-клан время от времени проводит встречи. Но мы не думаем, что за ними надо вести наблюдение. Мы ведь не интересуемся собраниями пекарей».

* * *

По следам напечатанного. После появления этого репортажа в Трире, Кобленце, Майнце и Висбадене были созданы союзы гражданской инициативы, выступающие против деятельности ку-клукс-клана. Официальные инстанции проявили меньшую активность. Министерство внутренних дел земли Рейнланд-Пфальц ввело для начала запрет на распространение сведений по данному вопросу, штаб-квартира вооруженных сил США в Европе отказалась от каких-либо комментариев. Американский штаб в Гейдельберге попросил Вашингтон высказаться по этому вопросу. Представитель Пентагона попытался приуменьшить опасность, исходящую от этого тайного союза: «Мы вовсе не приветствуем тот факт, что солдаты являются членами ку-клукс-клана, но ведь некоторым не нравятся и бойскауты, тоже легальная организация». О сотрудничестве с немецкими неонацистами, дескать, ничего не известно, и, кроме того, у клана в ФРГ вовсе нет никакой организации. Тем не менее позднее все командиры гарнизонов США в ФРГ в закрытых циркулярах о ку-клукс-клане получили указания «подробно допрашивать участников расистских акций».

Когда министр внутренних дел в Майнце Курт Бекман обрел дар речи, он выступил по телевидению и попытался опровергнуть факты, собранные Кромшрёдером. По его мнению, немецкие сторонники клана — это отбившиеся от своих организаций одиночки,

между неонацистскими группами и американскими расистами, мол, нет никакого налаженного сотрудничества. Кроме того, заявил министр, террористическая группа «Ку-клукс-клан Западной Германии» не является уголовным объединением. Он, Бекман, не располагает какими-либо «данными о наказуемых деяниях», хотя известно, что ку-клукс-клан открыто занимается запрещенной пропагандой расизма, замешан в покушениях на людей и немецкие праворадикалы уже установили прямые связи со своими боссами в Америке. Один документ, которым располагает автор, доказывает, что в США неоднократно велись переговоры о соответствующем сотрудничестве. Партнером с немецкой стороны во время этих тайных встреч выступал неонацистский вожак Манфред Редер, которому федеральная адвокатура инкриминирует создание террористической организации и участие во многих покушениях на жизнь иностранных рабочих, в том числе со смертельным исходом (см. также послесловие к репортажу «Исповеди»).

После Майнца и боннское министерство внутренних дел заняло уклончивую позицию. Депутат бундстага от СДПГ Клаус Тюзинг направил запрос о том, что же, собственно, еще должно произойти, чтобы к расследованию деятельности праворадикальной террористической организации типа «Ку-клукс-клана Западной Германии» были подключены федеральная уголовная полиция и федеральная адвокатура. Официальный представитель министерства внутренних дел ответил в бундстаге, что для этого, мол, недостаточно сведений, которыми располагает его министерство.

Между тем факты, собранные Кромшрёдером, были перепроверены. Они подтвердились. Против немецких нацистов, приверженцев клана, выдвинуто обвинение в нелегальном владении оружием, разжигании расовой ненависти и побуждении к насилию, — например, против немецкого руководства клана, занимающегося вербовкой в его ряды граждан ФРГ, Томаса Швенке из Висбадена и против посланника НДП в ку-клукс-клане Германа Паукена из Кобленца. Их боссу в клане сержанту Мурри А. Кэйчелу нечего опасаться наказаний. При попустительстве властей он давно обрел безопасность в Америке, где спокойно служит на базе ВВС в Техасе.

Против четырех членов запрещенной «Расистской лиги в Касселе», связанной с «Ку-клукс-кланом Западной Германии», которые организовали взрывы автомашин турецких рабочих, обвинение выдвинул земельный суд Франкфурта.

«Национальная немецкая рабочая партия» (НДАП), в которую входит активист клана Томас Швенке и где «уполномоченным по Гессену» был назначен как член клана Кромшрёдер, официально самораспустилась после опубликования репортажа Кромшрёдера. Воинственная неонацистская группа, однако, целиком присоединилась к «Народно-социалистскому союзу Германии». Через несколько месяцев в Мюнхене во время одной перестрелки с полицией были убиты два члена этой организации. Они намеревались ограбить очередной банк, чтобы раздобыть деньги для новых террористических акций.

С зажженными факелами

Пятница, вечер. Завтра состоится серьезное мероприятие. И я приму в нем участие. После некоторых колебаний нажимаю кнопку звонка у дома № 5 по улице Хинтер-дер-шейнен-аусзихт во Франкфурте. Кнопка рядом с зеленой табличкой, на которой начертано «НДП». Дверь автоматически открывается. Включенный где-то наверху свет заливают лестничную клетку.

На втором этаже многоквартирного дома меня встречают двое молодых людей в кожаных куртках. На одном из них сапоги парашютиста и черная рубашка с застежкой, к которой прикреплен значок СС «Мертвая голова». Другой одет в гражданское: на нем замшевая куртка и светлые суконные брюки. Они как раз мастерят транспаранты НДП, предназначенные для завтрашнего митинга возле монумента «Германия» в горах Нидервальда у Рюдесгейма. Манифестация приурочена к годовщине сооружения стены в Берлине. Как явствует из призыва к ее проведению, это будет

демонстрация за Великую Германию. На транспаранте изображена ее карта в границах 1939 года. ГДР, часть территории ЧССР, Польши и Советского Союза также входят в ее состав.

«Меня зовут Герхард Кромшрёдер. Я хотел бы узнать об НДП больше того, что пишут в газетах»,— говорю я. Бородатый председатель земельной организации «Молодых национал-демократов» Лотар Лаук скептически разглядывает меня. На мне серая бундесверовская рубашка и черные вельветовые брюки с этикеткой фирмы «Рэнглер». Похоже, что мой вид устраивает Лаука. «Вам повезло, что застали нас сегодня»,— замечает он. «Это верно»,— отвечаю я.

Мы улаживаемся, что завтра вместе поедем из Франкфурта к Рейну на митинг. «Он начнется только после обеда, потому что мы должны успеть закончить всю оформительскую работу. Вы ведь можете и помочь нам. Захватите свой спальный мешок, если пожелаете остаться с нами на ночь»,— говорит Лаук. Я останусь на ночь.

На прощанье Лаук вручает мне пачки пропагандистских материалов НДП: «Из них вы побольше узнаете о нас». В газете «Пфайль»— органе «Молодых национал-демократов»— я, в частности, читаю: «Долой старые партии — примыкайте к новому движению!»

В субботу после обеда. На следующий день я, как условлено, появляюсь в партийном бюро НДП, и меня определяют в машину, доставляющую необходимые материалы. Укладываю свой спальный мешок в небольшой микроавтобус марки «форд», который облеплен лозунгами НДП («Подумать — изменить взгляды — проголосовать за НДП»). Теперь уж отступить некуда.

Разговор молодых национал-демократов перед отъездом. Шестнадцатилетний Петер из Дармштадта видит, что из сумки его соседа Бернда выглядывает черная рукоятка кинжала. Петер вытаскивает его и внимательно рассматривает. Затем презрительно указывает на лилию, изображенную на рукоятке: «А, да это же нож бойскаутов». И снисходительно говорит Бернду: «А вот у меня дома есть настоящий кинжал члена «Гитлер-югенда» со свастикой». Бернд вспыхивает: «Кинжал члена «Гитлер-югенда» есть и у меня. Но он гораздо лучше, когда нас проверяют на вши-»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
РОССИИ

вость.— Он берет нож из рук Петера.— Не бойся, мы и так справимся с левыми контрдемонстрантами». И засовывает кинжал в ножны, на которых прикреплена наклейка НДП с надписью: «Разгромим коммунизм».

В нашу машину загружены древки для флагов, транспаранты, факелы и пропагандистская литература. Двери закрываются, можно трогать. Наша колонна начинает движение в сторону Рейна. Впереди едет председатель земельной организации Лаук в своем желтом «форде». На верхнем багажнике он укрепил громкоговоритель. За ним едет «опель-капитан» с засекреченными позывными радио «НАТИ» (видимо, имеется в виду «НАЦИ», что, однако, было бы слишком понятно). В колонне еще восемь машин, а замыкаем ее мы на своем «форде».

Выезжаем из Франкфурта и за Висбаденом сворачиваем с автостреды. Перед нами Рейн, немецкая река, освещенная лучами прекрасного августовского солнца. Миновав поворот, кратко обсуждаем ситуацию. Во всех населенных пунктах, через которые мы будем проезжать, решено оглашать по радио пропагандистские лозунги. И теперь по всей дороге на Рюдесгейм из динамиков гремит: «Говорит НДП! Сегодня в 22 часа молодые национал-демократы проводят митинг в Рюдесгейме возле монумента «Германия». Сбор участников в 9 часов вечера у въездных ворот».

Я считаю, что такого объявления мало, надо раскрыть хотя бы часть замысла этой национальной акции. Не могу удержаться от того, чтобы не предложить организаторам нашего мероприятия назвать хотя бы его цель — объявить, что это демонстрация за Великую Германию. «Если мы хотим убедить людей,— аргументирую я,— то они должны знать, о чем идет речь». Однако мое предложение не принимается. Это, мол, не обязательно.

По дороге, возле Бремзена, у меня из-под сидения выпал указатель с надписью: «Осторожно, породистые собаки». Владелец автобуса — собаковод. Я поднимаю этот щит и показываю его в окно: «Здесь находится расовая элита Германии». Петра, сидящая рядом, немного оскорблена такой иронией: «Ну уж на евреев никто из нас не похож!»

В районе Эльвиля, громко сигналя, нас обгоняет машина со знаком НДП и наклейкой: «Солидарность

с белой Африкой». И я опять вспоминаю строки из стихотворения «Апартеид — закон природы», прочитанного накануне в праворадикальном ежемесячном журнале «Национ Ойропа», который мне вручили в бюро НДП: «Скрещивание без разбору унижает людей, поскольку противоречит природе. Поэтому нужно блюсти чистоту человеческих рас». Только там это еще в рифму.

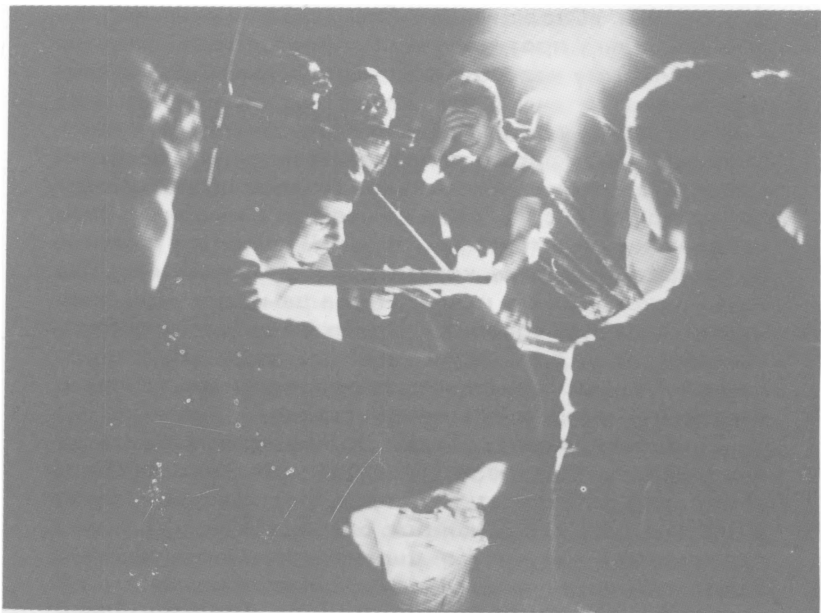
Прибываем в Рюдесгейм, нас уже ожидает полиция. Полицейские в форме показывают нам путь, ведущий к месту стоянки наших машин. Люди в штатском фотографируют нас, когда мы выходим из машин. Меня раздражает то, что таким образом я попаду в досье Ведомства по охране конституции как неонацист. Пытаюсь закрыть лицо рукой. Петра замечает мой жест и успокаивающе говорит: «Это их служба. Они обязаны это делать, даже если и думают иначе. Некоторых из них я знаю. Большинство придерживаются правых взглядов — даже в красном Гессене».

В субботу, после обеда. До ночного факельного шествия остается еще три часа. Тем временем прибыло уже около двух десятков машин, доставивших членов НДП. Мы обсуждаем вопрос о том, как поэффектней организовать митинг. Ко мне подходит председатель земельной организации Лаук. «Мне показалось...— начинает он, а я внутренне сжимаюсь.— Мне показалось, что вы кое-что смыслите в подобных делах. Не хотите ли помочь мне установить наши плакаты там, у памятника?» Мне ничего не остается, как согласиться.

Лаук и я едем на нагруженных материалами машинах наверх к памятнику. Останавливаемся у подножия помпезно-националистической статуи Германии, которая грозит заклятому врагу, Франции, и разгружаем машины. У цоколя по моему предложению мы на расстоянии пяти метров друг от друга укрепляем плакаты «Подумать — изменить взгляды — проголосовать за НДП» и по шесть транспарантов с надписью: «Германия больше Федеративной республики».

Трибуну оратора Лаук хочет разместить в сторонке. На мой взгляд, это место малозаметно и расположено слишком низко. Я объясняю ему, что в центре будет лучше. И мы устанавливаем трибуну на несколько ступенек выше — по центру парапета. Для вечерней демонстрации определяем самые эффектные места,

«Поймать бы сейчас красного и подпалить ему факелом зад». Перед факельным шествием в Рюдесгейме.

где могли бы стать знаменосцы, барабанщики, фанфаристы, команды сопровождения и факельщики. Но какое мне, собственно, до всего этого дело? Замечаю, как смысл предстоящего отходит для меня на задний план, все внимание концентрируется на том, чтобы применить свой опыт для максимально удачной инсценировки. Мне кажется, что я немножко похож на Альберта Шпеера, который изобрел светящиеся ночные купола для съездов НСДП в Нюрнберге. Как быстро можно почувствовать свою принадлежность к чему бы то ни было — с ужасом подумалось мне.

Лотар Лаук и я опять спускаемся вниз. Мы позволяем себе передохнуть в кабачке рядом с тем местом, где должно состояться построение колонн, заказываем бутылку белого вина из Рюдесгейма. Но тут подкатывает голубой автобус с бохумским номером. Из него

«В нынешней немецкой программе обучения утверждается, что о национал-социализме не скажешь ничего позитивного. Но это ложь!» Молодые демонстранты от НДП.

«Раз-два и морда в грязи!» Участники митинга НДП избивают флагштоками контрдемонстрантов.

выходят восемь парней в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Ими руководит бывший парашютист бундесвера. Они распаковывают барабаны и фанфары со значком «Молодые национал-демократы». Приветствуя «акцию сопротивления», они поднимают вверх правые руки (три растопыренных пальца, изображающие букву "W") и с шумом врываются в нашу винную идиллию в Рюдесгейме. Прибывшие являются членами группы фанфаристов имени Альберта Лео Шлагетера. Группа названа в честь расстрелянного во время оккупации Саара нацистского террориста, который считается у них примером служения долгу.

Из соответствующих публикаций я узнаю, что эти музыканты записаны на недавно выпущенной пластинке НДП. Они играют также на всех националистических мероприятиях, чтобы создавать для правых необходимую атмосферу. Этим они занимаются и сейчас, исполняя под гитару песню о «национальной солидарности». «Да, это наши национальные активисты», — с восхищением говорит мой сосед по столу.

После того, как они разместились со своими инструментами и заиграли один из своих бодрых маршей, нас окружили вдруг около двух дюжин полицейских в форме и штатском. «За незаконное ношение формы» они задержали всех членов хора фанфаристов, потому что у них одинаковые рубашки с красным значком НДП. Один полицейский хватает и меня, но, услышав слова коллеги о том, что «на нем ведь бундесверовская рубашка», отпускает.

Субботний вечер. Темень страшная. Еще не все задержанные вернулись из полицейского участка. Но ждать дальше нельзя, мы затанули бы факельное шествие.

Я раздумываю, как описать все, что здесь вижу, избегая клише. Эти длинные, кажущиеся угрожающими тени на булыжной мостовой, поднятые вверх знамена с буквами «НДП» и рунами, черно-красно-золотые и черно-бело-красные флаги на фоне ночного темного неба, этот таинственный свет, с которым сливается вся картина трепетно горящих факелов...

Колонна строится и приходит в движение. Двигается странный конгломерат, состоящий из членов НДП в их неброских серых костюмах, девушек из организации «Союза молодежи, верной родине», аккуратно одетых

молодых национал-демократов, старых нацистов, одетых в грубое сукно, расистски настроенных друзей белой Африки, седовласых дам, которые давно вышли из возраста членов «Союза немецких девушек», постаревших бойскаутов в коротких штанах и мальчишеских фраках. Через виноградники мы направляемся наверх к памятнику «Германия» на холме, нависающем над Рюдесгеймом.

Во время марша колонны через мегафон выкрикиваются лозунги, которые скандируют затем все идущие. Над долиной Рейна звучат слова: «Высокая арендная плата, инфляция — это позор нации», «Долой советскую зону оккупации, никаких концлагерей в Германии», «Выпустить пар предателям народа, развернуть освободительную национальную борьбу». Темп движения колонны заметно замедляется. У некоторых сбивается дыхание, карабкаться вверх по отлогому пути и при этом реветь во всю глотку нелегко.

Сосед слева, ученик в магазине из Кобленца, вытаскивает из кармана своей куртки журнал «НС-Райхсруф» и при свете факелов с некоторой гордостью читает мне вслух: «Бубак Зигфрид был жидовским наемником! Поэтому мы честно расстаемся с ним. У нас нет чувства ложного сострадания ни при виде этого, ни последующих трупов». Он смотрит вперед и добавляет: «Знаешь, ведь он был евреем».

Не успеваю высказать свое мнение, как неожиданно в разговор вступает Михаэль, он марширует справа от меня. Я познакомился с ним перед отъездом из Франкфурта. Он показался мне тогда тихим парнем. Без всякой связи с темой нашего разговора он вдруг бросает: «Эх, поймать бы сейчас красного и подпалить ему факелом зад». И резко выбрасывает свой факел вперед. Другим в колонне, кто слышал замечание Михаэля, становится ужасно весело. Они просто не могут удержаться от хохота. И наперебой добавляют: «И полить немножко спиртом. И выжечь на заднице красного красивую надпись».

Мы пришли. Факельное шествие продолжалось около часа. Факельщики и знаменосцы, как условлено, расположились у подножия памятника «Германия». Они превратили этот, к счастью, туристический объект в жуткое святилище германских богов.

Основным оратором великогерманского торжества

объявляется «известный писатель Майер-Дорн», старый нацистский активист. Он начинает с нападок на искаженную интерпретацию прошлого Германии: «В нынешней немецкой программе обучения утверждается, что о национал-социализме не скажешь ничего позитивного. Но это ложь!» Затем он переходит на критику евреев. Достаточно ему произнести имя «Леви» — а это он делает достаточно часто, — как наэлектризованная толпа приходит в движение. Он знает, что «евреи хотят превратить немецкий народ в рабов».

Звучит клич, знакомый по прежним, совсем не демократичным временам: «Германия будет жить, если даже нам придется умереть». В заключение торжественной части поют национальный гимн так, как его понимают члены НДП: «Германия, Германия превыше всего, превыше всего в мире... от Мааса до Мемеля, от Эша до Бельта»*.

На обратном пути через виноградники в Рюдесгейм я опять встречаю Михаэля. Он чрезвычайно доволен всем, что было у памятника «Германия». «Если бы я сейчас встретил коммуниста, я бы прикончил его на месте», — говорит он возбужденно и руками наносит удары воображаемому противнику.

Мужчина в замшевой куртке лет сорока, идущий рядом, замечает: «Подожди до завтрашней демонстрации во Франкфурте». Он взял с собой двенадцатилетнего сына. Но мальчик отошел от нас и идет чуть впереди. Отец жалуется: «Когда я говорю ему, что нам не нужны иностранные рабочие, он заявляет, что нам, дескать, действительно можно работать в два раза меньше и все равно хватало бы. Парень не знает, что эти грязные аборигены откусят всю руку, если им дать палец».

Обнадеживает то, что сыновья нацистов не обязательно должны становиться нацистами.

Субботняя ночь. Из Рюдесгейма мы уже после полуночи направляемся на машине к кемпингу «Понихоф», где, по словам председателя земельной организации Лаука, «будут собраны у костра все надежные люди». Романтическая поездка: из большого термоса разливают по тарелкам подогретый фасолевый суп,

* Первые две строфы гимна «Германия, Германия превыше всего...» в ФРГ запрещены.

раздают кока-колу в банках и бутылочное пиво. Наша компания человек из двадцати устроилась за столами, расставленными перед кемпингом.

За одним из соседних столов собрались парни из команды фанфаристов им. Альберта Лео Шлагетера, выпущенные из полицейского участка. Я слушаю, как они обсуждают далеко не музыкальные проблемы завтрашней демонстрации во Франкфурте. Их фюрер, бывший парашютист, дает точные указания: «Удар, и красная рожа становится красной». За другим столом разговор опять зашел о евреях. Кто-то говорит о «жидовском кладбище». Мне трудно сконцентрироваться на этом разговоре, потому что к моему столу подсаживается мужчина лет сорока пяти. Но я слышу, как там кто-то бросает реплику: «А что нам там нужно? Там они уже в таком состоянии, которое мы можем только приветствовать». Раздается смех.

Мой новый визави представляется довольно сдержанно. Сообщает о своем пристрастии к овчаркам: «У меня их четыре. Все очень сердитые, но друзей не трогают». Он владелец того «форда», в котором я во время поездки нашел указатель с надписью «породистые собаки». «С каких пор вы, собственно, участвуете в наших мероприятиях?»— спрашивает он. Мой ответ, что со вчерашнего дня, побуждает его задать несколько проверочных вопросов. Он спрашивает, как меня зовут. «Кромшрёдер?»— переспрашивает он. Ему эта фамилия кажется слишком сложной. Я произношу ее по буквам, но он просит записать фамилию на пачке сигарет из-под «Лорд-экстра», которую кладет затем в свой карман.

— Читали ли вы программу НДП?— спрашивает он.

— Да, я знаю ее подробно.

— И что вы о ней думаете?

— О ней ничего не скажешь. Она ведь достаточно однозначна,— отвечаю я уклончиво.

Он хочет знать обо мне больше. Наш разговор прерывает молодой человек. У него на шее цепь, сделанная из пистолетных гильз 9-миллиметрового калибра. Он хочет узнать у моего любопытного собеседника, действительно ли НДП оплатит хозяину кемпинга общий счет. Сославшись на то, что мне срочно надо за угол, бегу от дальнейших расспросов.

Позднее, около трех часов, мы, однако, встречаем-

ся опять — тот, кто меня допрашивал, и я. Поскольку не хватает палаток, этот скептик и я должны вместе спать в «форде», который перевозил оборудование. Неопределенное количество бутылок пива, которые он этим временем опорожнил, явно замутило память. К моему удивлению, он говорит: «Тот тип, с которым я сидел за столом, не совсем чист». Я успокаиваю его, и он в конце концов засыпает на переднем сиденье. Я устраиваюсь в машине между транспарантами НДП. Залезаю в свой спальный мешок и провожу беспокойную ночь.

Воскресенье. Мы возвращаемся во Франкфурт. В буфете штаб-квартиры НДП на улице Хинтер-дер-шейнен-аусзихт есть сосиски с кока-колой и кофе. Чувствую, что здорово проголодался.

Мероприятие у памятника «Германия» служило лишь поднятию духа толпы. Сегодня же день открытой борьбы — во Франкфурте состоится прямая конфронтация с противником. Вот здесь-то и должны полететь клочья. Из-за инцидентов, имевших место месяц тому назад во время демонстрации НДП, нынешнюю демонстрацию суд не разрешил проводить в центре города: тогда, 17 июня, дело дошло до серьезных уличных столкновений между членами НДП и участниками контрдемонстрации. Теперь национал-демократам не разрешают собираться на франкфуртской площади Ремерберг, их загнали на северную окраину города. Подготовка к митингу на площади Фридрихс-плац идет полным ходом. В бюро председателя районной организации НДП Эриха Гутяра беспрерывно звонит телефон. Узнаю, что участникам митинга, приехавшим из других городов, у закусочных на автострадах к Франкфурту члены НДП раздают инструкции и план города.

Члены команды фанфаристов, с которыми я беседую перед помещением бюро партии, с нетерпением ждут своих коллег из Ольденбурга, потому что те, как я слышу, действуют в соответствии с девизом: «Бей красных, пока не посинеют!» Команда им. Альберта Лео Шлагетера вряд ли может ожидать конфронтации с антифашистскими контрдемонстрантами, тем не менее они вытащили из автобуса тяжелые шлемы с наклейкой «Бей коммунистов» — что в данной связи обретает самый прямой смысл, — и демонстративно

разложили их на радиаторе «опель-капитана» перед штаб-квартирой НДП. Они одевают свои черные кожаные куртки и перчатки, повязывают платки на голову, потом они натянут их на лица, чтобы их никто не узнал; проверяют прочность метровых палок, которые выносят из дома. «Пусть полиция проверяет, это ведь флашток, ясно?»— говорит один из участников хора и укладывает палку в машину. Франц, механик из Бохума, с удовольствием бьет кулаком по ладони: «Бах, и нос переломан». Его коллега Михаэль бьет по барабану и, смеясь, замечает: «Барабанная дробь экзекуционной команды германского вермахта». Настроение бодрое.

Они с гордостью рассказывают мне, как «шлепают коммунистов» в Рурской области «в период безработицы», чтобы была «полная занятость в наших больницах». Михаэль пытается сочинить музыкальную строфу: «Мы окунаем наши флаги в кровь ГКП... тра-ла-ла». И снова — видимо, это уже неизбежно — речь заходит о евреях. «У меня в подвале есть прекрасная ванная, тоже отделана кафелем»,— говорит Франц, намекая на Освенцим. Другой боевик из команды им. Альберта Лео Шлагетера явно хочет перещеголять его: «А у меня дома есть одна из ламп с этим прекрасным абажуром». Да, надзирательница из концлагеря Ильзе Кох искренне порадовалась бы за свое подрастающее поколение.

Тем временем появился мой специалист по вопросам, который вчера не до конца выполнил свою задачу,— и опять трезвый. Он входит в штаб-квартиру партии. Вижу, как кто-то сверху из бюро НДП показывает на меня, когда я беседую на улице с Францем и его друзьями. «Уж мы позаботимся,— говорит мне Франц,— чтобы сегодняшняя встреча с коммунистами прошла красиво... в больнице неотложной помощи». Я замечаю, как во время нашего разговора кто-то наверху навел на меня объектив. Мы поменялись ролями — теперь наблюдаю не я за ними, а они за мной.

Франц спрашивает, куда меня распределили. Правдиво информирую его, что благодаря моим вчерашним успехам опять принадлежу к группе оформления. Моя задача — по возможности лучше установить трибуну и транспаранты на площади Фридбергер-плац. «Тогда

ты знаешь, что надо делать», — замечает Франц. Я знаю, что делать: после явного наблюдения сверху беру свой спальный мешок и удаляюсь восвояси, чтобы издали наблюдать за сборищем НДП.

На площади Фридбергер-плац я опять занял привычное место — стою среди журналистов на нейтральной полосе между членами НДП и контрдемонстрантами, разговариваю с одним своим коллегой с радио. Мимо проходит Франц и бросает нам: «Раз-два, и морда в грязи». Мой знакомый, во всех отношениях опытный человек, считает, что это просто словесный радикализм. Кроме того, говорит он, полиция полностью контролирует положение. У меня нет оснований ему не верить, и мы спокойно направляемся по домам.

В понедельник утром. Коллега с радио передал мне неуклюже напечатанную на сером картоне листовку, которую он нашел вчера во время демонстрации НДП: на лицевой стороне текст «Голосуйте за жидов — ХДС, СДПГ», здесь же нарисована звезда Давида, в которую вмонтировано изображение доллара. На тыльной стороне — еврейская звезда с тисненными буквами ОНП — Объединения немецких профсоюзов. «Фантазия недозрелой организации», — говорит он.

За завтраком я раскрываю «Франкфуртер рундшау». Вижу снимок, запечатлевший, как несколько членов НДП так называемыми флагштоками избивают контрдемонстрантов. Узнаю в лицо парней, с которыми познакомился совсем недавно, — Франца из команды фанфаристов и его друзей из Рурской области. Дубинки, дубинки, у одного в руках большая отвертка. Читаю, что во время столкновений приверженцы НДП бросали также булыжники, вывороченные из мостовой. Одним из них тяжело ранен в голову какой-то фоторепортер. Мне вспоминаются слова Франца о «свидании в больнице неотложной помощи» — одного туда по крайней мере уже доставили.

Судя по всему, он будет не последним.

День почитания героев

Рихард Этцель из Меммингена, имперский председатель «Немецкого блока» и федеральный руководитель молодежного союза «Адлер», хватает меня за руку и тащит в сторону: «Мы должны быть бдительными. Иногда к нам забредают чужие». Вдыхаю с облегчением: он считает меня своим. Затем мы маршируем вместе — впереди группа со знаменами и венками — к мемориалу Альберта Лео Шлагетера на горе Кройцберг близ Вехты в ольденбургском округе.

У гауптмейстера Эделя из близлежащего полицейского участка, который должен следить за порядком на предстоящих торжествах, ко мне также нет никаких претензий. «Я здесь по службе», — говорит он мне извиняющимся тоном, а затем рассказывает историю мемориала: «Соорудил памятник «Стальной шлем»*. Это я еще помню. Во времена нацизма тут устраивались большие празднества. Они организовывали все это очень здорово и пышно: колонны людей, море знамен и тому подобное». Помнится, я читал, что член «фрайкора»** Альберт Лео Шлагетер был предводителем одной из тех коричневых подпольных групп, которые во времена Веймара с помощью убийств и взрывов бомб боролись против республики и оккупации Рейнланда. Этого правого подпольщика французы расстреляли по приговору военно-полевого суда. А в третьем рейхе его чествовали как национального героя.

Теперь, во второй немецкой республике, опять организуются торжества в честь нацистского террориста: у скалы Шлагетера возле Кляйнвендерна в горах Фихтель, у мемориала Шлагетера в Нортгейме, у его могилы в Шенау в Шварцвальде и у памятной доски в честь Шлагетера в Вехте, где я познакомился с Рихардом Этцелем.

Знаменосцы выстраиваются перед валунами — мес-

* Реваншистская милитаристская организация, созданная в Германии в ноябре 1918 года после поражения в первой мировой войне. В годы нацизма слилась с СА и гитлер-югендом. В 1951 году восстановлена в ФРГ.

** Отряды, сформированные из остатков кайзеровской армии в 20-е годы, в основном из офицеров.

том коричневого паломничества, возлагаются венки в память «образцового воина» Шлагетера. Бывший оберюнгбанфюрер* Рихард Этцель произносит речь, в которой рассказывает о виновниках торжества: «Когда огненные волны большевистского Востока достигли границ рейха и когда мужественные немецкие борцы создали первый немецкий «фрайкор», с ними был и Альберт Лео Шлагетер. «Фрайкор» Медена словно острие копья немецкого сопротивления пересек границу дюны, и это спасло жизнь тысячам немцев. Германские подразделения добровольцев сражались повсюду: в тылу и на фронтах рейха». По мнению Рихарда Этцеля, Германии снова угрожают внутренние и внешние враги, как и во времена Шлагетера. Поэтому задача состоит в том, чтобы с помощью боееспособной организации и путем пробуждения национального духа в массах «ответить в этот трудный час на угрожающий немецкому народу террор красных». Путь к спасению отечества подсказывает история в лице Альберта Лео Шлагетера: «Для старого и молодого поколения он — пример выполнения долга, образец храбрости сейчас и в будущем».

Ориентируясь на выдающегося активиста, действовавшего в подполье, как на образец, Этцель ищет теперь для нового этапа борьбы за Германию «решительных борцов-одиночек, готовых к сотрудничеству» с ним. От своих коричневых партизан он требует: «Нам нужны защитники, которые готовы действовать в соответствии с принципом: Германия дала нам жизнь, и мы готовы умереть за нее, если это необходимо». Рихард Этцель осознал: «Длинными речами борцов не воспитаешь». Поэтому имперский руководитель решительно отдает боевой приказ: «Перейти к атаке!»

Торжество, посвященное нацистскому террористу времен Веймарской республики, закончено. Склоняются знамена. Рихард Этцель подходит к мемориальному камню. «Действовать и дальше в духе Альберта Лео Шлагетера!» — восклицает он и поднимает руку в знак клятвы.

Сподвижник Этцеля и поклонник Шлагетера Хорст Промницц, тридцативосьмилетний служащий страховой компании, доверительно объясняет мне, как на прак-

* Предводитель молодежи во времена нацизма.

Нацистский террорист как пример для подражания. Имперский председатель «Немецкого блока» Этцель с Герхардом Кромшрёдером у памятной доски в честь Шлагетера в Вехте возле Ольденбурга.

тике следует использовать пример главаря правых: «Сегодняшняя молодежь — это завтрашние борцы». Он — председатель молодежной организации «Адлер» в Любеке и намерен сознательно воспитывать там молодежь «в боевом духе». «Мы умышленно избрали своим символом атакующего орла, который был на гербе имперских парашютистов: сегодня также необходимо атаковать». Хорст Промниц одновременно возглавляет местное отделение «Немецкого блока». Его брат Гюнтер, занимающийся организационными вопросами, сообщает мне по секрету, что в отеле «Любекер Адлер», где совсем недавно Рихард Этцель говорил о «сопротивлении порабощению», отрабатываются новые формы борьбы: «Теперь у нас в Любеке уже год действует стрелковый союз, в котором состоят только националисты — шестьдесят единиц, — некоторые из них даже полноправные члены СДПГ. Все они проявляют усердие». По его словам, в особенности любит пострелять молодежь.

Инженер Новак из Бад-Швартау, также состоящий в «Немецком блоке», кивает в знак согласия и затем почти извиняющимся тоном добавляет: «Из-за закона о хранении оружия мы вынуждены пользоваться только малокалиберными винтовками».

«Стальной шлем», объединяющий солдат-фронтовиков, в этом вопросе не церемонится. Он недавно разработал свои «правила стрельбы». Их заглавие гласит: «Правила спортивной и традиционной стрельбы». Второй председатель союза говорит, что его люди занимаются только безобидной спортивной стрельбой. Боевое оружие, заявляет он, используется «в зависимости от местности» только во время тренировочных стрельб, которые проводятся правыми «совместно с подразделениями бундесвера».

Знаменосцы свертывают свои полотнища, и я вместе с Рихардом Этцелем возвращаюсь через лес на дорогу. «В ряды борцов за национальное дело встает все больше и больше молодежи», — с удовлетворением замечает он и приглашает меня на праздник лета в тевтонский лес. «Там вы убедитесь, что мы далеко не вялая группа».

Через несколько часов мы у памятника Арминию* в районе Детмольда. Прибыв на смотр сил старых и новых нацистов, я получаю из рук девушки наклейку организации «Викинг-югенд». Ее текст гласит: «Германия, мы придем! Боритесь вместе с нами за новый рейх!»

В журнале «Союза молодежи, верной родине» читаю, что молодые правые «во время соревнований по стрельбе из пневматического и мелкокалиберного оружия» учились в одном лагере обращению и с оружием боевым. Осваивая приемы дзюдо, они попутно изучали приемы рукопашного боя. А во время так называемых «горных прогулок» в Южном Тироле обучались обращению со взрывчатыми веществами.

Теперь они хотят применить свой опыт на практике — для начала за рубежом. «Молодежь, верная родине» ищет через прессу для своего вспомогательного корпуса «Аравия» — по примеру члена «фрайкора»

* Арминий — вождь германского племени херусков. В 9 в. н. э. разгромил армию полководца Вара в Тевтобургском лесу.

Шлагетера — «настоящих парней» (до сорока лет), которые серьезным личным участием... хотят помочь делу воссоздания Аравии и защиты законных германских интересов».

То, как поклонники и почитатели Шлагетера делами подкрепляют свои законные интересы, я вижу уже здесь. На мини-автобусе они врзаются в группу молодых людей, которые проводят демонстрацию протеста против собрания правых. Появляются первые раненые.

Меня назначают в так называемую группу охраны порядка. Нас построили. Набралось около ста человек. Я вижу резиновые дубинки, деревянные планки и стальные прутья. Эта орда взбегает на холм. Я вижу, как борцы по одному отделяются от строя и исчезают в лесу. Там они вооружаются палками и направляются в сторону примерно полусотни человек, которые блокировали подход к лесу, где должен состояться праздник лета. Демонстранты ведут себя пассивно. И вдруг они видят, как на них обрушивается неонацистская сотня. «Теперь пускаю в ход гаубицу...» — кричит мой сосед. Он сует руку под куртку. Затем резиновой дубинкой со всей силой бьет по голове какую-то девушку. Она падает. Крики, брань, грохот. Кулаками, ногами и палками группа охраны порядка жестоко избивает демонстрантов. Теперь те явно нуждаются в медицинской помощи. Альберт Лео Шлагетер порадовался бы такой схватке.

Увозят раненых. И путь расчищен. С победными возгласами группа охраны порядка выходит на площадку, где должно состояться празднество. Раздаются сигналы фанфар, стучат барабаны, произносятся речи. Перед молодежью выступает бывший имперский оратор нацистов д-р Роберт Кербер: «Борьба за сегодняшний день окончена! Друзья, крепче натяните каски — Германия превыше всего!»

Слово предоставляется д-ру Рольфу Козику от НДП. Он тоже почитатель Шлагетера. И для него нацистские террористы — пример для подражания: «Молодежи надо вернуть этот пример». Герой для него тот студент, «который взорвал часть берлинской стены».

Костер догорел. Группы собираются для построения, чтобы пройти заключительным маршем. И опять вместе с ними незримо марширует их единомышленник — правый террорист Альберт Лео Шлагетер.

По следам напечатанного. Дело о расследовании, начатое прокуратурой Детмольда против правых громил в связи с расправой, учиненной над демонстрантами, где как непосредственный свидетель показания дал и Герхард Кромшрёдер, прекращено.

Под знаком «Мертвая голова»

Снаружи доносится песня о «болотных солдатах», которую впервые спели узники концлагеря Бергермор. Теперь ее поет протестующая молодежь в северогессенском городе Арользен, где свою ежегодную встречу проводят члены объединения бывших служащих дивизии СС «Мертвая голова». «Мы заткнем глотки этому проклятому сброду демонстрантов, этим ряженым», — бушует вице-председатель объединения Хорст Вильке и с грохотом захлопывает за собой дверь зала собраний в Арользене-Менгерингхаузене возле Касселя.

Теперь мы среди своих. «Здесь собралась элита, — заявляет мне бывший эсэсовец Валентин Руперт, — сюда приходят только наши».

В фойе зала я встречаю депутата бундестага от ХДС Ганса Виссебаха, потерявшего на войне зрение. Бывший унтерштурмфюрер СС из эсэсовской дивизии «Адольф Гитлер» стоит возле освещенного свечами сундука с германскими рунами, украшенными стальными шлемами. «Федеральное объединение солдат бывших войск СС (ХИАГ), куда входит и наша организация «Мертвая голова», не враждебна конституции и не имеет также ничего общего с правым радикализмом», — уверяет меня седовласый депутат.

Служащие войск СС — Нюрнбергский трибунал квалифицировал их как часть преступной организации — являются для него «обычными солдатами, как и другие», против которых теперь, однако, «ведется массовая клеветническая кампания, имеющая целью наклеить им ярлык нацистов».

В зале за столами, покрытыми белыми скатертями, собралось более четырехсот ветеранов 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова». Самым младшим из них около пятидесяти. Большинство участников встречи приехали на автомашинах, некоторые на таблички номерных знаков прикрепили символ «СС».

Подают шницель по-охотничьи с гарниром. Я сижу рядом с председателем организации бывших эсэсовцев в Крефельде Фридрихом Шустером. «Нам незначит преодолевать прошлое»,— заверяет меня этот семидесятидвухлетний владелец транспортной конторы. Он не знает, что я изучил данные его биографии времен нацизма: оберштурмбанфюрер СС (эсэсовский № 7209), член НСДАП (членский билет № 2845489), награжден почетным эсэсовским кольцом, которое получил из рук самого предводителя СС Генриха Гимmlера, член организации СС «Лебенсборн», занимавшейся «размножением людей арийской расы».

Мы говорим о начальном периоде деятельности подразделений «Мертвая голова», которых использовали для охраны концентрационных лагерей. «В концлагере Дахау,— поясняет он мне,— у каждого узника была собственная зубная щетка!» «И все же, несмотря на это, разве мало там совершалось несправедливостей?»— спрашиваю я. Нет, все делалось по закону: «Если руководство лагеря считало необходимым осуществить воспитательные меры в отношении узников, то все делалось на четкой правовой основе».

Меня выделили для охраны входа в зал. Снаружи висит табличка с надписью: «Закрытое заседание». Внутри — обращение к бывшим служащим СС: «Сохранять спокойствие, ни в коем случае не позволять себя спровоцировать, не вступать в разговоры с представителями прессы». Нас проинструктировали отваживать любого чужого, «если необходимо, можно ударить ребром ладони». Стук в дверь. Снаружи мужчина в черном одеянии, поднимает руку в гитлеровском приветствии. Ему разрешают войти. В дверь протискиваются трое парней в черных кожаных куртках. На одном теннисная рубашка с рунами СС. Они прибыли из Бельгии как представители бельгийской террористической организации «Фламандский военный орден». «Это свои ребята»,— говорит Ганс Крамер,

«Воспитательные меры в отношении узников» осуществлялись «на четкой правовой основе». Участники встречи в Арользене — служащие бывшей дивизии СС «Мертвая голова».

«У каждого узника была собственная зубная щетка». Бывшие эсэсовцы из дивизии «Мертвая голова» наблюдают вместе с Кромшрёдером за контрдемонстрантами.

«Сюда приходят только наши». Бывший гауптштурмфюрер СС Ганс Крамер отваживает у входа непрощенных посетителей.

с которым я стою у входа, и пропускает неонацистов в зал.

Бывший гауптштурмфюрер СС из Фюрстенберга с гордостью рассказывает мне, что был приговорен к смерти как военный преступник. «Союзники могли бы и не добиваться моего помилования — я бы охотно умер за фюрера», — говорит он.

Крамер уже готов рассказать о том времени, когда он был охранником в концлагере, но в дверях появляется принцесса Ингрид цу Вальдек унд Пирмонт и радостно приветствует моего собеседника. Отец стареющей принцессы, князь Йосиас, — бывший обергруппенфюрер СС и генерал полиции. Он был фюрером СС района Фульда-Верра и главным надзирателем концлагеря Бухенвальд. В 1947 году за соучастие в убийствах в концлагере приговорен к 20 годам тюрьмы. «Я помню его молодцеватым эсэсовцем! — заверяет меня Ганс Крамер. — Дочь пошла в отца».

Он пожимает ей руку: «Послушайте, принцесса, если бы все получилось так, как это представлял себе фюрер, сегодня вы были бы почетным полковником одной из частей СС».

Между тем снаружи толпа демонстрантов-антифашистов продолжает расти. Они скандируют: «Вон нацистов!» Полицейские держатся пока в тени. Со второго этажа демонстранты хорошо видны. Участники встречи собираются группками возле окон и рассматривают их. «Арестовать бы вас и отправить в трудовой лагерь на торфозаготовки, там бы к месту была и ваша песенка о "болотных солдатах"», — замечает фрау Хамеле из Ганновера.

«Но где вагоны для перевозки скота?» — острит Валетнин Руперт под смех присутствующих.

«Вас бы сначала избавить от вшей, — кричит вниз Хорст Хике из организации ХИАГ Арользена и добавляет: — Мы справились со всеми иноплеменными, как-нибудь справимся и с этими».

Демонстрант с израильским флагом приближается к входу в зал. «Только этих нам еще не хватало», — вздыхает фрау Хамеле. «Сразу видно, кто руководит этой кампанией против нас», — замечает Вальтер Отт из Гетторфа. «Евреи опять сидят везде, куда ни сунься», — поддакивает ему сосед. «Господину Галинскому из Центрального совета евреев в Берлине (Западном)

достаточно лишь пошевелить пальцем, и они уже пляшут в Бонне».

«Негде собраться спокойно, всюду эти демонстранты», — сетует Пауль Штайнеке из Билефельда. Бывший гауптштурмфюрер СС является секретарем организации «Мертвая голова» (ежегодный взнос 15 марок). «Арользен, — писал он в приглашении, — мы все вспоминаем с благодарностью за сердечный прием, который нам оказывают княжеский дом, городское правление и население города». Однако из-за мощной контрдемонстрации служащие СС вынуждены отказаться от проведения открытого марша по улицам города и «чествования героев у памятника павшим воинам». Бывший эсэсовец Герхард Таммен, ныне вахтер в издательстве «Аксель Шпрингер-ферлагсхаус» в Гамбурге, рекомендует провести очередную встречу ветеранов дивизии «Мертвая голова» под более нейтральной вывеской. «В Гамбурге мы снимаем помещения для встреч старой гвардии под вывеской фирмы «Ганза — покрытие полов», и никому в голову не приходит, что мы проводим политическое мероприятие. И не бывает этих еврейских демонстраций».

В фойе возле стойки гардероба кассир организации «Мертвая голова» фрау Мартль Функе разложила свои сокровища: черные нарукавные повязки с надписью «мертвая голова» по десять марок; значки с изображением черепа, которые носили эсэсовцы, по три марки; открытка с видом сражения возле Демьянска, украшенная свастикой, и почтовые открытки с фото обергруппенфюрера СС Теодора Эйке — по марке каждая. Я покупаю одну открытку с изображением человека, который командовал подразделениями «Мертвая голова», охранявшими концлагеря Гитлера. Эйке — убийца руководителя штурмовых отрядов (СА) Рема и первый комендант концлагеря Дахау, пресловутый подручный рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, считается его «инспектором концлагерей» и изобретателем «бюрократического террора» в концлагерях. Стоило только концлагерной гвардии Эйке стать частью войск СС, как о ней снова заговорили: в дивизии «Мертвая голова» были расстреляны сто британских военнопленных — первое крупное военное преступление на западном фронте. А в ходе восточной кампании войска под командованием Эйке

уничтожили двадцать тысяч мирных русских граждан и военнопленных.

У стойки ресторана я встречаю Рудольфа Барта, бывшего судьёю этой дивизии. «Явная чепуха утверждать, будто наша дивизия когда-либо в чем-то провинилась», — говорит он. Карл Ульрих, бывший эсэсовец из Зальцбурга, возражает ему: «Вы забываете о расстреле англичан солдатами нашего 2-го полка 26 мая 1940 года». «Все преувеличено», — ворчит эсэсовский судья и заказывает себе рюмку «егермайстера». Австриец не отстает: «Не можем же мы делать вид, будто в третьем рейхе все было в порядке. Мы должны признать, что лагеря уничтожения были на самом деле». Судья Барт расплачивается и уходит, не сказав ни слова.

Начинается «вечер старых сослуживцев». Появляются приглашенные. Среди них Вальтер Шмидт, заместитель председателя гессенской организации НДП. Ротенфюрер СС из Зальцгиттера Гюнтер Мунд представляется мне как член НДП. Когда снаружи опять раздаются голоса демонстрантов, он замечает: «Если бы здесь была наша группа охранников порядка из молодых национал-демократов, там перед дверью летели бы ошметки». Унтершарфюрер СС Курт Мах из Цвейбрюккена сует мне в руки газету, в которой черным по белому написано: «При Гитлере не было ни одной газовой камеры!» А Пауль Трепто из «Немецкого народного союза» дает мне последний номер «Националь-цайтунг». Заголовок статьи, помещенной в ней, гласит: «Ложь об отравлении газом разоблачена».

Под транспарантом с надписью «Верность за верность» рассказывает оркестр. Пять музыкантов играют песню «Старые товарищи». Каждый раз, когда руководитель оркестра поднимает правую руку в гитлеровском приветствии, раздаются аплодисменты.

Но вот начинают произносить торжественные речи. «Сослуживец» Плонер из Австрии говорит: «Германские мужчины и женщины! Мы всю жизнь будем гордиться тем, что носили победные стрелы СС! Наши войска покрыли себя неувядаемой славой!»

«Ветеран» Виссебах, депутат от ХДС и кавалер федерального креста за заслуги, говорит: «Мы и теперь боремся за то, о чем мечтали в нашей юности: мы боремся за объединенную Европу!»

И затем все стоя поют песню «Верность СС»: «Мы

не хотим нарушить свое слово, солдатами мы станем не сразу, мы хотим прославить священный германский рейх!»

Турне к неграм

«Великолепный экземпляр негра,— говорит господин Шюц.— Высокорослый, с умеренным утолщением губ, и форма головы с высокой черепной коробкой. Великолепный тип негра — явно из племени зулу». Через окошко автобуса он показывает на чернокожего, который в тени своего жилища ремонтирует велосипед.

Два мальчика лет по четырнадцать, сидящие на корточках возле мужчины на краю пыльной улицы, смотрят на нас и поднимают вверх правую руку. Растопырив пальцы, они изображают букву «V» («виктори» — победа) — знак участников движения за гражданские права африканцев.

Господин Шюц, бывший гауптштурмфюрер СС из личной охраны Адольфа Гитлера, воспринимает этот жест как вызов, и у него вырываются слова, от которых он позднее готов отказаться: «Негритянский сброд. Всех нас, белых, они хотят выбросить в море. Только террор помогает вышибать из них коммунистические замашки». За нашей спиной раздается одобрительное бормотание. Мы сидим в автобусе, оборудованном кондиционером, и едем через негритянское гетто Соуэто возле Йоганнесбурга. В белом Йоганнесбурге черным проживать не разрешено, а для белых черный Соуэто — запретный город. В порядке исключения нам разрешили посетить запретную зону — «с туристическими целями». Нам позволили смотреть на них как на диких зверей — с безопасного места.

Господин Шюц успокоился. Он берет в руки микрофон. «Дамы и господа,— гремит в динамике автобуса,— я думаю, что во время этой экскурсии через Соуэто мы воочию убедились в том, что благодаря политике апартеида — раздельного существования — черные могут развиваться так, как это отвечает по-

требностям их расы. Негр любит простой, скромный, связанный с землей образ жизни...»

Пассажиры автобуса благоговейно внимают словам руководителя туристской группы. Уже три недели я путешествую с этими тридцатью немцами по ЮАР. Все они — читатели газеты «Дойче вохен-цайтунг» (ДВЦ), которая в седьмой раз организует подобную поездку. Издателями этого праворадикального еженедельника, кроме эксперта по негритянским вопросам Шюца, являются бывший председатель национал-демократической партии Адольф фон Тадден и бывший гауляйтер гитлеровской НСДАП и военный корреспондент СС Эрих Кернмайер.

Что касается меня, то ЭВМ, видимо, выдала неверные данные. ЮАР закрыта для репортеров, настроенных критически, им ни при каких обстоятельствах визу не дают. Я еду в роли читателя праворадикальной «Дойче вохен-цайтунг». С разрешением на въезд никаких проблем.

Готовясь к поездке, я изучил подшивки «Дойче вохен-цайтунг». Примечательное чтиво. Адольф Гитлер, по мнению газеты, является «в своей интуитивно-изобретательной неповторимости... феноменом мировой истории... который случается раз в столетие», войска СС — «авангардом европейской семьи народов». А жертв концлагерей, оказывается, не убивали, они погибали «от ужасных эпидемий».

Мы, как читатели этой газеты, особенно желанные гости в ЮАР. Нас хотят сделать «послами Южной Африки в Германии», заявляет руководитель государственного бюро путешествий в Претории.

Вчера вечером правительство устами капитана Ц. Х. Беннета, директора стратегического отдела южноафриканской армии, объяснило, почему ее войска должны были вторгнуться в Анголу: «Мы считаем, что не только имеем право, но обязаны преследовать хищного зверя вплоть до его логова и уничтожить его».

Мы путешествовали по Южной Африке вдоль и поперек, проехав свыше девяти тысяч километров. Видели бедные степи и цветущие побережья, слышали о немцах, живущих за рубежом, и о преимуществах апартеида для черных, хотя ни разу не имели возможности поговорить с ними по этому вопросу.

Поездка началась с Виндхука — столицы бывшей

кайзеровской колониальной области — «германской Юго-Западной Африки». На вершине холма, расположенного над городом, нас приветствовал оптовый торговец овощами Хайнц Мартинг. Проживающий с 1934 года в Юго-Западной Африке, этот предприниматель служил в эсэсовской части «Бранденбург». «Сегодня утром, — рассказывает возбужденный Мартинг, — радио «Зюд-Вест» передавало эсэсовскую песню верно-сти в исполнении Хайно». После этих слов группа чувствует себя лучше, чем дома.

Чернокожие сервируют мясо, приготовленное на открытом огне. Рихард Суханы, шестидесяти восьми лет, торговец коврами из-под Франкфурта и бывший гауптштурмфюрер СС, служивший в мотострелковом полку «Германия», бросает скептический взгляд на официанта. «Надеюсь, они нас не отравят», — бросает он.

Через час нас принимает Адольф Бринкман, функционер Националистической партии и депутат белого «земельного совета» в Виндхукке. Его партия существует на субсидии, поступающие из ФРГ. Этот политический деятель, ему около сорока, не скрывает своих проблем: «Денег от ХСС и из фонда Ганса Зайделя поступает вполне достаточно, но они переводятся слишком открыто. Это можно было бы делать деликатнее».

«Дружественная в отношении негров политика Бонна — это чистый расизм, — заявляет господин Бринкман, — потому что тем самым попираются интересы белых. А для демократии негр еще не созрел. (Жидкие аплодисменты.) Мы не верим в равенство людей. Есть различия, обусловленные расой, которые мы должны выявлять и каждый раз подчеркивать, чтобы эффективно бороться с коммунистической идеологией, проповедующей равенство рас. (Аплодисменты.) То, к чему мы стремимся, — это «народный национализм», который отводит место в обществе каждой расе в зависимости от ее способностей. (Бурные продолжительные аплодисменты.)» Господин Шюц благодарит докладчика: «Вы высказали наши сокровенные мысли. Нельзя допустить, чтобы, используя лозунг о «демократизации», Африку завоевали недочеловеки, управляемые Москвой».

Спустя сутки мы прибыли в Свакопмунд, на Атлан-

тическое побережье. В местной газете «Дер Дойч-зюдвестер» я прочел о том, как должно выглядеть будущее Африки: «Национализм как учение — это надежда завтрашнего дня. Он учит незаменимости отбора и неповторимости народов, учит уважению рас, подчеркивает важность сотрудничества европейских народов и воскрешения нашей общей родины — Европы. Национализм — это порядок, грядущий вслед за сумерками богов, которые опустили над всеми нами в результате господства банкиров и сионистов, марксистов и масонов».

В отеле «Ганза» нас обслуживают чернокожие. Фрау Гисель-Динель, уполномоченная по налогам и член НДП из Штутгарта, кивком подзывает к себе официанта. «Что вы желаете?» — спрашивает тот по-немецки. «Ты принесешь мне омлет, понимаешь? Ты анда-стэнд, йес?» Фрау Гисель-Динель уже ест свой омлет и замечает: «С этими неграми надо обращаться как с чехами в Судетах. Обращаться как с теми, кто они есть на самом деле, как с примитивными, неполноценными».

Вечером встреча с представителями немецкой общины Свакопмунда. Господин Шюц вручает из фонда пожертвований купюру в тысячу марок д-ру А. М. Веберу, руководителю местного «немецкого музея», в качестве субсидии «для поддержки немецкого населения на Юго-Западе Африки». Детлеф Кайбель из «Сообщества немецкоговорящих жителей Юго-Запада» заявляет в этот вечер: «В отношении к чернокожим нам, немцам, не в чем упрекнуть себя».

Из книг о германском колониальном прошлом я узнаю иное. В 1904 году во время первого восстания племени гереро германские «охранные войска» убили 70 тысяч человек — 87 процентов населения. С 1904 по 1907 годы кайзеровские солдаты уничтожили три четверти племени нама — 45 тысяч человек. Фермер Берндт Ример из Виндхука, который сопровождает нас в поездке по Юго-Западу, шокирует немецких туристов высказыванием: «Мы, белые, много грешили в прошлом, и, если мы скоро не найдем общего языка с нашими чернокожими соотечественниками, нам, знаете, несдобровать». С этого момента Берндта Римера избегают. «Опасный либерал», — предостерегает руководитель группы Шюц.

По дороге в Намутони, бывший немецкий форт в пустыне, наша компания пополняется. В автобус садится депутат ХДС из Западного Берлина, д-р юриспруденции Карл-Хайнц Шмиц. Он рассказывает мне, что «срочно прилетел сюда по приглашению южно-африканского правительства, чтобы внести ясность в некоторые дела, установить связи между немецкой промышленностью и южно-африканскими партнерами по бизнесу».

«Негр,— заявляет адвокат,— учится до 8-го класса». Он только что осмотрел военные сооружения на северной границе, базу «Омега». «Зато под руководством одного немца там тренируют девятьсот бушменов и делают из них настоящих солдат, способных воевать против СВАПО*»,— с восхищением говорит Шмиц.

«Уступать? Не стоит, это не поможет. Право на стороне сильного, мы убедились в этом на примере тех, кто занимал наши дома в Берлине (Западном)**». Что касается террористов-негров, здесь надо продемонстрировать именно силу, иначе пропадешь». Возвратившись в Федеративную республику, Шюц будет оспаривать свои высказывания.

Водитель автобуса Йохен Шаумбург поддакивает депутату ХДС, которого в свое время прочили на пост сенатора по внутренним делам Западного Берлина: «Во время операций в Анголе наши черные солдаты не долго церемонятся с людьми из СВАПО. Если они попадают в руки живыми, их разрезают на части и приносят домой по кусочкам в качестве сувениров. В этом плане негры поддаются обучению».

Через несколько дней прибываем в Крондал, на островок, расположенный в ста километрах западнее Претории. Здесь шестьсот жителей немецкого происхождения. По меньшей мере половина из них заполняет сейчас евангелическо-лютеранскую церковь

* Народная организация Юго-Западной Африки. В декабре 1973 г. Генеральная Ассамблея ООН признала СВАПО «подлинным представителем народа Намибии».

** В 1981 г. отчаявшаяся бездомная безработная молодежь Западного Берлина выступила против антисоциальной жилищной политики официальных властей. Она заняла пустующие дома, часть которых предназначалась на снос. По настоянию домовладельцев полиция силой вышвырнула молодых людей на улицу.

Крондала. Мы поем: «Проснись, проснись, немецкая земля! Ты спала достаточно долго».

После богослужения я рассказываю пастору Хинриху Папе о том, что прочел в газете: в другой общине несколько дней тому назад чернокожих выдворили из церкви, где они участвовали в отпевании их белого «бааса» (господина). «Возможно ли подобное у вас?» — спрашиваю я.

Пастор Папе: «Никогда! У чернокожих здесь нет потребности участвовать в богослужении белых».

Меня пригласил в гости Фриц Скриба, директор немецкой школы в Крондале. «Негр,— говорит он за столом, когда мы жуем мясо, приготовленное по-кассельски, с кислой капустой,— очень привержен расовой гигиене — почему же и мы не должны делать этого? Мы внимательно следим за тем, чтобы браки совершались только между немцами». «Не приведет ли это к вырождению?» — спрашиваю я. «У негров? Да, возможно. У нас — нет».

За десертом учитель Скриба заявляет мне, что чернокожие не способны править страной: «Дать власть негру — то же самое, что свою чековую книжку подростку».

Мы выходим на улицу. Рядом с многоквартирным бунгало — грязная каменная постройка размером не больше гаража. Перед ней груда ржавых обломков. Здесь живет чернокожая служанка учителя Скрибы Меихма. «Неграм у нас живет хорошо», — говорит он мне на прощанье.

Претория. В конференц-зале отеля «Бургерспарк» руководитель нашей группы Шюц приветствует докладчика, с которым его «связывают дружеские узы, установленные в результате многочисленных совместно проведенных мероприятий». Д-р Ганс Германи — корреспондент ежедневной газеты «Вельт» в ЮАР. «Я с удовольствием общаюсь с читателями «Дойче вохен-цайтунг»; потому что позиция ДВЦ по политическим проблемам совпадает и с моей собственной».

Д-р Германи — приверженец апартеида: «Представьте себе, что в рабочем кабаке белым разрешили бы общаться с черными! Были бы сплошные драки, простые люди не сумели бы распорядиться отменой расовых ограничений».

В поезде-гостинице «Блю трейн» — отеле на коле-

сах — мы двадцать шесть часов едем из Претории в Капштадт*. Сто белых пассажиров этого роскошного поезда обслуживают двадцать пять белых сотрудников сервиса. На кухне же работают трое цветных.

Нам подают меню на ужин. В нем тринадцать блюд: груши, фаршированные сыром, теплый гороховый суп «шатлен», жареный морской язык под кембриджским соусом, курица в сухарях с маисом, спаржа с яйцом и кремовым соусом «муслин», филе свиное, жареное с печеными яблоками, говяжье филе с пудингом по-йоркширски, ассорти из овощей, шоколадный пудинг, ванильное мороженое, сыр и печенье, десерт по выбору. Снаружи через светозащитные стекла виднеется бедная земля, вокзалы с раздельными перронами «для белых» и «для цветных», раздельными кассами и залами ожидания. Возле железнодорожной насыпи жалкие хижины из жести.

Д-р Хавелка, врач и функционер НДП из баварского Траунрейта, заказал на обед блюдо под названием «Цветок Кейптауна» и теперь со знанием дела изучает его. «Не понимаю, к чему столько шума? Здесь, в Южной Африке, можно очень неплохо жить», — произносит он с удовлетворением.

Капштадт. Поездка по городу. Когда мы приезжаем на пляж, женщина-гид заявляет: «Этот пляж называется «Кампс-Бей», общественный. Тут разрешили купаться и черным. Но белые не желают, чтобы их видели в окружении этих примитивных людей. Белые вынуждены сейчас строить бассейны в своих садах, чтобы и у них была возможность искупаться».

Вечером наш руководитель Шюц затевает «дискуссию для ориентации». Поводом для нее становится высказывание д-ра Эвальда Горке, врача из Штутгарта: «Я прибыл сюда не для того, чтобы орать «хайль Гитлер» или «зиг хайль» и соглашаться со всем, что мне показывают. Просто позор, в каких условиях тут живут негры». Д-р Вальтер Кинцель, психолог из Эрлангена, парирует: «Если негра слишком быстро поднять до нашего культурного уровня, это тоже значит совершить насилие над ним. Хижина из жести позволяет ему чувствовать свою индивидуальность. В иных условиях он просто сопьется». Остальные поддержи-

* Кейптаун.

вают д-ра Кинцеля. Довольный господин Шюц подводит итог дискуссии. Д-р Горке остается со своим мнением в одиночестве. Ряды единомышленников не поколеблены.

В Дурбане мы посещаем немецкую школу. В гербе школы — цвета германского рейха: черный, белый и красный. Господин Шюц снова делает пожертвования, передает школе 5 тысяч марок из своего фонда и картину графика Арно Брекера, которого ценил Гитлер. Директор Томас Келлер выражает благодарность: «Арно Брекер — это искусство, перед которым надо стоять по стойке «смирно». Подают сосиски, приготовленные на гриле, и хумпенское пиво. Господин Шюц в восторге: «Здесь больше немецкого, чем в самой Германии».

Когда автобус покидает последний пункт нашего маршрута — миллионный город Соуэто, на лице господина Шюца гораздо меньше воодушевления. Пять лет тому назад здесь во время восстания цветных было убито шестьсот детей — многих полицейские пули настигли в спину. Господин Шюц сетует на то, что в случае чрезвычайных обстоятельств южноафриканские силы безопасности не смогут контролировать положение в этом негритянском городе. Бывший гауптштурмфюрер СС замечает: «Тут надо что-то соорудить, какой-нибудь забор или что-то в этом роде».

Партизаны Штрауса

Мое первое знакомство с Центром демократических сил (ЦДС) — комитетом гражданской инициативы «За свободный порядок» — начинается с неофициального заседания, состоявшегося в задней комнате одного известного отеля в Хойзенштамме возле Оффенбаха. Собравшихся, добрую дюжину господ, главным образом почтенных представителей промышленных кругов, запугивали: Федеративная республика наводнена коммунистами, а «радикалы на государственной службе» добрались уже до высших правительственных

инстанций. Этот роковой ход событий можно остановить только с помощью националистической и дружественной по отношению к промышленникам политики, ориентации на Франца Йозефа Штрауса.

На бланке с шапкой «Франкфуртские видовые открытки Кромшрёдера» я пишу организаторам этой тайной встречи ЦДС в Висбадене: «Как предпринимателю мне кажется, что ваша деятельность достойна похвалы, так как она направлена против левых тенденций, которые отчасти заметны и в рядах ХДС, и в то же время способствует усилению консервативно-реакционных тенденций в ХДС. Германии нужны деятели, полные решимости бороться за то, чтобы наша нация снова стала сильной».

Националистическая приманка с намеком на Штрауса оказывает свое воздействие. ЦДС «клюет». На следующее же утро со мной связывается по телефону секретарь ЦДС Фриц Харт. Он приветствует в моем лице еще одного человека, принадлежащего к «решительным деятелям», и приглашает на открытое «пропагандистское мероприятие» с участием активиста ЦДС Герхарда Левенталья: «Обратитесь у входа к господину подполковнику Гонтеру, он будет стоять где-то возле наших блюстителей порядка. Надо позаботиться о том, чтобы как можно больше мест было занято нашими людьми».

Сильные наряды полиции охраняют зал от демонстрантов. Как приверженец ЦДС я прохожу беспрепятственно. Герхард Левенталь уже на трибуне. На нем голубой галстук с вышитым германским орлом. Тема его доклада: «Свобода в опасности».

Ведущий передачи второй программы западногерманского телевидения ЦДФ и агитатор ЦДС Левенталь ругает восточную политику Бонна, утверждая, что она «адекватна западной политике СССР». Гессенских социал-демократов упрекает в применении «нацистских методов», а СвДП критикует как «хронически воспаленный придаток слепой кишки СДПГ». Резюме друга Штрауса гласит: из-за деятельности социал-либеральной коалиции «наша демократия на грани краха». Раздаются шумные возгласы.

В заключение проходит конфиденциальная встреча друзей и покровителей франкфуртского кружка ЦДС. Она проводится в помещении, охраняемом плотным

кордоном полиции. С Левенталем за Штрауса выступает и предприниматель Казимир Йоханнес, принц Сайн-Витгенштейн, председатель промышленного совета гессенской организации ХДС.

Через несколько дней мне опять звонит Харт. За это время он так проникся ко мне доверием, что приглашает в правление центра в Висбаден. Там он хочет обсудить со мной «некоторые аспекты работы Центра демократических сил с прессой и общественностью». Я соглашаюсь.

Висбаден. Улица Фридрих-Кайзер-ринг, 65. На первом этаже богатого дома резиденция организации лоббистов — «Союза охраны промышленности спиртных напитков», на втором — адвокатская контора Альфреда Карла Гедертца. Этот юрист является секретарем «Союза» и постоянным консультантом фирмы «Экес», крупнейшего производителя водки в Германии. Придерживающийся правых взглядов Экес является одним из основателей ЦДС, он должен побудить ХДС перейти на позиции Штрауса.

На третьем этаже дверь с глазком. Таблички с именем и званием нет, зато дверь забрана тяжелой железной решеткой, сейчас она открыта. Я явно по адресу, не ошибся. В вестибюле в застекленной рамке изречение Черчилля: «Социализм — это философия неудачи, кредо невежества и вероисповедание зависти». Правление висбаденской ЦДС только обживает помещение: еще пахнет свежей краской.

Секретарь Фриц Харт приветствует меня. Это сорокалетний коренастый мужчина с проседью, в дымчатых очках. «Оптовый торговец сахаром и майор резерва», — сообщает он с гордостью. В зале заседаний одно-единственное украшение: большая настенная карта Германии в довоенных границах, впрочем, еще одно изречение в рамке за стеклом. На сей раз Наполеон: «Сеять раздор среди немцев мне не нужно. Ведь из их рядов давно исчезло единство». На консоле над батареей отопления пятилитровая бутылка коньяка марки «Асбах уральт» в проволоочной оплетке. Посреди стол для заседаний с креслами, обитыми голубой материей. Новые, в тон обивке кресел, голубые гардины.

Харт невысокого мнения о «кружках друзей ХСС» — для него они «слишком открыто поддерживают курс

Штрауса», что мозолит глаза даже самим названием. Ему больше по душе «организации, действующие из-за кулис». Его союз в поддержку Штрауса, рассказывает он мне, возник на базе находящегося в Штутгарте и группирующегося вокруг издателя Генриха Зеевальда и советника ХДС по экономическим вопросам Буссо графа фон Альвенслебена «Рабочего сообщества демократических кругов». Своими корнями эта организация уходит еще во времена Аденауэра. Она финансировалась федеральным ведомством печати и информации правительства ФРГ, а была создана «для пропаганды ремилитаризации Федеративной республики». В земле Баден-Вюртемберг ЦДС совместно с тамошним земельным Центром политического просвещения уже организовала многочисленные мероприятия. В красном Гессене, напротив, намерены обратиться непосредственно к общественности. Похожая стратегия применяется также и в Нижней Саксонии. «Вместе с христианскими профсоюзами там для рабочих заводов фирмы «Фольксваген» создана заводская газета,— продолжает Харт и дает мне несколько экземпляров.— Распространите среди своих людей».

В рубрике «Шутка недели» читаю: «В вертолете Венер, обращаясь к Брандту, говорит:

— Если я сброшу вниз две купюры по 100 марок, обрадуются два человека.

Брандт Венеру:

— Если я сброшу вниз 20 купюр по 10 марок, обрадуются 20 человек.

Пилот, обращаясь к Венеру и Брандту, заявляет:

— Если я сброшу вниз вас обоих, обрадуется весь народ».

— Метко сказано, не так ли?— замечает секретарь ЦДС.

Я спрашиваю о зарождающихся ячейках ЦДС в Гессене. Харт объясняет: «Я начал создание ячеек ЦДС с Нидер-Ольма и заводов Экеса. Там я официально значусь в отделе прессы в качестве руководящего служащего». И он рассказывает, как он получил эту должность для прикрытия своей деятельности от Людвига Экеса: «Экес принял меня на работу, даже не спросив мнения производственного совета, как в таких случаях положено. Они, дескать, должны знать, с кем имеют дело, и добавил: «Члены производственного

совета не могут мне диктовать, ведь, в конце концов, я плачу всем им...» Так я получил место служащего».

Вся мебель для висбаденского правления ЦДС поступила с заводов Экеса из Нидер-Ольма. «Письменные столы, стулья — все». Эти предметы были списаны якобы как «отслужившие срок».

Правда, симпатизирующий Штраусу Экес не всегда может рекламировать его политику так, как хотелось бы. «Господин Экес собирался распорядиться,— рассказывает Харт,— чтобы всем его друзьям по бизнесу в Гессене, значившимся в картотеке фирмы, были разосланы материалы ЦДС. Однако один «левый» из отдела сбыта расстроил этот план. Он выразил опасение, что фирма может понести убытки, заявив: «Если господин Экес желает культивировать свои политические амбиции, то может делать это в частном порядке, а не в ущерб предприятию». Тогда я поехал вечером в Нидер-Ольм и, тайком забрав на заводе нужные адреса, разослал материалы из правления ЦДС. Словом, выход был найден».

Перед Хартом лежит мое письмо. Я различаю сделанную от руки пометку. «Оказать содействие в финансировании». Промышленники, рассказывает он мне, чрезвычайно щедро дают деньги для его правого союза. Предостерегает: об этих пожертвованиях, естественно, ничего не должна знать общественность. Было бы неприятно, если б случился «прокол». «На фирме «Мерк» в Дармштадте в производственном совете есть коммунист. Оттуда прямых пожертвований не жди, этот коммунист может заглянуть в бухгалтерские книги. За такими вещами он следит особенно бдительно».

«Мы — внепарламентская организация,— заявляет мне Харт,— так что одними деньгами не обойдешься. Через определенных депутатов от ХДС, поддерживающих нашу линию, мы должны действовать и в парламенте». На мой вопрос, идет ли ХДС на сотрудничество при выборе этих «определенных депутатов», он прикладывает палец к губам и молча указывает на маляра, который только что вошел в помещение и, согнувшись, поправляет в дальнем углу топорщащиеся обои. «Иногда и у стен бывают уши»,— шутит он.

И только когда рабочий уходит, Харт продолжает: «Договоренность с ХДС есть — неофициальная, ко-

нечно,— соответствующие беседы проведены также с господином Дрегером. Некоторая часть ХДС, как видите, также симпатизирует нашему политическому курсу».

Харт выходит и затем появляется с несколькими изданиями своей агитгазеты, которая называется «Подкорректируйте курс». В заглавии статей мелькает «ЦДС». Я узнаю из газеты, как следует понимать контакты председателя Объединения немецких профсоюзов Феттера с восточными странами («представитель рабочих лобызает тех, кто предал рабочих»). Она сообщает также детали «об экспансионистских планах Москвы в отношении Австрии». Харт просит меня подумать, как лучше можно было бы оформить газету и наладить работу ЦДС с общественностью. Я обещаю представить ему соответствующие предложения. Чтобы я «знал, чего ждет ЦДС», мне в секретариате вручается кипа всяких фотокопий — их изготовили в большом количестве для замаскированного союза друзей Штрауса в пресс-отделе IV военного округа в Майнце. На прощание он дает мне еще одну брошюру ЦДС, «Наши цели», в которой содержится призыв «больше проявлять демократического патриотизма» и обращение к таким, как я, — «разделить ответственность и найти в себе мужество для поддержки союза». Потому что, как это сформулировал Харт, «наш народ и наша страна требуют от каждого выполнения его патриотического долга».

В заключение я спрашиваю Харта, почему именно он, майор резерва, стал секретарем ЦДС. Ярый приверженец линии Штрауса объясняет мне на примере из военной жизни: «Как военный, я кое-что соображаю в вопросах расстановки сил. Если б я командовал батальоном, то работу ЦДС понимал бы так: здесь, в Висбадене, находится командный пункт. На территории противника — в Касселе, Эшwege, Фульде, Оффенбахе, Дармштадте и Франкфурте — мы закрепились на плацдармах, на них будут базироваться наши партизаны».

Меня, нового партизана ЦДС, воюющего за Штрауса, «фронтовик» Харт причисляет к франкфуртскому плацдарму. Там моим связным будет Герберт Майер-Штауд из фирмы «Метальгезельшафт», которая щедро его субсидирует. «Думаю, что для вас это будет не-

плохо,— говорит он,— может быть, вам удастся наладить с этой фирмой и деловые связи».

Заверив Харта, что образцово выполню свой долг советника ЦДС по вопросам рекламы и решу поставленные передо мной задачи, я прощаюсь с ним у железной решетки, которую перед входом на командный пункт «из страха перед «левыми» и их бутылками с зажигательной смесью» велел соорудить предшественник Харта, один подполковник.

Позднее я звоню Харту и сообщаю, что после долгих размышлений придумал девиз для «Центра демократических сил»: «законность и порядок гарантируют безопасность». Харт в восторге. Он находит лозунг чрезвычайно подходящим для своего боевого воинства.

Я тоже доволен. Это — лозунг НДП.

* * *

Дополнение. После публикации этого отчета секретарь ЦДС Харт, деятельность которого тайком оплачивал через свою фирму фабрикант спиртного Экес, вынужден был отказаться от своих побочных доходов. Председатель производственного совета завода Экеса впоследствии сообщил: «Что касается репортажа Герхарда Кромшрёдера о ЦДС, то Вам, видимо, небезынтересно узнать, что карьера «партизанского капитана» Харта внезапно закончилась. После Ваших разоблачений было уже простой формальностью, сославшись на положения закона о производственных советах, вычеркнуть Харта из платежных ведомостей фирмы, в которые он был внесен без нашего ведома. Переплетение политических и деловых устремлений господина Экеса причиняет понятные неприятности не только «левым» в отделе сбыта. Заметное участие нашего шефа в политической жизни должно обрести более подходящую форму. Прежде всего, господина Экеса следовало бы предостеречь: спасение демократии не надо искать в стане крайне «правых». История демократии в нашей стране красноречиво свидетельствует о том, что наиболее опасный противник всегда появляется справа. Кто ставит своей целью укрепление демократии, не должен игнорировать этот опыт».

Исповеди

Исповедальня «папской базилики» в верхнебаварском городке Альтеттинг, куда совершают паломничество многие католики, похожа на платяной шкаф с тремя дверцами. Тяжелое, темное дерево в стиле необарокко. Над средней дверцей табличка с надписью: «Патер Констанц». В углу светится сигнальная лампочка. Значит, святой отец на службе, исповедует. Левая дверца открывается, выходит мужчина в куртке. Следующий на очереди я. В тесной камерке пахнет затхлостью. Я опускаюсь на колени. Тишина, только приглушенные шаги прихожан. Сквозь деревянную решетку различаю силуэт патера.

В руке у меня брошюра «Исповеди мужчин», памятка, полученная от мужского душеспасительного церковного центра. В «Обзоре исповедей» на странице 10, в разделе «Государство», читаю: «Не пренебрегаю ли я своим избирательным правом и правом голоса? Избирал ли неверующих депутатов или членов производственного совета своей фирмы?»

Я каюсь, что утаил часть дохода от налогообложения и добавляю: «Не знаю, смогу ли во время выборов в бундестаг голосовать за Штрауса. Я видел его по телевидению. Он на чем свет стоит ругает своих противников, проповедует ненависть. Шмидт мне симпатичнее. Согрешу ли я, если проголосую за СДПГ?»

Священник, который мягким голосом отпустил мне грехи за налоговый обман («Законы о налогах все равно несправедливые»), отчитывает меня уже на повышенных тонах: «Мы не можем поддерживать партию, которая пропагандирует аборт и тем самым служит сатане. В СДПГ вселился дьявол. Поэтому на выборах оставайтесь верным божьей матери».

Патер капуцинов склоняется к решетке и заклинающим тоном говорит мне, что участие в выборах в следующее воскресенье явится для меня испытанием на пути к вечному блаженству: «Все, что мы творим на земле, будет нам зачтено. Упаси господи наш народ ступить на ложный путь. Молитесь, чтобы на выборах вас как честного и верного христианина направляла

десница божия. Тогда у вас будет не только земной дом, но обретете и царство небесное».

Отец, исповедующий меня, сует через щелочку под зарешеченными оконцами листки с текстами молитв. В «Молитве об искуплении и о чем взывать непорочно-му сердцу Девы Марии» я должен, например, попросить: «Спаси Россию, спаси души всего мира от гибели».

И вот я свободен от грехов.

Позднее, у входа в церковь, в первый раз вижу патера Констанца. До этого я знал его лишь по голосу. Теперь же стою рядом. Дружелюбный, упитанный старик с седой бородой. Он с улыбкой кивает мне. У меня в руках газета «Альтеттингер либфрауэнботе».

«Прочитайте основательно и подумайте над тем, что тут написано»,— говорит он.

Я читаю, что «против Франца Йозефа Штрауса ведется безудержная травля», в то время как Гельмут Шмидт критикует папское послание епископов в таком тоне, в каком со времен Гитлера ни один глава германского правительства не обращался к высшим духовным лицам.

В двенадцати соборах, деревенских церквях и часовнях, расположенных между Рурской областью и Нижней Баварией, я затем за неделю до выборов в бундестаг выяснял, как церковь относится к политике. Констатирую: в своих официальных заявлениях католическая церковь всегда подчеркивает, что она вне политики.

А еще за несколько дней до этого глава католического духовенства в Германии кёльнский архиепископ кардинал Йозеф Хефнер решительно отвергал упреки в том, что церковь «перенимает» предвыборные лозунги христианских демократов. Выступая в роли избирателя-католика, не решившего, за кого голосовать, я двенадцать раз задавал на исповедях один и тот же вопрос, может ли христианин голосовать за Штрауса? И одиннадцать раз слышал от исповедовавшихся меня священников однозначные ответы: «Да, и только за Штрауса!»

Иезуитскому патеру Голлю, которому я исповдуюсь в церкви св. Михаила, в центре Мюнхена, папское послание епископов по случаю выборов кажется «чрезмерно сдержанным и осторожным». Поэтому он,

исповедуя, явно ставит цель высказаться яснее против боннского правительства. Он делает это столь энергично, будто хочет быть похожим на святого Михаила, который изображен в бронзе убивающим дракона у портала церкви. «Союз, пропагандирующий детоубийство во чреве, вы можете со спокойной совестью не поддерживать. От имени католической церкви, которая обливалась за нас кровавым потом, молю господа бога, дабы у вас хватило сил принять верное решение». И затем поясняет, что является верным решением: «Голоса нужно подавать за Франца Йозефа Штрауса, и тогда да победит наше дело».

В центре Эссена, между универсамом «С унд А» и собором члены «Юнге унион»^{*} распространяют флажки и открытки с изображением кандидата в канцлеры Франца Йозефа Штрауса. Из репродукторов на крышах агитавтобусов звучит кантри-музыка.

В исповедальне собора каноник Бернгард Мэкель ведет избирательную кампанию иными средствами. Едва я успел заявить седовласому священнику, что у меня есть проблемы с кандидатурой Штрауса, как он раздражается монологом. Судя по всему, я не первый, кому он читает этот доклад. «Решение в пользу Штрауса,— говорит он и наклоняется ко мне,— на мой взгляд, лучше всего послужило бы делу господню. Штрауса вполне сознательно предают анафеме политические противники. Люди же, которые общаются с ним, говорили мне о нем с большим уважением».

Критиков Штрауса каноник, второе лицо в соборе рурского епископа Хенсбаха, полагает «зараженными коммунизмом». Даже тому, что говорится в церковной прессе против Штрауса, верить не следует: «Ибо в церкви также ведется антицерковная деятельность». Особенно сегодня, «в наше время, отмеченное печатью декадентства и недугов», во главе правительства просто необходим такой политик, как Штраус: «Всякое общество, в том числе и демократическое, нуждается в дееспособной элите, иначе оно погибнет». После этого он отпускает мне грехи мои и меня самого.

В Кевелэре, на Нижнем Рейне, ХДС завоевала на предыдущих выборах 66 процентов голосов. СДПГ вынуждена была довольствоваться 29 процентами,

^{*} Молодежная организация ХДС.

свободные демократы получили 4,5 процента. Девять из десяти жителей Кевелэра — католики. Во время воскресного богослужения заполнены все четырнадцать церквей города. Сотни тысяч паломников ежегодно приезжают в церковь Прощения господня.

Во второй исповедальне справа принимает патер Радберт, болезненно бледный седой человек. Во время исповеди он закрывает лицо белым платком, чтобы оградиться от воздействия личности исповедуемого и лучше сконцентрироваться. Затем берет молитвенник, смотрит на меня через оконную решетку и говорит тихим голосом: «Мы должны защищать интересы господни. Мы не должны позволять, чтобы нас ввели в заблуждение клеветой, порочащей доброе имя. Именно так порочат названную личность, и все потому, что обладает она иным темпераментом, нежели мы, северные немцы». И бенедиктинец поясняет, почему Франц Йозеф Штраус ему ближе других кандидатов: «Ибо он руководствуется христианскими убеждениями, и мы можем быть уверены, что не станет злоупотреблять властью в государстве».

В баварском городке Зонтхофене священник Герман Фельк вместе с местной организацией «Юнге унион» попытался остановить противников Штрауса, которые отправились маршем через всю Федеративную республику в Бонн. Я еду в Зонтхофен.

Это город, который стал известен лишь потому, что здесь Франц Йозеф Штраус произнес одну из своих самых радикальных речей — призвал к тотальной войне с политическим противником: «Мы должны смело говорить о том, что СДПГ и СвДП отдают наше государство в руки уголовным и политическим гангстерам». Свои планы Штраус сформулировал в Зонтхофене следующим образом: «И если мы придем к власти, то наведем такой порядок, что в Германии до конца столетия никто из этих бандитов не отважится больше рта раскрыть».

Критику этого кандидата в канцлеры священник Фельк считает «обычной попыткой оглупить людей». Фельку, небольшому энергичному мужчине с прической «под ежика», тесно в своей общине, он действует и за ее пределами. Церковь св. Петра и Павла переполнена. Кто опаздывает, довольствуется стоячими местами в проходе. «На очередных выборах в

бундестаг, которые состоятся в следующее воскресенье, речь пойдет не о личностях, а о принципе. Мы ведь избираем не канцлера. Мы избираем правительство. Все остальное говорится для того, чтобы ввести в заблуждение общественность. Канцлер может умереть через год, на его место придет другой, а правительство останется», — гремит священник Фельк, и после такого введения зачитывает вслух предвыборное послание епископов.

Тех, кто и после этого не понял, за кого голосовать, Герман Фельк просвещает в исповедальне под сводами церкви св. Петра и Павла. Мне он говорит: «Вы должны решить, хотите ли вы как христианин правительство, ориентирующееся на христианскую веру, или вы хотите антихристианское правительство». У церковного подъезда организаторы богослужения бесплатно раздают католическую «Нойе бильдпост». На шестой странице помещена третья часть серии статей «Кандидат» во славу Франца Йозефа Штрауса.

В соборе гессенского епископата в городе Лимбурге исповедоваться нельзя. «Идите в церковь св. Анны, — говорит мне служитель, — там примут исповедь в любое время». В церкви св. Анны нет никакой исповедальни. Вывески, напечатанные типографским способом, указывают путь в «помещение для исповедей». Светлая комната, посредине стол, разделенный пополам до потолка деревянной решеткой. Когда я вхожу, патер Вайске откладывает в сторону книгу. На мой обычный вопрос о кандидатуре Штрауса отвечает: «Следуйте ясному указанию наших епископов и голосуйте за Штрауса. Во времена, когда жизни нашей церкви угрожает опасность, нам нужны и сильные светские личности». «У Штрауса, — продолжает Вайске, — есть конечно и свои минусы, но тот, кто голосует за него, принимает решение в пользу бога». Он настоятельно предостерегает меня от «неверных предсказателей»: «В церкви это люди типа Кюнга и Грайнахера, подрывающие ее единство изнутри. Вне церкви — те, кто клеветает на Штрауса».

На плакатной тумбе возле церкви ордена кармелитов в Регенсбурге огромными буквами начертано: «Остановить социализм — избрать Штрауса». В этой старинной церкви в стиле барокко исповедальня вполне современная, отделана под орех. Дежурит патер

Вильфрид. «Кто сомневается в Штраусе, должен ориентироваться на заявление епископов,— говорит он мне.— Пастырское послание — это компас, который указывает правильный путь накануне столь важных для нас выборов. Если же у вас появляются сомнения относительно определенных личностей, вспомните, что все земное несовершенно». И затем мне, сомневавшемуся, заявляет: «Молитесь, чтобы господь внушил вам силы, и в день выборов покоритесь воле божьей».

Вильсхофен-на-Дунае. Здесь Штраус во время одной из своих речей в великопостную среду сказал, как он относится к сомневающимся: «Мы спокойно воспринимаем критику, но не со стороны грязных и вонючих». Бородатый молодой капеллан Венделе, одетый в национальный костюм, исповедует меня в церкви Вильсхофена. Он говорит, что в отношении выборов ему посоветовать мне нечего. Но увещевает при этом: «Христианин, подумав, может найти верное решение».

Проезжаю еще 20 километров и в соборе Пассау исповедуюсь у его настоятеля Макса Турнрайтера, руководителя финансового управления епископата. То, что я не плачу государству налоги, его не трогает. Когда же я говорю, что не могу голосовать за Штрауса, он напоминает мне, что «убежденный христианин должен закрывать глаза на человеческие слабости, чтобы в конце концов разглядеть самое важное. На этих выборах речь идет не о личностях, а о мировоззрении». И настойчиво убеждает меня: «Вы должны принять верное, достойное христианина решение».

В кельнском соборе двое служителей в расшитом узорами красном одеянии преграждают группе японских туристов путь в исповедальни — «доступ только для исповедующихся». Во второй кабине слева несет службу священник Гофман. Христианин «должен избегать участия в организациях неверующих и голосовать за христианских кандидатов,— говорит он.— Может случиться, что и политики СДПГ и СвДП действуют из христианских побуждений, но на этих выборах личности отодвигаются на задний план. Задача состоит в том, чтобы не содействовать опасным тенденциям и занять ясную позицию в отношении двух противоборствующих мировоззрений». Выбор один: «При ХДС вам будет лучше, чем при других».

В соборе Бамберга, напротив статуи рыцаря, испо-

ведальня священника Арнульфа Гебхарда. Для него выборы — дата историческая. «Наша церковь опять в опасности — как во времена преследования христиан в Древнем Риме и в третьем рейхе». Поэтому христианин должен действовать в соответствии с девизом: «Лучше я умру, чем буду служить господа богу только наполовину» — и правильно поставить свой крестик на избирательном бюллетене. «Кто не проголосует за Штрауса, — предостерегает меня священник, — тому гореть в геенне огненной».

Франкфурт. Церковь св. Девы Марии расположена в центре города. Последняя в моем маршруте по исповедальням между Рурской областью и Северной Баварией. Путешествие заканчивается сюрпризом. Впервые обходится без предвыборной рекламы в пользу Штрауса, никаких угроз чистилищем. Патер Винценц не считает себя вправе как священнослужитель вмешиваться в политику. «В исповедальне я не могу заниматься предвыборной пропагандой. Какие предвыборные лозунги вам нравятся — это ваше дело. Исповедальня не для того, чтобы выступать в ней за или против Штрауса».

* * *

Дополнение. После того как репортаж о посещениях исповедальни был напечатан, католическая общественность применила испытанный прием для критики автора — «репортер, использующий методы гестапо» («Нойе бильдпост»); «Мефистофель под личиной четвертой власти» и «репортер сатаны» («Билефельдер тагеблат»). Сам репортаж был «публицистическим преступлением» («Рейнишер меркур»), «кощунственная исповедь» («Пассауэр бистумсблат»), «стряпня, враждебная церкви» («Байришер клерусфербанд») или более скромно — «богохульство» («Ординариатс-корреспондент»).

Вопроса о злоупотреблениях святым таинством исповеди в целях пропаганды официальная церковь не коснулась. Она перешла в наступление: «Герхард Кромшрёдер нарушил тайну исповеди», — говорится в одном из заявлений для печати, сделанном конференцией немецких епископов. Лишь один известный католик, Ганс Юнг, профессор теологии из Тюбингена,

высказался против предвыборной агитации, которой занимаются священники в исповедальнях. Он писал после опубликования репортажа Кромшрёдера: «Я считаю неприемлемым вмешательство церкви в предвыборную кампанию, продиктованное партийно-политическими соображениями, и ужасным — злоупотребление исповедальнями. Было бы хорошо, если б больше христиан и католиков выразили свой протест против такого рода употреблений исповеди во зло».

Конференция епископов — высший орган немецкого духовенства — в своем заявлении для печати решительно взяла под защиту священников, высказывания которых были процитированы в репортаже. Вместе с ними и патера Констанца из Альтеттинга, который угрожал Кромшрёдеру вечным проклятием, если он не проголосует за Штрауса.

В ходе дальнейших расследований выяснилось, что этот патер имеет опыт исцеления от неповиновения воле божией — в качестве назначенного церковью «экзорциста». Жертва патера капуцинов — дочь крестьянина Элизабет Мауэрбергер из верхнебаварской деревни Бургкирхен. Мюнхенский психиатр обнаружил у нее признаки истерии. Епископ Антониус Гофман в Пассау предписал «изгнать злых духов» из набожной девушки. Это поручение было дано патеру Констанцу Вольфгруберу, который публично осуществил ритуал изгнания дьявола перед публикой в базилике Альтеттинга (где исповедовал Кромшрёдера).

Истязатели связали крестьянку, повалили на холодный каменный пол церкви и отпустили ее лишь тогда, когда молодая женщина совсем обессилела, а патер Констанц изгнал из нее злого духа, принявшего облик Плутона.

Конференция епископов не отмежевалась ни от этого, ни от других своих проштраусовских священников, злоупотреблявших исповедаями. Вместо этого она потребовала от Немецкого совета прессы, который наблюдает за соблюдением норм поведения в журналистике, вынести Кромшрёдеру порицание. Обоснование церковной элиты: «При сборе сведений и материалов он (Кромшрёдер) применил нечестные методы и ущемил права личности названных по именам священников, осквернил религиозные чувства группы лиц».

Однако епископат не добился своего. В Совете прессы жалобу епископов отвергли как «необоснованную», не набралось необходимого большинства голосов. От имени журналистов, которые высказались против порицания Кромшрёдера, председатель Союза немецких журналистов Экарт Шпоо заявил: «Своим репортажем Кромшрёдер доказал, что священники злоупотребляют духовным воздействием на души людей, используют церковный авторитет в политических целях. В данном случае не была нарушена тайна исповеди, потому что оберегать следует исповедующегося, а не священника».

Решение Совета прессы вызвало скандал; издатель газеты «Гиссенер анцайгер» Ганс Вильгельми подал в отставку и вышел из Совета, потому что после принятия решения в пользу Кромшрёдера он, дескать, больше не считает гарантированным «уважение личностных ценностей и представлений о морали».

В отклонении жалобы д-р Вильгельм Вайер из Кёльна также увидел угрозу хорошему тону и констатировал «моральное падение немецкого Совета прессы». Д-р Вайер является управляющим Центра социальной этики и гигиены, который, находясь в тени кёльнского собора, занимается агитацией под патронатом главы немецкого духовенства кардинала Хефнера. В ходе широкой кампании клерикалов против Кромшрёдера и журнала «Штерн», опубликовавшего его репортаж, специалист по социальной гигиене д-р Вайер неизменно выступал в первых рядах: он заказал наклейки для автомашин с надписью: «"Штерн" исповедуется — "Штерн" на обочине пути"», агитировал в церковных общинах за бойкот журнала «Штерн», сам обратился с жалобой в Совет прессы. Его Союз по соблюдению нравов организовал сбор подписей и выпустил собственный бюллетень «Против оскорбительных высказываний журналиста Кромшрёдера».

У д-ра Вильгельма Вайера есть опыт ведения разъяснительной работы среди верующих. Раньше он командовал другим бодрым католическим войском — «фольксвартбундом», который был блюстителем морали № 1 в Германии. Эта организация рьяно боролась против сексуальной литературы, но никогда не выступала против восхваления войны в печатных изданиях. Главенствующую роль д-р Вайер играл также при

проведении акции «Порностоп» («Остановить порнографию») — вместе с праворадикальным адвокатом Манфредом Редером, которого католическая газета «Нойе бильдпост» именovala «революционером, не желающим безучастно смотреть на то, как его страна катится к такому положению, которое он не может допустить как христианин, отец семейства и гражданин». В январе 1982 года бывший член ХДС Редер предстал в Штутгарте перед судом как предводитель правой террористической группы. Обвинение против сподвижника д-ра Вайера гласило: создание неонацистского террористического объединения, которое организовало ряд взрывов бомб и два убийства (см. дополнение к главе «Ку-клукс-клан в Западной Германии»).

«Экзорцист»

«Бог в помощь, святой отец, мы пришли издалека. Наши имена — Николаус Юнгвирт и Герхард Кромшрёдер». Это пространное приветствие, которое мы заранее отработали, должно было, по нашим расчетам, способствовать установлению душевной атмосферы. Однако тот, к кому мы обратились, патер Арнольд Ренц, священник прихода Шиппах в Шпессарте и настоятель тамошнего монастыря «Общества Спасителя нашего», сальваторианского, как его называют, лишь одарил нас холодным взглядом.

Мы долго искали сальваторианского патера. В монастыре дверь захлопнули у нас перед носом. В приходской церкви патера тоже не удалось разыскать. Целыми днями куда мы только не звонили, патер словно в воду канул. Руководители ордена запретили ему вступать в контакты с кем бы то ни было, а официальные учреждения отказывались связать нас с ним. Заговор молчания церковной бюрократии был продуман до мелочей. И все же мы разыскивали Арнольда Ренца.

* От лат. *exorcista* — изгоняющий бесов.

Так, стало быть, этот человек с ханжески-кротким выражением лица и прилизанными волосами и есть тот самый «клингенбергский священник, изгоняющий бесов»? Он самый во плоти и крови. В Клингенберге он столь успешно изгнал лукавого из души девушки-эпилептики, что та отдала богу душу.

Километров за триста южнее от того места, где разыгралась трагедия, в деревушке Хильтенсвейлер (1 церковь, 2 пивных, 18 домов), мы нашли крестьянский двор семьи Ренц, где прятался новоявленный «экзорцист». По пути на юг мы попытались восстановить по памяти «клингенбергское дело». Проживавшая здесь студентка теологического факультета Аннелиза Михель длительное время страдала припадками, которые сопровождались судорогами мышц. Врачи поставили диагноз: эпилепсия. Но набожные родители не позаботились о лечении, доступном современной медицине, они пригласили к себе иезуитского патера Родевика из Франкфурта-на-Майне. Этот «эксперт по изгнанию бесов» и консультант франкфуртской епархии констатировал, что в девушку «вселился дьявол». «Такие заболевания лечат не врачи, а священники». Ознакомившись с «бесовским диагнозом» патера Родевика, епископ Вюрцбургский Штангль назначил двадцатитрехлетней Аннелизе Михель соответствующий «курс лечения» — изгнание беса по ритуалу «Великого Экзорцизма».

Изгнать нечистого было поручено патеру Ренцу. он тут же взялся за дело. Его инструментарий: чаша со святой водой, распятие, епитрахиль, трехсотлетней давности ритуальная книга, фотоаппарат и магнитофон. «Экзорцист» быстро установил, что девичью душу смущают не только Люцифер и Иуда-искариот. Туда заглядывали, оказывается, Каин и Нерон, и Адольф Гитлер, беспрестанно выкрикивавший «хайль! хайль! хайль!», и бес помельче — некий патер Флейшман, который в XVII веке соблазнил, а потом убил невинную девуцу.

«Во имя агнца непорочного, поправшего гадюк и выдр копытцами своими, содрогнись и изыди, змей никчемный!» — бормотал себе под нос патер Ренц. Патер Альт, ассистировавший в этом эксперименте, присовокуплял: «Заклинаю тебя, старый змей, соблазнитель коварный, лживый и ужасающий». За десять

«Сатана гнездится повсюду!» Патер Ренц — «экзорцист», изгоняющий бесов, беседует со своим гостем Герхардом Кромшрёдером в усадьбе Ренцов в Хильгенсвейлере.

«Ее труп не истлеет!» Полтора года спустя после смерти девушки «экзорцист» патер Ренц настоял на эксгумации.

23-летняя Аннелиза Михель во время очередного сеанса изгнания беса. Фото патера Ренца.

Аннелиза Михель. Вместо того, чтобы лечить девушку от эпилепсии, из «души ее изгоняли бесов».

Синяки под глазами после сеанса: «Гитлер» и «Нерон» изгнаны из души одержимой.

Родители «укрощают» дочь. Одна из последних фотографий девушки.

месяцев ожесточенной борьбы с нечистым бесы все до единого покинули душу Аннелизы. Но весила она к тому времени всего тридцать килограммов. На утро после заключительного — семьдесят третьего по счету — «экзорцистского сеанса», девушка, превратившаяся в живой скелет, умерла от постоянной жажды и недоедания. Она более всего нуждалась в медицинской помощи. Средневековые заклятья, конечно, не могли ей помочь.

Патера Ренца, которого мы, наконец, разыскали, все это, как видно, ничуть не смущает. «Что касается клингенбергского дела, то мне не в чем себя упрекнуть», — начинает он по собственной инициативе, хотя мы его об этом еще и не спрашивали. Он все еще стоит в дверях отчего дома — усадьбы на берегу Боденского озера — и, не отрываясь, скептически смотрит на нас. «Сообщать же какие-либо подробности об этом деле мне запрещено», — заканчивает он. Мы говорим в ответ, что пришли совсем по другому делу. Брат священника Иоган протопал между тем по двору в зеленых резиновых сапогах, не обращая на нас ни малейшего внимания, и, гремя ведрами, скрылся за дверьми коровника.

«Так что же вам, собственно говоря, угодно?» — все еще сухоато спрашивает патер. Мы сбивчиво выкладываем заранее подготовленные тезисы, которые, по нашим расчетам, должны были бы сломать лед: «Ах, тут такое дело, знаете, мы живем во Франкфурте. Ужасный город; знаете... Вот уж где Христа забыли...»

Говорим мы и о политических тенденциях: «Да и правительство наше... Какие же это христиане? Социализм расползается по стране... А по телевидению что передают? Все это порнография, нагишом танцуют, стыдно смотреть... Вот и спрашиваешь себя, в чем тут причина? Как распознать зло в мире?» Здесь мы переходим к цели нашего визита: «Мы тут с группой сослуживцев составили один документ. Обращение. Они и говорят нам: поезжайте к патеру Ренцу, посоветуйтесь с ним. Может быть, вы взглянули бы и сказали, правильно ли там все написано?»

Этого оказалось достаточно для священника, привыкшего иметь дело с людьми растерянными, смятенными. Он ласково улыбнулся, ни дать ни взять патер

с рекламного плаката, вещающий об олицетворении добра в нашей матери-церкви, и впустил нас в дом. Мы приближались к цели. А интересовало нас вот что: если возможны такие истории, как в Клингенберге, где в результате мракобесия погибла молодая женщина, а священники, изгонявшие из нее беса, остались безнаказанными, чего ждать дальше? Человека умертвили ради нерушимости догмы. Предается ли анафеме и правящее сословие, коль скоро оно не соответствует представлениям этакого вот «экзорциста»? Не переносит ли он собственные, вытесненные в подсознание представления на других людей, а то и группы людей, клеймя их как исчадия ада?

У нас уже давно привыкли к диким — порой их иначе не назовешь — заявлениям католической церкви, отмахиваются от них: дешевый балаган, не принимайте всерьез... Взять хотя бы кардинала Хэфнера, архиепископа Кёльнского, по чьим словам, «католическая теология по-прежнему исходит из физического существования дьявола и адских сил». Балаган? Но, с другой стороны, разве вся католическая иерархия — папа римский, кёльнский архиепископ, епископ Штангль в Вюрцбурге и патер Ренц — «экзорцист» из Клингенберга — не оказывает влияния, и значительного, на индивидуальное поведение миллионов граждан Федеративной республики, а стало быть, и на их политическое волеизъявление? Не сваливают ли на нечистого с рогами и хвостом все вопросы, которые церковь объявляет запретными? Не считает ли католическая церковь — сила консервативная по своей природе, «дьявольским искушением» все то, что не угодно ее неколебимой иерархии?

Наш визит к патеру Ренцу преследует конкретную цель: мы хотим выяснить, как этот специалист по борьбе с дьяволом, уполномоченный на то своим епископом, обращается с маленькими, духовно не раскрепощенными людьми, которые под бременем собственного невежества ищут у него ответа на политические вопросы. Для этого нам и пришлось изменить облик. Ставить критические вопросы таким простакам не по чину: сейчас мы словно овцы, сгрудившиеся вокруг своего пастыря.

Беседуя в гостинной усадьбы Ренцов с «экспертом по дьяволу», мы поняли, как пригодилось нам знание

гессенского и богемского диалектов, в которых мы без устали совершенствовались, шагая по сельским дорогам до самого Хильтенсвейлера. С виду мы выглядим как будто бы достаточно правдоподобно: национальный костюм — штаны по колено с лямками, домотканые куртки без отворотов и дорожные посохи основательно изменили внешний вид. Наше отработанное косноязычие производит здесь должный эффект и вполне гармонирует с домом швабского крестьянина. Деревянная скамья углом, печь, облицованная зеленым кафелем, распятие, лампада, а на шкафу копилка в виде головы мавра — для пожертвований миссионерам, обращающим в христианскую веру малолетних язычников. (На копилке надпись: «Господь воздаст».)

Интерьер дома такой же, казалось бы, традиционно неизменный и обманчиво безмятежный, как и здешние пейзажи, на которые мы насмотрелись по дороге, — словно из книжки с картинками.

Запинаясь, мы рассказываем, как живем и работаем в далеком Франкфурте. Начинаем с явного подхалимажа, чтобы расположить к себе «экзорциста» («Мы видели вас по телевизору. Вы ведь такой человек — не побоялись нечистого его сатанинским именем назвать!») потом завязывается разговор о бедах нынешних отчаявшихся рядовых католиков. Жалуемся на смятение умов в больших городах: «А как, по-вашему, не угнезвился ли во Франкфурте нечистый, который все ниспровергнуть хочет?» Политическое развитие в стране сбивает нас с толку: «Чего только наши политики не говорят! Разве есть на то воля божья?»

И наконец, решаемся высказать страшную догадку: «А, может, дьявол угнезвился в Бонне?»

Патер Ренц пока еще не пускается на откровенности, но подтверждает решительно: «Да, политики вполне могут быть орудием дьявола. Дьявол гнездится повсюду!» Мы передаем ему «воззвание», подписанное якобы «нами и нашими сослуживцами по фирме», — «документ», в котором борьба за осуществление основных прав человека и социальный прогресс, требования соучастия рабочих и служащих в управлении предприятиями и эмансипации женщин предаются анафеме как сатанинское искушение. Тут уж патер заговорил напрямую.

Внимательно изучив наш текст, святой отец, сведущий в адской проблематике, с радостью изъявил готовность поставить свои профессиональные знания на службу доброму делу, дав нам урок «политического экзорцизма».

С той же добросовестностью, с какой он изгонял добрых полдюжины бесов, вселившихся в душу Аннелизы Михель, патер принялся теперь изгонять нечистую силу, о которой шла речь в нашем «документе». Мы вместе разбирали его пункт за пунктом.

Наш наставник по экзорцизму смотрел оригинал, а мы под его диктовку делали пометки на копии. Когда мы не успевали записывать, патер Ренц терпеливо ждал, предоставляя нам возможность с предельной точностью воспроизвести его слова. Он диктовал нам формулировки, предлагал внести те или иные изменения, подкреплял антидемократические тезисы «документа» подходящими цитатами из Библии, а в тех местах, где наш текст был, по его мнению, слишком мягким, сам «ужесточал» его.

Просветившись таким вот образом, мы, набожные католики, беспрекословно признающие авторитет матери-церкви, обратились к нему под конец с еще одной просьбой: мы хотели бы сфотографировать его на память, а то нам, дескать, и не поверят, что мы вообще у него побывали.

Здесь «экзорцист», к нашему вящему удивлению, обнаружил самые что ни на есть мирские познания. Он недурно разбирался в фотооптике. «Какую выдержку вы поставили?» — спросил он. «1/60 при диафрагме 2,8», — ответил я. «Пойдет!» — подтвердил «экзорцист». Патер Ренц знает, о чем говорит: он заядлый фотолюбитель.

Аннелиза Михель была одной из его излюбленных фотомоделей. На сеансах по изгнанию дьявола было что заснять. Например, как Аннелиза пробила стеклянную дверь или билась головой о стену. Ее распухшее лицо, все в синяках и подтеках. Все это патер отснял на цветную пленку. Снова она, страшно исхудавшая, снятая сразу же после нечеловеческого напряжения сил: ее заставляли делать по шестьсот приседаний в день. А вот Аннелиза, привязанная к кровати, вот снимок, на котором родители общими силами пригибают ее к полу — отец заламывает

ей руку за спину, а мать сдавливает ладонями шею.

Сфотографировавшись с Ренцом у дверей его дома, мы уходим. Прощаясь, он совсем растаял. «Нечистый существует во плоти,— сказал он нам,— иначе как бы мы смогли изгнать всех бесов из Аннелизы?» И добавил: «В любой момент я снова сделал бы все то, что делал с Аннелизой».

* * *

По следам напечатанного. Почти два года спустя, после того как Аннелизу Михель молитвами вогнали в гроб, суд вынес приговоры совершившим это преступление: «экзорцист» патер Ренц, его помощник — священник Альт и родители девушки — Йозеф Михель и жена его Анна присуждены к шести месяцам лишения свободы каждый за непреднамеренное убийство, явившееся следствием отказа в медицинской помощи. Отсиживать им не пришлось — приговор был вынесен условно с трехлетним испытательным сроком. Иезуитскому патеру Родевику, рекомендовавшему изгнать беса из больной девушки, и епископу Штанглю, распорядившемуся это сделать, никаких обвинений предъявлено не было.

Незадолго до этого родители Аннелизы по совету патера Ренца потребовали эксгумировать тело покойной — в ожидании чуда. Некую кармелитскую монахиню где-то в южной Германии осенило божественное откровение, что тело не тронута тлением. Однако при эксгумации было установлено, что останки покойной, по словам владельца местного похоронного бюро, «выглядели так, как им и положено выглядеть в подобных случаях».

Тем временем родители Аннелизы и патер Ренц возглавили секту, набожные члены которой считают смерть девушки «мистическим откровением» и почитают ее как великомученицу и новую святую. Могила ее стала местом паломничества консервативных католиков; число паломников составило уже несколько тысяч. Они приезжают сюда из Верхней Швабии и из Эльзаса вымаливать искупление греха у всевышнего в его беспредельном милосердии: «Искупительная жертва рабы твоей Аннелизы да послужит спасению духовенства, молодежи и нашего немецкого отечества».

Столетний юбилей, или как война «облагораживает» людей

Поучительный немецкий спектакль в девяти картинах

Пролог

«Наши герои были людьми несгибаемой воли, доблестными воинами, обладавшими высоким чувством ответственности, которое вообще свойственно немецкому солдату. Долгие дни, недели и годы они в нечеловеческом напряжении шли дорогами войны, подвергались тяжелейшим физическим и моральным испытаниям. Смерть на поле боя ждала их в конце пути. Память о героях не умрет в наших сердцах».

(Из «Книги воспоминаний о швабских героях. Город Вейнгартен в мировой войне»)

Картина первая

Диктатор способствует подъему конъюнктуры. Место и время действия: город Вейнгартен в Вюртемберге, в годы 1868, 1918, 1933 и в период «второй немецкой республики» — ФРГ — от ее основания до наших дней.

Витрины Вейнгартена — «старой епископальной резиденции в сердце Верхней Швабии», — как пишут туристские проспекты, в эту субботу украшены старыми прусскими касками с шишаками, стальными шлемами и портретом фельдмаршала Роммеля — уроженца Швабии. Все готово к празднованию столетнего юбилея Вейнгартена как гарнизонного города.

Деловые люди Вейнгартена знают, чем они обязаны солдатам. Они особенно высоко ценят и уважают военных. В юбилейной брошюре, изданной городским магистратом, названы причины этого традиционного преклонения.

«Размещенный в Вейнгартене полк оживил экономику города. Только за период с 1871 по 1897 год в городе было открыто 20 новых погребков и пивных.

Размещение гарнизона пошло на пользу также продовольственной и швейной отраслям. В 1918 году хозяйству Вейнгартена был нанесен тяжелый удар, от которого оно долго не могло оправиться. Неблагоприятный для Германии исход первой мировой войны стал бедствием для нашего города, поскольку он лишился своего гарнизона — 2000 дополнительных потребителей».

Но в третьем рейхе дело опять пошло на подъем. В упомянутой брошюре содержатся следующие пояснения на этот счет: «После прихода Гитлера к власти в 1933 году началось крупномасштабное дорожное строительство. Германия вновь стала вооружаться. Связанный с этим подъем конъюнктуры явился мощным импульсом для предприятий Вейнгартена».

И ныне под властью Федерального правительства ФРГ в Вейнгартене начался период нового подъема. Оно и понятно: в этом швабском провинциальном городке наряду с французской воинской частью вновь размещен немецкий гарнизон — «солдаты нашего нового вермахта», как выразился бургомистр Вейнгартена Рихард Майер. «Все население города бурно приветствовало прибывших на постой солдат бундесвера», — писал Адальберт Нагель, местный бенедиктинский патер. Так вот и начался новый подъем конъюнктуры. Как сто лет тому назад. И как в 1933 году.

Картина вторая

Как косить пулеметным огнем англичан и монголов. Место и время действия: Вейнгартен в годы «второй немецкой республики». Западный фронт, 1914—1918 годы; Восточный фронт, 1939—1945 годы.

Праздник гарнизона бундесвера в Вейнгартене длился два дня. В нем приняли участие несколько сот старых вояк, в свое время служивших в местном гарнизоне. Это прежде всего ветераны первой мировой войны, служившие некогда в «124-м (6 Вюртембергском) Его Величества короля Вильгельма Первого полку». В брошюре «Воинские части вейнгартенского гарнизона», также выпущенной городским магистратом, говорится, что «одной из кульминаций в истории

124-го полка было участие его воинов в битве под Аррасом в первую мировую войну».

«Особо отличились воины полка, державшие там оборону; они забрасывали атакующего противника ручными гранатами, выкашивали пулеметным огнем наступавшие английские цепи». По данным официальной «Истории городского гарнизона», в 1918 году 124-й полк был расформирован и как вся германская армия — залог нашего могущества и чести — похоронен заживо...» После первой мировой войны в вейнгартенских казармах время от времени размещались полицейские подразделения и части рейхсвера — до 1937 года, когда в них был расквартирован 14-й пехотный полк. В юбилейных празднествах, разумеется, приняли участие и бывшие солдаты этого полка. В «Истории 14-го штурмового пехотного полка» подробно описано его участие в «великой битве за судьбы Германии в 1939—1945 годах». «Вступая на территорию Советского Союза, солдаты и офицеры 14-го полка лишь смутно предчувствовали, что им предстоит столкнуться с явлением, для них еще неизвестным, порожденным бескрайними азиатскими степями».

О, они знали, что «на нас, немцев, от века возложена задача отражать натиск Востока». «Пусть лучше неотвратимое произойдет сейчас, чем спустя десять лет! Пока мы еще сильнее. Мысли обращались к прошлому: от Чингисхана к Наполеону; от битвы на полях Каталунских до битвы на берегах Березины. Призваны ли мы противостоять надвигающемуся из Азии урагану?»

В Советском Союзе немецкие солдаты «рассеивали монгольские орды, смотрели в отталкивающие лица азиатских кочевников».

«Монгольское «урраа» не утратило солдат 14-го полка на полях сражений второй мировой войны». «Вражеские орды волнами защитного цвета (возможно, это и были советские солдаты.— Прим. автора.) вновь и вновь захлестывали» неустранимых воинов 14-го полка.

«Они выплескивались из балок и оврагов, низвергались со склонов высот, накатывались с опушек выжженных лесов. Их встречали массированным артиллерийским огнем, а уцелевших косили, как траву, смертоносные пулеметные очереди».

Ветераны 124-го и 14-го полков, столь безупречно владевшие своим боевым ремеслом и знавшие, как надо расправляться соответственно с англичанами и монголами, собрались, чтобы отпраздновать вместе с молодыми солдатами бундесвера воинское торжество — столетний юбилей гарнизона Вейнгартена. Предстоял оживленный обмен опытом между солдатами различных поколений.

Картина третья

Г-н статс-секретарь держит речь перед солдатами. Место и время действия: Городской зал собраний в Вейнгартене, суббота, 18 часов. «Товарищеская встреча воинских частей. Приветственная речь». (Из праздничной программы городской управы.)

Зал собраний битком набит. Почетные гости разместились за большим столом слева от сцены. В левой части зала сидят ветераны 124-го полка, справа от прохода — бывшие чины стоявших в городе полицейских подразделений и резервного батальона 30/34/14, а также ветераны 14-го полка.

Ветеранов потчуют даровым пивом. Городская капелла «Фанфары вельфов» выстраивается на сцене на фоне шести старых боевых знамен. Бургомистр Майер приветствует собравшихся и предоставляет слово статс-секретарю боннского министерства обороны.

Г-н статс-секретарь называет «Союз ветеранов 124-го и 14-го полков», издавший упомянутую во второй картине книгу, «образцовым» и характеризует его как «связующее звено» между гражданами и солдатами, живущими бок о бок здесь, в Верхней Швабии, — в районах, примыкающих к Боденскому озеру. Он призывает «провести различие между традиционными ценностями и всем тем, что изжило себя и никакой ценности более не представляет». По его словам, «в процессе сохранения и приумножения воинских традиций подлинно непреходящее наследие должно обрести свое прочное место и в нынешнем изменившемся мире». Под бурные аплодисменты бывших военнослужащих вермахта и солдат бундесвера боннский

статс-секретарь приветствует как «носителя подлинных боевых традиций» присутствующего на празднестве бывшего обер-фельдфебеля 14-го штурмового пехотного полка Шрейбера, которому Гитлер некогда лично вручил в своей ставке Рыцарский крест с дубовыми листьями за «боевые заслуги на Восточном фронте».

**Картина
четвертая**

Солдаты присягают на верность Богу, Закону и Отечеству. Место и время действия: городской стадион Вейнгартена, суббота, 20 часов 30 минут. «Немецкие новобранцы приводятся к присяге. Присяга французских новобранцев из 5-го гусарского полка. Вынос боевых штандартов. Вечерняя поверка с торжественным построением». (Из программы праздника.)

«По старому доброму воинскому обычаю, молодые солдаты присягают на верность Богу, Закону и Отечеству в торжественной обстановке», — сказал в своей речи начальник местного гарнизона подполковник Грэтер, командир отдельного 795-го батальона связи. Его французский коллега полковник Перрэн, начальник французского гарнизона в Вейнгартене, обращаясь к новобранцам, приводимым к присяге в 5-м гусарском полку, упомянул о том, что «солдаты этого полка кровью начертали на его боевом знамени летопись своих побед».

Представление, проходящее при свете факелов на городском стадионе Вейнгартена, завершается торжественным построением на вечернюю поверку. «На молитву, каски долой!» — звучит приказ.

Итак, молодые «граждане в военной форме» приняты в единую солдатскую семью. На переполненной трибуне для зрителей рядом со мной — две офицерские вдовы: из их разговора узнаю, что мужья их погибли на войне. Одна из них рассказывает своей знакомой, что ее сын в свои тридцать пять лет уже майор, командует батальоном в бундесвере. «Как жаль, что покойный муж не видит его, — он так гордился бы нашим мальчиком».

Какой-то молодой человек, перемахнув через перила трибуны, бежит по стадиону к солдатскому строю, размахивая транспарантом. Я не могу отсюда разобрать, что на нем написано. Трое фельдъегерей* хватают его, выкручивают руки, разрывают транспарант, уводят. Разговорчивая офицерская вдова комментирует происходящее: «Смутьян долгогривый! С ними нечего церемониться! Таких мой покойный муж без долгих разговоров к стенке бы поставил — как партизан в Харькове!»

Картина пятая

Эстафета поколений: старшие передают молодежи свой опыт. Место и время действия: пивные в Вейнгартене, ночь с субботы на воскресенье. «Ветераны собираются в своих традиционных местах встреч». (Из праздничной программы.) Солдаты бундесвера распределяются по пивным.

Ветераны первой мировой войны 124-го пехотного полка собираются в «Монастырской пивоварне — у Кёпфа», что на Сант-Лонгинусштрассе. На встречах старых «камрадов» за пивом только и разговору что о политике, хотя «Морской заяц» — бюллетень ветеранов 124-го и 14-го полков — писал в своем последнем выпуске, что бывшие солдаты не желают принимать участие «в межпартийной грызне». «Мы и по сей день — солдаты, принципиальные и дисциплинированные, именно поэтому для политики мы не годимся».

Старый вояка — участник первой мировой войны, служивший потом и в рейхсвере, и в гитлеровском вермахте, вспоминает в порядке обмена опытом, как разгоняли митинги протеста против возрождения антидемократических сил еще 22 июня 1920 года в Вейнгартене и Равенсбурге, где батальон «восстанавливал необходимый порядок и законность». «Выступили мы из Вейнгартенских казарм. Местные смутьяны горланили нам вслед: «Собаки кровавые! Подручные Носке!

* В бундесвере фельдъегерская служба выполняет и функции военной полиции.

Братоубийцы!» Здесь в Вейнгартене и в Равенсбурге радикалы тогда много чего погромили. Ну, мы с ними разделались. При разгоне одной только демонстрации в Равенсбурге один из радикалов был убит, а 18—20 тяжело ранены». Отхлебнув пива, старец продолжает: «Это — хороший пример и для нашего нового вермахта! Тогда и уличных беспорядков не будет, и прочих таких вещей». Ефрейтор бундесвера, сидящий напротив за тем же столом, одобрительно кивает: «Так и предусмотрено! Если начнется заваруха, мы, конечно, будем бить разных там забастовщиков, тех, кто работать не хочет, и левых саботажников».

Ветераны 14-го пехотного полка — участники второй мировой войны проводят встречи в нескольких пивных: в «Городской», в «Олене», в «Корнхаузе» и в «Стрелке». И здесь наперебой вспоминают о былых временах.

Празднества в пивных затянулись далеко за полночь. Около двух часов ночи группа примерно человек в десять — немолодые штатские и три солдата бундесвера, взявшись под руки, бредут по городу, горланя песню: «Германия, Германия превыше всего!» Все строфы, одна за другой, кроме третьей*.

Картина шестая.

«Война — розга в руках божьих». Место и время действия: барочный католический собор в Вейнгартене, воскресенье, 8 часов 30 минут. Воинское богослужение (построение «на молитву»).

Мессу служит настоятель собора прелат Хуфнагель из ротенбургской епархии — солдат в первую мировую войну, военный священник — во вторую. В своей проповеди он говорит, что «праздник старых солдат не может начинаться иначе, как с имени божьего». Он почтил далее память погибших в двух мировых войнах, свято «веривших, что отдают свою жизнь за отечество». В своей молитве его преподобие просит всевыш-

* Третья строфа этой песни является текстом государственного гимна ФРГ.

него вознаградить солдат — уроженцев Вейнгартена, погибших за свой народ и отечество, «вечной жизнью, которая да будет для них победным трофеем». Городское духовенство всегда чувствовало себя обязанным своим воинам. Так, еще в 1914 году солдаты уходили из Вейнгартена на фронт «после возвышающей душу полевой обедни, которую отслужили гарнизонные священники обоих вероисповеданий», — повествует история городского гарнизона. Городской священник Карл Пфаф душой был со своими воинами. «В годы войны — с 1914 по 1918 — он оставался на своем посту гарнизонного священника. Сердце его обливалось кровью, когда вместе с крушением рейха прервалась и история местного гарнизона», — писал о нем патер Пауль Шнайдер из бенедиктинского монастыря в Вейнгартене.

Отношения между церковью и воинством и по сей день самые сердечные. «Церковный вестник католической паствы приходов святого Мартина и святой Марии в городе Вейнгартене» в своем последнем номере выразил надежду, что в «городском гарнизоне и впредь будут нести службу люди, олицетворяющие воинский дух; тогда, уповая на Господа, мы сможем быть спокойны за наше будущее и за прочность богоугодного порядка». По мнению вейнгартенского «Церковного вестника», Евангелие не содержит однозначного и абсолютного осуждения войны. Более того, «Евангелие и отцы церкви не оставили сомнений в том, что войны как средство сурового воспитания народов в руцех божьих будут и ныне, и присно, и вовеки веков сотрясать человечество».

Укрепившись в своей вере на богослужении настоятеля Хуфнагеля, штатские и военные покидают дом божий, на портале которого выбита надпись: «Приют Отечества».

Картина седьмая.

Г-н генерал читит память погибших. Место и время действия: памятник погибшим солдатам у стены Вейнгартенского собора, воскресенье, 9 часов 40 минут. «Торжественное поминовение погибших в двух мировых войнах. Возложение венка генерал-лей-

тенантом в отставке Бочем, проживающем ныне в городе Швэбиш-Гмюнд» (Из праздничной программы.)

Играет военный оркестр. В почетном карауле у памятника солдаты бундесвера с винтовками на плечо. Г-н генерал взбирается на трубуну, чтобы почтить память погибших, «защищавших свои родные очаги». «На вторую мировую войну,— говорит он,— шли не с таким воодушевлением, как на первую, ибо это была война несправедливая, но каждый из нас, солдат, лишь выполнял свой долг». «Смерть за родину,— продолжает оратор,— конечно, не прекрасна, но, во всяком случае, всегда почетна. Да, почетна — от этого мы, солдаты, не отречемся никогда».

**Картина
восьмая.**

Чтят память погибшего генерала. Место и время действия: дом № 16 по Кирхштрассе, воскресенье, 10.15. Открытие мемориальной доски в честь генерал-фельдмаршала Роммеля.

У мемориальной доски, еще завешенной полотнищем, стоят почетные гости: начальники западногерманского и французского городских гарнизонов, бургомистр города Рихард Майер, настоятель собора Хуфнагель и сын покойного — Манфред Роммель, приехавший, из Штутгарта. «Городские стражники» и «городские всадники» — члены традиционных союзов Вейнгартена, облаченные в старинные мундиры, в конном строю подъезжают к дому по улице, ведущей от собора.

Бургомистр говорит в своей речи, что мемориальная доска «установлена в память о человеке, совершившем славные боевые подвиги» и жившем некоторое время в этом доме — еще до первой мировой войны. Слово предоставляется «одному из соратников Роммеля», бывшему подполковнику, а ныне чиновнику лесничества, некоему Отто Бирку из города Нагольда. Оратор говорит, что талант Роммеля расцвел на войне; «война облагородила его, война была его стихией».

**Картина
девятая
и последняя.**

Нахлынули воспоминания... Место и время действия: Аргонские казармы в Вейнгартене, воскресенье, 10.30. «Встреча ветеранов за утренней чаркой», осмотр казарм, демонстрация боевой техники, солдатский обед у полевой кухни; 12.30—«День открытых дверей».

Как писала местная «Швэбише цайтунг», «в казарме гости могли отведать солдатскую еду — горох с салом, по полторы марки за порцию». «Ветераны 14-го пехотного полка, расквартированного в Аргонских казармах до начала второй мировой войны, отобедали в солдатской столовой. Полковой командир дал затем в их честь прием с шампанским, коктейлями и бутербродами. Самым маленьким гостям показывали мультипликационные фильмы, детям постарше — демонстрировали боевую технику и снаряжение. На стрельбище всем была предоставлена возможность опробовать оружие.

Два бывших фронтовика с интересом разглядывают новую боевую технику бундесвера. «Гляди!— вдруг восклицает один из них.— Да это же наш старый "МГ-42"». Он ложится за пулемет и привычными движениями изготавливает его к бою. «Да,— говорит он своему спутнику,— с этими самыми пулеметами давали мы тогда иванам прикурить! Вот уж не думал, что они и в бундесвере до сих пор остались! Все как было!»

Неужели и впрямь «все как было?»

Эпилог

«Войны причинили много страданий, но нашему городу еще посчастливилось. Никто не лишился крова. Мы живем в благословенном краю, хозяйство наше процветает, всем хватает на жизнь». (Бургомистр Вейнгартена Рихард Майер).

Кто куда, а я в бункер

Итак, я полноправный член официально зарегистрированного союза гражданской инициативы «Самозащита от атомной смерти». Мой членский номер — 557. Федеральный председатель этого союза Иоханнес Хаммер заверил меня, что отныне я принадлежу к «избранному кругу тех, кто не в пример миллионам других западных немцев переживет атомное нападение».

Немногочисленные обладатели личного противоатомного убежища — бункера — лишь с величайшей неохотой пускают посторонних в свою бетонную обитель. «Если будете сами строить — держите все в тайне от соседей, — предостерег меня Хаммер, — а то не успеют атомную тревогу объявить, как они ринутся в бункер, построенный на ваши трудовые денежки. Не собираетесь же вы жертвовать своим капиталом ради спасения чужих людей!»

Мой путь в «сообщество единомышленников, вступающих за частные противоатомные убежища» (как охарактеризовал его Хаммер) начался в Брауншвейге на передвижной выставке «Строительство и использование убежищ», организованной Федеральным союзом самозащиты (ФСС). «Атомная война не так уж страшна, — поведал мне седовласый господин Лерхе из ФСС. — Вот, например, представьте себе, яблоки у вас в саду подверглись радиоактивному облучению. Съели бы вы такое яблочко?»

«Боже упаси», — ужасаюсь я. «А вот и ошиблись, — поучающе продолжает Лерхе. — Вы выходите из дома в своем защитном костюме, предохраняющем от радиоактивного облучения, а также от воздействия бактериологического и химического оружия, срываете яблоко, моете его обычной водой из-под крана и после этого ешьте на здоровье! Вот видите, просто надо знать, что такое радиоактивность, тогда и бояться нечего!»

Чтобы выжить в атомной войне, мне, по совету господина Лерхе, надо перво-наперво потратиться на упомянутый защитный костюм, состоящий из черного противогАЗа, желтой штормовки с пластиковым покрытием, таких же штанов, желтых сапог и красных рези-

новых перчаток. «Такой костюм вы сможете приобрести у фирмы «Герхард Копп» в Пфеефинге под Тюбингеном, как и все прочее, что вам понадобится, чтобы уцелеть».

Герхард Копп, столяр по профессии, основал в 1979 г. собственное дело, объявив себя «консультантом по убежищам». «Международные политические кризисы сильно подогрели конъюнктуру в этой отрасли», — сообщает Копп, типичный шваб сорока девяти лет от роду.

У немцев вряд ли есть шансы уцелеть в атомной войне. Из ста западногерманских граждан лишь трое могут рассчитывать на место в противоатомном убежище общего пользования. Страх перед атомной смертью — теперь первоклассный бизнес. Растет число домовладельцев, строящих себе индивидуальную бетонную крепость.

«Я построил уже 80 частных бункеров, — с гордостью сообщил мне Копп. — В ближайшее время сдам еще 50. Строю на все вкусы — от малогабаритного на одну семью до обширного убежища для целого конного завода на Неккаре».

Копп невысокого мнения о смахивающих на огромный нефтебак «шаровидных бункерах», которые поставляются «под ключ». Припрут этакое чудище на тяжелом грузовике с платформой, закопают его в землю, и все в округе знают: ясно, мол, сосед себе противоатомный бункер наладил! Копп предпочитает строить по старинке: здесь же на месте, из бетона и стали. «Это меньше бросается в глаза, особенно в районах новостроек, где и так все перекопано».

У Коппа, конечно же, есть собственный бункер, построенный два года тому назад. По винтовой лестнице спускаемся в убежище. Хозяин открывает герметические двери с двойными засовами. «Противопожарные и газонепроницаемые», — поясняет он. За дверями — своего рода «входной шлюз». «Здесь наш «нз»: вода в пластиковых бочонках, сухие хлебцы, консервы — недели на две хватит с избытком».

Следующая герметическая дверь ведет в «салон и спальню» площадью в девять квадратных метров. Герхард Копп довольно постукивает по стене: «50-сантиметровые бетонные плиты. Кое-что могут выдержать!» Пол устлан фабричным ковром под персид-

ский. Стол, четыре стула, справа и слева двухъярусные нары. В стене углубление — кухонная плита со спиртовкой, «сухой» химический клозет, рядом — вентиляционная арматура.

«При тревоге убежище герметизируется,— объясняет он,— воздух засасывается снаружи, проходит через систему фильтров, в том числе и через специальное примыкающее к салону помещение, в которое закачали полторы тонны песка. Воздух даже в случае радиоактивного заражения полностью очищается от всех мыслимых примесей.

— А если откажет генератор, ведь воздушный насос выйдет из строя?

— На этот случай есть аварийный агрегат!

— А если и он выйдет из строя?

— Тогда перейдем на вентиляцию с ручным приводом — видите вон ту ручку? Придется попотеть, конечно, хотя это неплохая трудотерапия для находящихся в убежище! Работать будем группами: одна ручку крутит, другая отдыхает, третья спит».

В углу сервант, на нем транзисторный приемник (для приема сообщений в дни катастрофы), счетчик Гейгера и свернутый в скатку защитный костюм. «В случае ядерного удара проведем жеребьевку: кому выбираться из убежища со счетчиком Гейгера для определения степени заражения местности». Запасной выход — лаз, по которому можно доползти до специального люка, ведущего наружу — прямо в огород, где пока что буйно разросся кочанный салат.

Фирма предприимчивого шваба поставляет своим клиентам — «дорогим друзьям по убежищу» — все необходимое для того, чтобы выжить в атомной войне: набор мебели из отдельных элементов, (скамью можно приобрести и отдельно за 418 марок), двухфитильную спиртовку (специально сконструированная модель из нержавеющей стали), шанцевый инструмент, смонтированный на доске (цена — 490 марок); химический клозет (85 марок с соответствующими химикалиями), нечерствеющий хлеб марки «рейнский пшеничный» в прозрачном пластике, гарантированный срок годности — десять месяцев (цена за упаковку в 500 граммов — 1 марка 62 пфеннига).

Господин Копп рекомендует своим заказчикам заблаговременно и не скупясь запастись хлебом, «учиты-

вая сложившуюся международную обстановку». «Я обеспечиваю полный сервис,— с гордостью говорит он,— а Федеральный союз самозащиты (ФСС) организует соответствующие курсы гражданской обороны на случай войны».

Филиал ФСС, обслуживающий северную часть Гамбурга, разместился в городском парке в домике садовника. Вокруг птичий гомон, сплошная идиллия.

Сию в «учебном помещении» этого одноэтажного здания вместе с другими семьёю слушателями за четырьмя школьными партами. Обычная классная доска, стол-козлы с проспектами. Среди них целая кipa выпущенных Союзом календарей с изображением горящего дома на обложке. Это репродукция картинки, экспонировавшейся на специальной выставке: «Детские рисунки на темы атомной катастрофы». На стене плакат с таблицей, с помощью которой ничего не стоит определить продолжительность радиоактивного заражения местности в различных случаях. Нужно только заранее знать мощность ядерного заряда и точное место взрыва, и тогда на таблице в два счета найдешь, через какое время атмосфера очистится от радиации — с точностью до минуты. Впрочем, при тяжелых поражениях, как это явствует из таблицы, радиоактивное заражение может длиться годами.

«Вот уже лет двадцать я изучаю возможные последствия атомных катастроф»,— поведал нам Олаф Баер, преподающий в ФСС основы гражданской обороны. Самая страшная из них, по его словам,— «крупномасштабный атомный удар». «Но и в данном случае,— разъясняет нам г-н Баер,— надлежит вести себя как при любых других катастрофах: сохранять спокойствие, действовать обдуманно, направленно применять полученные знания».

Мы проходим следующие темы: «Транспортировка раненых в положении на боку», «Наложение жгута на предплечье и бедро при сильных кровотечениях»; «Наложение жгута в форме треугольной косынки»; потом просмотр учебного фильма «Правила гражданской обороны при атомном взрыве». Диктор предлагает «рассказать об этом подробнее на примере Хиросимы». Я жду, что на экране вот-вот появятся жуткие картины разлетевшегося вдребезги города, изувеченные трупы и искалеченные тела жертв первого атомно-

го взрыва. Но демонстрируется лишь фотография японца, надевшего в тот день на свое счастье белую исподнюю рубашу, так основательно отразившую опасное излучение, что кожа его почти не пострадала. Проще пареной репы!

Фильм дает еще ряд практических советов на случай катастрофы.

Вооружившись ими, направляю письмо Иоханнесу Хаммеру, председателю союза гражданской инициативы «Самозащита от атомной смерти». В ответ он высылает мне формуляр-заявление о приеме в члены своей организации и пресс-бюллетень «Бункер». На обложке эмблема — атомный гриб. Бюллетень полон нападок на правительство социал-либеральной коалиции: оно-де выдает нас с головой Советам, поскольку строит слишком мало противоатомных убежищ. «Правительство ведет себя преступно, лишая население этих убежищ. В результате Федеративной республике не устоять под напором красных орд!»

Я навестил Иоханнеса Хаммера в его доме в Фирнгейме под Мангеймом. В торжественной атмосфере я стал здесь действительным членом его «Ложι уцелевших», внеся вперед годовой взнос в 60 марок. Еще за сотню марок он тут же предложил мне подключиться к особой «системе раннего оповещения», разработанной в его «обществе, которое рассматривает себя как некий рыцарский орден». «Это даст вам возможность укрыться незаметно от соседей в своем индивидуальном бункере еще до официального объявления атомной тревоги и забаррикадироваться там. Поймите, едва завоят сирены, поднимется паника и обезумевшие толпы будут штурмовать частные бункеры!»

Каким же образом он, будучи обычным гражданином, рассчитывает узнать о грозящем стране ядерном ударе? Г-н Хаммер важно откидывается на спинку кресла: «Я располагаю сетью самых надежных информаторов в военных кругах и в консервативной оппозиции в Бонне!»— «А как быть, если оповещение сработает слишком поздно и соседи будут рваться в мой бункер?» «На этот вопрос есть лишь один простой ответ,— говорит г-н Хаммер,— пара автоматных очередей!»

«Так или иначе,— продолжает он,— строительство

индивидуального убежища — сейчас очень выгодное дело, учитывая растущий страх перед атомной войной». По его словам, построив вне дома противоатомное убежище, рассчитанное, скажем, на семь человек, я независимо от действительной стоимости работ могу претендовать на государственную дотацию в сумме 4900 марок и сверх того получаю право вычесть из суммы своих доходов, подлежащих налогообложению, 37 200 марок; если же не брать федеральной дотации, от налогообложения освобождается сумма в 42 100 марок.

К тому же, можно извлечь из этого дела и чистую прибыль, продавая места в бункерах. «Вы отнюдь не обязаны сообщать при этом своим возможным клиентам, сколько вы сэкономили на налогах. Поверьте, многие из ваших коллег, друзей и знакомых готовы заплатить за надежное противоатомное убежище гораздо больше, чем вы думаете».

На прощание мой консультант вручает мне стопку информационных материалов, главным образом проспекты строительных фирм, сооружающих убежища, а также «Памятку об использовании бункеров в мирных условиях», из которой я узнаю, что в период, когда кризисное обострение обстановки не имеет места, бункер можно использовать как винный погребок, телевизионный салон, сауну, детскую комнату для игр и выполнения школьных заданий и, наконец, как домашний бар.

Фридель Иохем, строительный подрядчик и заместитель Хаммера, раз в тринадцать месяцев проводит «учебную тревогу», репетируя в своем бункере, вырытом под его виллой в городке Эрвитте в Вестфалии, как он выживет в атомной войне. Индивидуальное противоатомное убежище — два шаровидных бункера, соединенных между собой, плюс последний крик моды — «защитный антинейтронный колокол» — обошлись ему в 250 000 марок.

«Катастрофа вот-вот разразится — сказал мне Иохем, — а мы в наших бункерах будем как в Ноевом ковчеге: выживем и дождемся лучших времен». Он глубоко убежден, что «пророчества Апокалипсиса сбудутся в ближайшие два года». «Изменит свое положение земная ось, сместятся полюса, сдвинутся горы, и смертоносный космический ураган сметет все

живое с нашей планеты. Уцелеем только мы в наших бункерах».

Проводится ежемесячная учебная «противоатомная тревога» — генеральная репетиция грядущей катастрофы. Предстоит вновь опробовать 50-местный бункер. Эрхард, сын Иохема, ему двадцать два года, натягивает в гостиной свой белый защитный костюм, предохраняющий от воздействия радиации, бактериологического и химического оружия, и противогаз. Вооружившись счетчиком Гейгера, он обходит всю прилегающую местность, проверяет и каменную пристройку, где красуются охотничьи трофеи папаши, и плавательный бассейн в саду. Потом шагает по подстриженному газону, мимо пруда с карпами и бьющими фонтанами и возвращается в дом.

Спускаемся в бункер. Там уже собрались все «имеющие право на пребывание в убежище». Пестрая компания: здесь и малые дети, и старики-пенсииеры. Гидравлические двери закрываются. Включена вентиляция. Мы репетируем катастрофу и хором молимся, перебирая четки. В бункере — две статуи богоматери, а рядом с неприкосновенным запасом громоздятся пакеты с иконками девы Марии и стопки религиозных брошюр. («Чудо в Фатиме — надежда мира», — читаю я на обложке.) Рядом с запасами питьевой воды — бутылки с этикетками «Святая вода».

«После великой катастрофы, — прочел я в одной из листовок, полученных мной от Иохема, — следует прежде всего переждать, пока прекратятся колебания земной оси. Сразу же после этого избранные Судного дня начнут отмывать лестницы и настилы, подвергшиеся радиоактивному заражению».

Что-что, а немецкая опрятность переживет и атомную войну.

Воришка в универмаге

Передо мной, точно на уровне груди, выстроились в ряд сотни пластмассовых бутылок — желтых, зеленых, розовых. Я твердо решил украсть одну. Дыхание

мое учащается, кровь приливает к лицу, глухну от звона в ушах. Поле зрения сузилось предельно, все вокруг меня погрузилось в белесый туман. Вижу только зеленую бутылку, ту, что собираюсь незаметно прихватить. «Яблоневый цвет,— написано на этикетке.— Шампунь для любых волос». Подаюсь вперед, хватаю с полки длинную бутылку и запикиваю во внутренний карман куртки. Все происходит словно само собой.

Всем телом ощущаю, как спадает охватившее меня напряжение. Снова вижу и слышу, что творится вокруг. «Теперь только бы прошмыгнуть мимо кассы»,— мелькает у меня мысль.

Сейчас я — магазинный вор, один из 250 000 немцев, которые каждый год промышляют кражей с прилавков.

Среди осужденных за «незаконное присвоение товара» профессиональные уголовники — исключение. На десятирех задержанных за кражу товара в универмагах приходится лишь один рецидивист. 90% — это такие же, как и я сейчас, случайные воришки. С тех пор как число подобных краж стало расти, меры устрашения, применяемые администрацией и владельцами магазинов, в свою очередь становятся все более жесткими. Я слышал, например, что пойманным магазинным воришкам иногда достаются не только нотации. Читал я и о самосудах в универмагах.

Вот некоторые из описанных случаев: в Гамбурге покупателя, якобы что-то укравшего, оглушили ударом резиновой дубинки, а потом охранник напустил на беднягу овчарку, и она прокусила ему ногу. В Западном Берлине частный детектив, нанятый универмагом, задержав заподозренного в краже покупателя, надел на него наручники и протащил через весь универмаг в дирекцию. В Мюнхене такой же «частный шериф» ударами карате выбил передние зубы воришке, стащившему плитку шоколада. В Штутгарте частные детективы, обслуживавшие один из местных универмагов, потчевали заподозренных в краже покупателей тумачами, пинали их ногами, били головой о стенку. Во Франкфурте детектив в универмаге, поймав с полочным 49-летнего инженера, не заплатившего в кассу десять марок за сыр и шпик, выбил ему глаз резиновой дубинкой.

Подойдя для вида к прилавку с уцененными мужскими рубашками, украдкой ощупываю бутылку с шампунем: как бы она не выскользнула ненароком из внутреннего кармана. Нет, все в порядке, меня вроде бы никто не приметил.

Сообщения о жестоких расправах частных детективов в универмагах казались мне сильно преувеличенными. В конце концов, даже лица, совершившие тяжкие преступления, имеют в демократическом государстве право на объективное и беспристрастное судебное разбирательство. Как и положено, полиция расследует, прокурор обвиняет, адвокат защищает. И только суд в заключение решает, виновен обвиняемый или нет.

Наказание преступников является исключительной прерогативой государства, самосуд запрещается. И никто не может быть дважды наказан за одно и то же преступное деяние. Так записано в нашей конституции — в статье 103.

Однако, как я впоследствии убедился, на практике нередко все выглядит иначе. Наряду с официальными судьями и следователями существуют сотни самозванных судей и полицейских, которые берут людей в оборот, не считаясь с уголовно-процессуальным кодексом...

В универмагах и супермаркетах (универсамах) давно уже обзавелись собственной охраной, действующей по своим законам. С тех пор как универсамы вытеснили традиционную продовольственную лавочку «за углом», где покупателей обслуживали индивидуально, появился и новый вид преступления — кража с прилавка.

Экономисты, планирующие сбыт в универмагах, в ходе ежегодных инвентаризаций убеждаются в том, что все большее число покупателей не могут удержаться от соблазна при виде ломящихся от товаров полок, стоек и прилавков. Торговцы тем временем жалуются на миллиардные убытки, которые им причиняют.

«„Хватательный импульс“ гнездится глубоко в мозгу каждого человека», — заметил в этой связи кельнский психолог и судебный эксперт профессор Вольфганг де Бур. В универмагах давно учли этот феномен. Так, например, товары, сбыт которых представляется

наиболее желательным, размещают на полках так, чтобы покупатель мог без труда и быстро «схватить» их.

«Для того чтобы совладать с этим древним инстинктом — иными словами, чтобы не присваивать себе незаконно чужие вещи, не воровать,— нужен длительный процесс воспитания»,— считает де Бур.

Чтобы справиться с этой задачей, универсамы и универмаги организуют контроль над покупателями столь же тщательно, сколь тонко и рафинированно стремятся воздействовать на его психику, побуждая его поскорей «взять» и купить. Телекамеры, электронные сигнальные устройства, система контрольных зеркал и, наконец, частные детективы — сегодня все это «стандартный набор» в любом универсаме.

Кроме того, магазины самообслуживания и универмаги разработали собственные методы устрашения и даже ввели собственное «уголовное право».

В одном из гамбургских универмагов рядом с плакатом «Возбуждаем уголовное дело в суде при любой краже» на нейлоновом шнуре болтается повешенная кукла в человеческий рост. В других магазинах висят плакаты, грозящие нечистым на руку покупателям не только обычным процессом в суде, но и «позором» и «неприятностями на работе».

Подобные плакаты вывешены, например, во всех магазинах фирмы «Шлекер», а неподалеку в «Немецком супермаркете» воришек ставят в известность о том, что им придется нести расходы и за их же задержание.

На профессиональном жаргоне торговцев это называется «охотничья премия». Представитель Союза немецких судей Хельмут Леонарди называет практикуемые в универмагах методы «черным рынком западногерманского права». «В данном случае,— критически комментирует он,— жертва правонарушения, т. е. владелец украденного товара, присваивает себе одновременно полицейские и следовательские функции, претендует на роль прокурора и судьи и в довершение всего самолично взымает денежные штрафы».

Однако в некоторых универмагах и этого кажется мало. Там покупателя-воришку как бы ставят к позорному столбу, вывешивая в торговых залах на видном

месте таблички с именами и фамилиями заподозренных в краже. Бывает, что задержанного вора наказывают, что называется, не отходя от кассы — его избивают тут же на месте преступления.

Всего за несколько дней до моей кражи шампуня я сам присутствовал в Мюнстере на процессе над двадцатилетним студентом педагогического факультета, пойманным с поличным в универмаге «Карштадт», где он тайком засунул в карман три магнитофонные кассеты. Детектив универмага, следивший за покупателями, задержал его, скрутил и за волосы поволок в лифт.

На суде «держиморда» из «Карштадта» досконально рассказал о краже, но никак не мог припомнить, как он одолел злополучного студента. И здесь, как часто бывает в подобных случаях, свидетельства сторон противоречили друг другу. Когда разбираются дела о самосудах в универмагах, объективных свидетелей найти трудно.

Противоречивые сообщения в печати побудили меня на собственном опыте узнать, что в действительности происходит с покупателем, уличенным в краже товара. Я хотел, как говорится, испытать это на собственной шкуре и решил сыграть роль магазинного ворюжки.

Эксперимент был «чистым», поскольку я не предупредил о своем плане никого из администрации универмага, а для того, чтобы не попасть под суд, под присягой подписал и передал своему адвокату заявление следующего содержания: «Я сознательно беру на себя роль магазинного вора, не намереваясь, однако, при этом противозаконно присвоить похищенные товары. Если кража, мной совершенная, не будет обнаружена, обязуюсь тут же положить на прежнее место похищенные мной предметы».

Перед каждым очередным заходом в универмаги я предупреждал своего адвоката, сообщая ему, в какой именно магазин я направляюсь. О каждом своем «деле» я составлял подробный протокол, и каждый раз в качестве свидетеля меня сопровождал редакционный фотограф Вернер Эбелер.

Три недели я разъезжал по всей ФРГ. Я воровал в магазинах Вупперталя, Дюссельдорфа, Мюнстера, Ганновера, Франкфурта, Штутгарта и Мюнхена. Мои

действия оставались, как правило, незамеченными, и я клал похищенные товары на место.

В Хагене все было иначе. Упрятав во внутренний карман куртки зеленую пластмассовую бутылку яблочного шампуня, я побродил еще по универмагу; никто как будто за мной не наблюдал. Я прошел мимо прилавка с чулками и уже хотел вернуться в парфюмерный отдел, чтобы поставить бутылку на полку.

В этот момент ко мне подошел сбоку молодой человек и, предъявив служебное удостоверение, сказал: «Я детектив универмага. Следуйте за мной. Вы совершили кражу».

Я, как и положено пойманному с поличным, и не пытаюсь отпираться: «Да, это так». Продавщицы шепчутся, покупатели останавливаются, не сводя с меня глаз.

Мы делаем несколько шагов в направлении лифта. Внезапно детектив хватает меня за запястье левой руки: он хочет, чтобы я шел быстрее. «Что же, мне бегом пуститься? Отпустите руку, я же и так иду!» В ответ он еще сильнее сжимает мое запястье. Острая боль отдает в плечо. Я останавливаюсь. «Что вы делаете?— говорю я, уже сильно волнуясь,— я же иду добровольно!»

«С субъектами вроде тебя у нас короткий разговор,— говорит мой сопровождающий, от его сдержанности не осталось и следа. Он смаху бьет меня коленом в живот, чего я никак уж не ожидал. От боли я скорчился в три погибели. В этот момент он пытается, схватив меня спереди за обе руки, выкрутить их за спину.

«Сволочь!»— выдавливает он и, хватая меня за куртку, прижимает спиной к прилавку с чулками. Стекло на прилавке разлетается вдребезги. Потеряв равновесие, я валюсь на бок. Не успел выпрямиться, как, вдавив мне локоть в живот, он хватает меня за шею и дает мне подножку. Я вновь падаю на бок, на пол, усеянный осколками стекла.

Детектив прыжком садится на меня, потом вновь вскакивает и, схватив меня за воротник, рывком поднимает на ноги. «Пойдешь ты или нет?»— рычит он. Молоденькая продавщица кричит, хлопая в ладоши: «Карли, ты у нас золото!»

В лифте я ощупываю за ухом шишку величиной с

голубиное яйцо. На левом локте и на бедре чувствую ссадины. У меня кружится голова.

В помощь детективу охранять меня отрядили еще одного плотного неуклюжего малого в сером халате. Сквозь жужжание грузового лифта до меня доносятся слова детектива: «Это вам кое во что обойдется!» Прежде всего, он, детектив, получит за мое задержание премию, которую универмаг по суду взыщет с меня. Для многих «магазинных шерифов» задержание нечистых на руку покупателей — основной источник существования: дело в том, что они нередко получают от универмага лишь гонорар за поимку жуликов — «охотничью премию».

Один житель Дюссельдорфа, тридцатипятилетний ювелир, делая покупки в универмаге фирмы «Метро», на своем опыте убедился, как легко такие вот ретивые сыщики могут заподозрить в краже ни в чем не повинного покупателя. Управление концерна обвиняло его в том, что он удалил ценник с канистры со смазочным маслом, стоившей 32 марки 50 пфеннигов и наклеил на нее новую этикетку: «Цена — 12,52 марки». Ювелир отрицал это. Десять месяцев спустя Дюссельдорфский земельный суд признал его невиновным. Судьям не внушил доверия единственный свидетель обвинения, хотя это и был полицейский. Его показания, по мнению суда, были «недостаточно убедительными». Оказывается, в ходе разбирательства выяснилось, что свидетель этот не беспристрастен: в свободное от службы время он подрабатывал в универмаге в качестве частного детектива, получая за каждый обнаруженный случай хищения по 50 марок.

Несмотря на подобные устрашающие примеры Федеральный верховный суд специальным постановлением разрешил выплату премии в 50 марок за каждого пойманного с поличным. Процесс, в ходе которого было принято это решение, тянулся целый год и приобрел характер единственного в своем роде прецедента. В универмаге «Карштадт» в одном из районов Гамбурга была задержана с поличным некая турчанка. В ее сумке были обнаружены похищенные товары на общую сумму в 12,72 марки: кусок говядины от головной части, копченая колбаса и четыре баклажана.

Турчанка, не зная по-немецки, подписала все мыслимые формуляры, в том числе и обязательство

уплатить концерну «Карштадт» 50 марок — премию детективу за ее же задержание.

Но потом платить отказалась. Турецкое генконсульство в Гамбурге наняло ей адвоката. Тот предложил универмагу полюбовное соглашение. Но юрисконсульты концерна задумали обогатить историю немецкого права «прецедентом с турчанкой». На ее примере они хотели определить границы полномочий «частного правосудия». Администрация концерна «Карштадт» решила, что в данном случае игра стоит свеч.

Для того чтобы вообще протащить это дело через суды всех инстанций — земельный суд, земельный суд второй инстанции и, наконец, Федеральный верховный суд, — стоимость предмета спора была путем разного рода ухищрений завышена и доведена до 1100 марок. Чтобы избавить злополучную турчанку от материального риска, которым грозил ей проигрыш дела, фирма «Карштадт» согласилась взять на себя судебные издержки и оплатила ее адвоката. Судя по всему, это могло стать перспективным капиталовложением в том случае, если б суд решил дело в пользу концерна.

Но борьба окончилась вничью. По мнению Верховного суда в Карлсруэ, расходы на скрытые телекамеры, систему зеркал и оплату частных детективов не подлежат возмещению за счет лиц, совершающих кражи в универмагах. «Предприниматель — владелец магазина самообслуживания должен сам нести риск, связанный с тем, что в магазинах такого типа совершить кражу легче, и поэтому хищения здесь чаще имеют место».

Однако расходы по выплате детективам премий за задержание вор все же должен нести сам. Более того, «фирма имеет полное право публично назначать подобную премию, поскольку, как подтверждают опытные исследования», это, «безусловно, повышает бдительность персонала и его готовность к активным действиям против установленного вора. Поэтому такой образ действий не только оправдан, но и необходим». Таким образом, «принцип двойного наказания» — судебного и частного — был узаконен решением высшей судебной инстанции.

Детектив, задержавший меня в парфюмерном отделе, держит меня за плечо. Мы — на втором этаже

универмага. Я подумываю, а не вытащить ли мне флакон с шампунем из кармана куртки и не бросить ли его на пол. Мы выходим из лифта и движемся по длинному коридору мимо застекленных служебных помещений. Служащие отрываются от своих бумаг, смотрят нам вслед, шушукаются. «Ну ты даешь! Еще одного сцапал!»— говорит девица, идущая нам навстречу с папками под мышкой.

Мой страж самодовольно улыбается. Потом он вводит меня в небольшую каморку — комнату для допросов. Неоновый светильник. Вся обстановка — этажерка для бумаг, фотокопировальный аппарат, письменный стол с одним стулом. Я должен отвечать стоя. Согласно «Служебной инструкции для частных детективов, работающих по найму в универсамах», подобное помещение должно выглядеть следующим образом: комната площадью примерно в шесть квадратных метров, без окон (по строительному чертежу), без застекленных перегородок и дверей или без доступа к окнам, которые открывались бы без труда; «мебель в помещении должна быть расставлена таким образом, чтобы ведущий допрос находился как можно ближе к двери; в комнате должны быть телефон и сигнальное устройство — «шестивольтовый звонок, подающий сигнал тревоги».

Я достаю флакон с шампунем из кармана куртки и ставлю его на стол. «Это все»,— говорю я. Детектив не верит. «Должен обыскать вас»,— говорит он, ощупывая меня. Потом садится за стол, вставляет в пишущую машинку формуляр с заголовком «Заявление о хищении». В графе «стоимость украденного товара» он пишет: 2 марки 78 пфеннигов.

«К чему вся эта писанина,— спрашиваю я усердно отстукивающего на машинке детектива,— я без звука заплачу пару марок!» «Для острастки,— говорит он, на миг подняв голову,— а то такие, как вы, все из магазина вынесут!»

Воруют и впрямь как никогда много. По подсчетам «Немецкого объединения розничных торговцев», ежегодно при инвентаризации обнаруживается дефицит в 3,4 миллиарда марок — один процент от общего товарооборота. Но в этих миллиардных убытках повинны не одни лишь покупатели. На их долю приходится лишь треть этой суммы. Вторую треть — по данным

«Объединения розничных торговцев» — прикармливают вороватые торговые служащие — вроде тридцатичетырехлетнего директора универмага в Билефельде, постоянно кравшего в своем магазине стиральные машины, стереоустановки и телевизоры — всего на сумму в 400 000 марок, или детектива в одном из гамбургских универмагов, который, охотясь за жуликами, прихватил несколько дорогих меховых манто.

Последняя треть упомянутого ущерба даже не находит отражения в бухгалтерских книгах, ибо возникает за счет «порчи товаров, неучтенных скидок или коммерчески не обоснованной уценки».

По мнению Георга Зибера, эксперта по психологии в мюнхенской полиции, консультирующего различные универмаги по вопросам обеспечения безопасности, покупатели гораздо честней, чем полагает «Объединение розничных торговцев». В соответствующем исследовании он констатирует, что в некоторых отраслях розничной торговли на долю персонала приходится до 80% похищенных товаров. Теория массовых хищений товаров покупателями в универмагах — чистейший абсурд, считает он.

Хагенский детектив отрывается от машинки.

«Ваше имя и фамилия?» — спрашивает он. Я протягиваю ему свое удостоверение личности. «Профессия?» — «Служащий». «Так уж вам это нужно?» — в голосе его звучат человеческие нотки. «Да нет, вообще-то говоря», — бормочу я. Не могу же я рассказать ему об истинных побудительных причинах моего поступка.

Во время своей одиссеи по западногерманским универмагам и универсамам мне трижды довелось наблюдать магазинных воришек за «работой». Один раз добычей была магнитофонная кассета, другой — пара носков, в третий — батон копченой колбасы. Мужчина, стащивший колбасу, толкал перед собой набитую продуктами тележку к кассе в продовольственном отделе универмага «Тенгельман» в Мюнхене. У мясного прилавка он задержался и, прочтя вывеску: «Берите не задумываясь!», воспринял совет буквально и сунул колбасу салями ценой в 3,99 марки в карман пальто.

Эксперт-психолог мюнхенской полиции Зибер характеризует подобные ситуации следующим образом: «Товары в магазинах намеренно выставляются и рекла-

мируются так, чтобы ослабить сдерживающие центры покупателя, психологически мотивируя его схватить и утащить какой-либо из них. В то же время кассы размещают в укромных уголках с единственной целью — не напоминать покупателю о том, что в конце концов за товар придется платить».

Мой детектив, задержавший меня с поличным при краже товара, звонит в полицейский участок. «У меня для вас работенка есть,— панибратски говорит он в трубку,— подошлите двоих ребят!» Он протягивает мне заполненный им формуляр, в котором на восьми языках мне запрещается заходить во все без исключения филиалы торгового концерна. Запрет этот бессрочный, однако может быть отменен администрацией. Ежели я рискну его нарушить, на меня подадут в суд «за нарушение спокойствия и порядка в частном владении».

Я спрашиваю моего «следователя», за что же он избил меня при задержании. «Я не думал вас бить. Это подтвердят многие свидетели. Вы к тому же намеренно разбили витрину, счет за которую вам вышлют дополнительно».

Появляется вызванный наряд полиции. Я прошу сообщить мне фамилию детектива. «Хочу подать в суд на него за нанесение телесных повреждений»,— говорю. «Этого мы вам сообщать не будем,— отмахивается старший по наряду.— Таких, как он, мы обязаны охранять».

Двое полицейских конвоируют меня к выходу. В участке, куда меня ведут, предстоит официальная проверка моих документов. У запасного выхода из магазина толпятся прохожие, наблюдая, как меня сажают в полицейскую машину. «Преступник на две марки семьдесят девять пфеннигов!» Иду как сквозь строй.

Неделю спустя я своими глазами видел тут же в Мюнхене, как ужасно это выглядит со стороны. На сей раз я стоял в толпе среди нескольких сотен зрителей, наблюдавших за тем, как двое дюжих полицейских ведут по пешеходной зоне на Кауфингерштрассе к полицейской машине семидесятидвухлетней женщину, укравшую в универмаге «Кауфхалле» пакетик очищенного риса и кулек леденцов общей стоимостью в 3,98 марки и задержанную на «месте преступления». Ста-

рушка, потрясенная и дрожащая, с трудом взбирается в бело-зеленый полицейский микроавтобус.

Уже не раз бывало, что такое публичное позорище заставляло людей уходить из жизни. Так случилось, например, с коммерсантом пятидесяти трех лет, укравшим в универмаге «Метро» в Регенсбурге блок сигарет и пойманным с поличным. Администрация универмага предложила ему подписать для возбуждения дела в суде о краже напечатанный типографским способом формуляр следующего содержания: «Признаю, что сегодня совершил кражу в универмаге «Метро»... Заранее согласен с проведением обыска в моем доме и с публичным оповещением о происшедшем через радиоузел магазина». Он подписал формуляр, а вернувшись домой, составил прощальное письмо своей семье: «Не могу больше оставаться с вами — не хочу позорить вас». Несколько часов спустя уличенный в магазинной краже коммерсант бросился под поезд недалеко от Ландсхута.

За три недели моего «воровского турне» меня трижды задерживали на месте преступления. В Хагене меня избили в наказание за кражу товара стоимостью в 2,78 марки. В другой раз детектив универмага, где я похитил кусок мыла стоимостью в 98 пфеннигов, толкнул меня с такой силой, что я сшиб полку с товаром. В третий раз — тут дело шло, по крайней мере, о бутылке доброго лангутского рислинга ценой в 4 марки 95 пфеннигов — меня втащили в холодное складское помещение и долго продержали там под охраной двух служащих магазина, не позволявших мне двигаться и даже не пустивших меня в туалет. Трижды меня доставляли в полицию; трижды я проходил «сквозь строй». Все три раза со мной обращались, как с опасным преступником.

Теперь, после всего этого, я вновь учусь ходить в магазины как обычный покупатель. Особую осторожность я проявляю отныне всякий раз, когда в магазинах самообслуживания вижу плакатики, призывающие меня «налетать», «хватить» и «разбирать».

* * *

По следам напечатанного. Возбужденные против Кромшрёдера судебные дела по обвинению в краже

товаров в магазинах были впоследствии прекращены. Администрация концерна в Хагене, где Кромшрёдера подвергли избиению, оспаривала достоверность его изложения и отказывалась признавать в качестве доказательств совершенно однозначные фотографии, сделанные на месте происшествия. По мнению администрации, фотографии, «вне всякого сомнения, были фальшивкой». После этого концерт вообще поставил все с ног на голову: «На самом деле репортер намеренно упал на зачехленный прилавок с чулками» и, по утверждению газеты «Эйнцельханделс репорт» — органа «Объединения розничных торговцев», «сделал это профессионально, не уступая футболисту первой лиги, старающемуся выцыганить пенальти у судьи». Детектив, оказывается, вовсе не толкнул Кромшрёдера, а последний, напротив, силой потянул его за собой на пол.

Газета «Лебенсмиттель цайтунг» — орган торговцев продовольственными товарами, распространила еще одну версию администрации универмага: «Когда детектив попытался поднять репортера на ноги, оба утратили равновесие и упали. В конце концов детектив вновь помог репортеру встать на ноги». Эта версия была обжалована в суде, и универмагу пришлось отказать от подобной весьма вольной трактовки событий, согласно которой их служащий предстал в облике сердобольного самаритянина.

Однако детектив не унимался и нанес новый удар: он подал в суд на Кромшрёдера, который якобы клеветнически и оскорбительно обвинял его в учиненном самосуде. Администрация универмага в свою очередь охарактеризовала своего «стража законов потребления» как «до сих пор безупречного при исполнении своих служебных обязанностей детектива», а упомянутая газета «Эйнцельханделс репорт» написала о нем с выразительной краткостью: «Такой морду бить не станет. Не тот тип».

В результате Кромшрёдер вновь предстал перед судом, теперь уже у себя в Гамбурге. Дело, однако, было прекращено по требованию прокуратуры. Детектива дважды вызывали в суд, и оба раза он не явился. Как выяснилось на процессе, он тем временем был уже осужден за постоянные хищения, а прокуратура земли Северный Рейн-Вестфалия вела против не-

го следствие по подозрению в нанесении телесных повреждений, воровстве и клеветнических обвинениях.

Как я был турком

«Опернкафе» расположено бок о бок с новой гордостью жителей Франкфурта — восстановленным за 200 миллионов марок зданием Старой оперы. Оформлено кафе в стиле рубежа веков: темные стулья, изящные столики со светлыми мраморными столешницами, на стенах — большие зеркала. Здесь собирается шикарная публика: владельцы магазинов модной одежды, деловые люди, специалисты по рекламе из близлежащего квартала Вестэнд, биржевые маклеры, хорошенькие девушки. Три недели назад я пригубил здесь бокальчик «шабли» и съел запеченные сырные палочки. Три недели назад меня обслуживали подчеркнуто вежливо и дружелюбно. Но сегодня все иначе, потому что сегодня я турок.

Чтобы на себе испытать, действительно ли в Федеративной республике усиливается враждебность к иностранцам, я превратился в турка.

Для этого я выкрасил в черный цвет свои светлые усы, брови и волосы и оделся по моде начала семидесятых годов: белая сорочка с длинным воротником, широкий галстук с пестрым рисунком, синий пиджак и светлые брюки с широкими отворотами. На голову надел плоскую кепку, слегка надвинув ее на лоб. Перевоплощение, кажется, удалось. Когда я прохожу мимо стойки «Опернкафе», прилично одетый господин с бокалом «кампари» в руках говорит: «А вот и Восток». Официант, который возится за стойкой, спокойно замечает: «Да-да, я уже видел». Дружески улыбаюсь ему и прохожу в глубь зала. Посетителей мало. Пока я оглядываюсь, на моем пути вырастает официантка, молодая дама лет двадцати пяти. «Вы зарезервировали место?» — спрашивает она. Я отвечаю на том языке, который, по распространенному в стране мнению, считается немецким языком турок: «Я ничево резерви-»

вать. Здесь пусто. Я кофе пью, пожалуйста». Быстро присаживаюсь за ближайший свободный столик.

Кофе мне не несут. Поднимаю руку и делаю знак официантке. Она не реагирует, молча проходит мимо. Сажу минут пять, десять. Тем временем входит фотограф Вернер Эбелер. Официантка быстро приносит ему бокал яблочного сока. На обратном пути к стойке останавливается возле меня и таким рывком трет столик влажной тряпкой у меня перед носом, что моя турецкая газета летит на пол. «Здесь все зарезервировано. Ты понимать?»— говорит она, упершись левой рукой в бедро. Сердце стучит, дыхание учащается. Я дрожу. «Мне никакой кофе, потому что турок»,— говорю я громко. Посетители бросают на меня беглый, безразличный взгляд. Я замечаю молодую блондинку с короткой стрижкой. Она дольше других смотрит в мою сторону. У нее красивые серо-зеленые глаза. Она улыбается, поворачивается к своему кавалеру, что-то говорит и показывает в мою сторону.

Мужчина делает жест, означающий только одно: да брось ты. Она опускает глаза и занимается своим «капучино», который стоит перед ней. Официантка проскальзывает мимо, принимает заказы, разносит напитки. Я пытаюсь привлечь ее внимание, но безуспешно. Так проходит еще минут двадцать. Никто меня не замечает, даже блондинка. Я — стеклянный человек. Все смотрят сквозь меня. Человек-невидимка. Место, на котором я сижу, пусто. Я не существую. Я — воздух. И я чувствую, как во мне растет желание доказать, что я существую. Громко закричать, бросить стул в зеркальные стены, опрокинуть перед собой стол.

Какое-то время мне кажется, будто все это во сне. Я просто выдумал, что сижу в «Опернкафе». Пытаюсь схватить себя за нос. Вспоминаю «цомби» — тех мертвецов, которые не могут умереть. И кажусь себе «цомби» наоборот: я живущий, который не может жить. Так я сижу полчаса, на большее меня не хватает. Подхожу к стойке.

«Удо, теперь ведь твоя очередь»,— говорит официантка напарнику. «Почему не обслуживать?»— спрашиваю я. Двумя пальцами, как бы играя, Удо стягивает мне галстук. Говорит: «Тут все заказано и баста. Здесь для тебя нет места, понял? Всякая дрянь нам не нужна. А теперь катись отсюда, пока не схлопотал». Его же-

сты однозначны. Я уступаю и ухожу. При этом замечаю, что меня охватывает ярость против этих избранных, которые могут спокойно пить тут кофе.

Уже неделю я живу во Франкфурте под видом турка. Здесь почти четверть населения города составляют иностранцы — более высокого процента иностранцев нет ни в одном другом крупном немецком городе. Убираю улицы. Каждый день, облачившись в оранжевый комбинезон, восемь часов подряд подметаю в квартале возле лучшего отеля «Франкфуртер хоф». Без иностранцев город задохнулся бы от грязи: 95 процентов тех, кто подметает улицы Франкфурта, — иностранцы. Каждый день я набиваю отбросами по меньшей мере шесть больших мешков из пластика: окурками, бумажными носовыми платками, объедками. Опорожняю урны, собираю загаженные полиэтиленовые пакеты и разбитые бутылки из сточных канав, соскабливаю собачий помет с тротуаров. Встаю в четыре утра. Ровно в пять надо отметиться у выхода из бывшего рыночного зала, где получаю инвентарь, это рядом со старым еврейским кладбищем. Ни минутой позже. Немец-кладовщик стоит у двери, слегка засучив левый рукав своего серого форменного пиджака — так легче смотреть на часы. Вначале выезжают колонны машин, их сопровождают трое-пятеро рабочих, они объезжают свои кварталы — большей частью это итальянцы и испанцы. Затем выходим мы, подметальщики улиц. Выходим по одиночке, большинство — турки. «Санитары-одиночки», — называют нас на жаргоне специалистов. Каждый катит перед собой небольшую тачку, к ней крепятся два пластиковых мешка, куда лопатой сгребаются отбросы.

Мы разбредаемся по еще ночному, безлюдному центру города. У каждого всегда один и тот же участок — он помечен красным карандашом на плане города, — план надлежит постоянно иметь при себе.

На третий день я освоил свой участок, знаю здесь каждый метр. Знаю, в каком месте придется сгребать ворох салфеток от бутербродов «гамбургер» (закусочная «Макдональд»), знаю коварные уголки, в которые ветер наметает бумагу и песок. Знаю, где требуется основательность, а где можно немножко и отойти от требований. В отеле «Франкфуртер хоф», разъяснили мне, останавливается канцлер. Здесь надо подметать осо-

бенно тщательно, иначе расшитый золотыми галунами портье тотчас свяжется по телефону с ратушей и нажалуется на неряшливых турецких дворников. За театром, где на скамейках спят бездомные, такая основательность в работе не обязательна. А там внизу, у реки Майн, тщательно нужно подметать, собственно, только через день. В скверы вдоль набережной ветер заносит больше всего грязи, но за чистоту там отвечает городское ведомство, занимающееся парками и скверами.

Между тем, я научился орудовать метлой. Никаких поспешных движений! С одинаковыми усилиями водить метлой справа налево, левая рука внизу, а правая вверх у черенка метлы. Силы надо также распределять равномерно на все восемь часов, иначе еще до завтрака ты сдашь и от переутомления заболят мышцы. Но при этом нельзя медлить — участок достаточно длинный, точно рассчитанный на физические возможности одного человека. Тут тебе не дадут спуска. И не останавливаться, все время быть в движении, никогда не отставлять метлу в сторону! В момент, когда ты меньше всего ожидаешь, за твоей спиной вдруг появится на своем ФИАТе-500 с красным гербом города немецкий контролер. Он точно знает, какой участок ты уже должен был пройти. Выходит из машины, проверяет. Если ты проглядел под скамейкой пластиковый стакан — он заметит его и, ни слова не говоря, ткнет тебе в нос. Если стоишь и куришь — это тоже минус тебе как работнику. Передохнуть ты можешь в лучшем случае только в подворотне, где тебя не увидит зоркий глаз.

Я усваиваю, что каждое утро все в точности должно повторяться, все рассчитано до минуты. В 5.25 утра у гаража каждый раз появляется ночной сторож-пенсционер в темном берете и показывает на угол, куда я как раз и направляюсь. «Вот здесь тоже подмети», — говорит он. Затем он скрещивает на груди руки, немного отставляет правую ногу. И каждый раз я чувствую его взгляды на своей согнутой спине.

Через десять минут по Берлинерштрассе проходит бородач, из правого кармана у него торчит газета «Бильдцайтунг». В это время так мало прохожих, что вскоре узнаешь каждого. В 5.45 идет дородная стареющая дама в светлом парике и коричневом пальто. Через две минуты появляется йог, который ожесточенно борется со своими сорока годами. Через две минуты —

девочка, похожая в своем одеянии на пажа. Ее туфли на высоком каблуке гулко звучат в пассаже возле фотомагазина. Вскоре после нее шагает мужчина в темном костюме с серым замкнутым лицом.

Около шести возле киоска — здесь нужно немало потрудиться из-за прилипшей к тротуару бумаги от мороженного и окурков — мне каждый раз попадается молодой мужчина в очках, папка с документами как-то неестественно торчит у него из-под мышки. Он смутил меня уже в первый день — к моему ужасу, он кивнул мне. А со второго дня он каждый раз говорит мне «доброе утро». Теперь я каждый день радуюсь его появлению, беспокоюсь, если он задерживается на несколько минут, и вздыхаю с облегчением, когда вижу его с папкой в подземном переходе, ведущем к пешеходной зоне.

Полседьмого! Толпа заполняет тротуар, трудно разглядеть отдельные лица. Надо спешить — у трамвайной остановки возле театра начинается утренняя сутолока. Чем позднее туда попадешь, тем больше намучаешься, пока удастся подмести. Семенящие ноги, толкотня при входе и выходе — для тебя и твоей метлы почти не остается места. Никто не посторонится ни на сантиметр. Смотрят сквозь тебя. Опять такое чувство, будто ты воздух.

Еще один обход вокруг театра, и затем завтрак в туннеле, ведущем к пешеходной зоне под театральной площадью. Там собираются коллеги-подметальщики улиц из трех близлежащих районов — все турки. Над нами шумят машины и трамваи, под нами — поезда метро. Душно — никаких окон, никакой вентиляции. Чтобы глотнуть свежего воздуха, мы время от времени открываем металлическую дверь, ведущую в переход.

Тогда видно, как идут аккуратно одетые люди, кое-кто бросает беглый взгляд в нашу сторону и, шокированный видом смуглых лиц, грязных комбинезонов, отворачивается.

Беда, если в это время мимо пройдет немецкий контролер. Он толкнет ногой дверь в наше прибежище: «Вы что?! Что могут подумать люди?» Рабская жизнь. В нашем подземном бункере из бетона воцаряется тишина — опять мы, турки, сделали что-то не так. Только бы это не имело последствий.

После завтрака город опять пустеет. Движение

транспорта ослабевает. По улицам бродят люди с покупками. «Прогулка» по старому городу вдоль Майна, вокруг монастыря кармелитов — это хотя и самая длинная часть маршрута, но после утреннего стресса у театра несколько часов здесь работает с меньшим напряжением. Однако работать небрежно нельзя — в любое время за спиной может появиться контролер.

В час обеденный перерыв, и город снова заполняют служащие. Свободное время. Но на базу надо возвращаться ровно в час и ни минутой раньше! Иначе произведешь плохое впечатление. На обратном пути лучше немного помедлить. Кладовщик с засученными рукавами снова стоит у дверей. Мы въезжаем со своими гремющими тачками. Ломит поясницу, болят суставы рук.

Ну ладно, на работе еще можно как-то учесть, что к чему. Знаешь предписания, точно знаешь, сколько и как надо работать, выполняй предписания, и тогда не нарвешься на неприятности. Подметальщик улиц в городе нечто вроде официального лица — даже если он и турок. Но, сняв оранжевый комбинезон, я опять должен шагнуть в чужой мир. Риск увеличивается. Я многому еще должен научиться.

Турок в Федеративной республике — это умение смиряться для того, чтобы выжить. Если не проявишь должного смирения, преступишь границы, установленные для тебя немцами, тебя сразу поставят на место. Остерегайся требовать больше, чем тебе положено. Оставайся там, где тебе разрешено быть, — немцы знают, что для тебя хорошо. Проходит совсем немного времени, и ты чувствуешь себя последней дрянью. Если все обходятся с тобой как с неполноценным человеком, для этого уж есть причины, усваиваешь ты.

В первые дни меня еще пугала мазня на стенах в городском метро: «Ахмед, тебя ждет газовая печь», «Мусульмане, убирайтесь вон!» Или, например, надпись, намалеванная на двух десятках скамеек между полицейским управлением и кварталом, где проходят франкфуртские ярмарки: «Только для немцев». Когда, будучи турком, в третий раз читаешь на стене: «Турки, убирайтесь вон!», это постепенно входит в сознание, как неотъемлемая часть городского пейзажа Франкфурта, как новое здание банка «Дойче банк» или Старая опера. Так уж выглядит все это в нашей стране.

И поэтому не удивляешься, когда в четвертом поли-

цейском участке, у главного вокзала, чиновник, которому показываешь фото этого лозунга «Турки, убирайтесь вон!», сердито ворчит: «Ну и что, такие лозунги повсюду. У меня не хватило бы ни сил, ни времени стирать все это!» На мое замечание, что в слове «раус» («вон») буквы «С» изображены в виде эсэсовских рун, чиновник заявляет: «Ну и что тут особенного? Просто старое немецкое написание букв». Из полицейского участка ты выходишь совсем подавленным и радуешься, что тебя там не оставили.

Я быстро привык к тому, что, считая меня турком, ко мне относятся как к простофиле. В супермаркете кассирша сама берет у меня деньги из рук, отсчитывает ту сумму, которая ей нужна, — будто я не умею считать. В булочных меня то и дело спрашивают, не хотел бы я вчерашнее пирожное, это дешевле. За недели, пока я был «турком» во Франкфурте, мне стало ясно, почему турки охотнее всего покупают в турецких лавках: там к ним относятся как к нормальным людям.

Пятница, вечер — время отдохнуть, расслабиться. Замечаю, что вынужден буквально заставлять себя ступить на враждебно настроенную немецкую территорию. Охотнее всего в этот вечер я пошел бы со своими турецкими друзьями, которых успел приобрести, в одну из их харчевен. Выпить ракию, съесть кебаб. Поговорить, обменяться опытом. Там я был бы избавлен от унижений.

В кафе «Вайенштефан» на улице Кляйне Бокенхаймерштрассе хозяйка старается не замечать меня. Фотографу Вернеру Эбелеру, который сидит неподалеку, уже через пять минут приносят его яблочный сок. Я получаю заказанное пиво только через полчаса. И когда я наконец — так, как это делают немцы, — говорю: «Алло, я хотел бы рассчитаться», хозяйка со злостью бросает: «Алло тут нет!» Сдачу она кидает на стойку. Несколько монет падают на пол. Наклоняясь, собираю деньги и думаю про себя: сюда ты больше не придешь. Хамство достигло своей цели.

Следующая остановка — дискотека «Вог», в двухстах метрах от кафе. Наружные стены драпированы прозрачной фольгой, у входа доска, на полу разбросан песок. У порога швейцар — темнокожий американец. Он преграждает мне путь. «Стой, не для всех». Я говорю: «Почему турку не добро пожаловать — все люди

входят внутрь?» Темнокожий настроен ко мне дружелюбно, но решительно. Он почти дружески берет меня за руку, выводит на улицу. Мы идем рядом — культурный темнокожий из Нью-Йорка и мнимый рабочий из отсталой Турции. Он разговаривает со мной, как с упрямым ребенком: «Ты понимать, это не пивная палатка, а частный клуб». При этом он показывает на росчерк «приват» («частный») над входом и оставляет меня. На улице стоят модно одетые молодые люди в белых брюках и белых теннисках. Они наблюдают за мной. Я обращаюсь к группе из трех молодых мужчин: «Почему я не могу вовнутрь, ты мне скажи». Один из них, лет двадцати, запрещает обращаться к нему на «ты». И орет на меня на ярко выраженном франкфуртском диалекте: «Для тебя я все еще господин Штайнбах, ясно?» Слова он подкрепляет жестом, тычет указательным пальцем мне в грудь. Так разговаривают помещики со своими рабами, подумалось мне.

На сей раз я не желаю отступать. «Почему турка не пускать, мы тоже люди», — говорю я, когда в дискотеку входят три итальянца в костюмах йогов. Молодой господин Штайнбах подходит ко мне вплотную, и грубо обрывает: «Не испытывай мое терпение, сейчас я съезжу тебе по роже». Приятели уговаривают отстать от меня: «Не пачкай руки». Когда меня не впускают в следующую дискотеку, «Куки», в центре города, я пытаю счастья в пригороде — в Заксенхаузене, славящемся яблочными винами. В одном городском рекламном проспекте я прочитал: «Самое примечательное в Заксенхаузене — это люди, которые живут на другой стороне Майна: они своенравны, горды своей историей и своим диалектом. То, что видит здесь посторонний, — не препарированная идиллия, не романтика пригорода. Познайте гостеприимство Заксенхаузена — и вы не пожалеете».

Гостеприимство по-заксенхаузенски: у входа в бар «Куинз паб» молодая женщина говорит мне: «Сегодня у нас играют в бинго. Ставка минимум тысяча марок». Когда я объясняю, что рискнул бы поставить тысячу марок, она говорит: «Убирайся!» — и захлопывает дверь у меня перед носом.

В дискотеке «Биба» повторяется старая история: меня не пускают на порог на том основании, что «вход только для членов клуба и постоянных посетителей».

Моего немецкого коллегу, который также пришел сюда впервые, встречают как желанного гостя.

Прохожу еще метров двадцать — кафе «Парадисхоф». Фотоснимок этого заведения я видел в городском рекламном проспекте. Перед входом — трехметровая колонна с фонтанчиком, увенчанная фигурами Адама и Евы. Она установлена еще в 1876 году. «Парадисхоф» — солидное кафе с танцами. Табличка на дубовой двери извещает, что хозяин — член «Гессенского союза владельцев кафе». Меню, вывешенное в витрине, обещает набор немецких блюд: от супа с клецками за 3,5 марки до «ассорти с кислой капустой» — ребрышки, колбаса, свиное рагу, горошек, пюре и кислая капуста — за 21,5 марки. На танцах сегодня играет группа «Саундерс».

Фотограф, идущий на несколько шагов впереди меня, покупает билет за две марки. Швейцар широким жестом приглашает его войти: «Пожалуйста, господин». Затем он видит меня и предостерегающе поднимает обе руки: «Только для членов клуба!» Я показываю немца-фотографа, которого он только что впустил. «Это постоянный посетитель», — лжет он. Появляется человек в светлом костюме, с золотой цепочкой в широком вырезе рубашки. Судя по всему, итальянец, он пытается мне втолковать: «Тут не для таких иностранцев, как ты».

Швейцару кажется, что все это слишком затянулось, я мешаю. Он хватает меня за руку и выталкивает на улицу. Карманом пиджака я цепляюсь за дверную ручку, и карман трещит: «Не нарывайся на неприятности, а то схлопочешь», — угрожающе бросает мне на прощанье швейцар.

На следующий вечер я вновь пытаюсь попасть в «Парадисхоф». На этот раз все проще. Едва я появляюсь в дверях, цербер выскакивает навстречу, хватая меня за лацканы пиджака, силой разворачивает и дает пинок в зад. Я теряю равновесие и приземляюсь на тротуар — чувствую, как заболело под ребром. Никого это не интересует, никто не вступается за меня: ни в кафе, ни на остановке трамвая «Образцовая школа». Какой-то прохожий, лет пятидесяти, без всякой очевидной причины хватает меня за воротник, прижимает к стене дома и кричит: «Грязный турок, я прикончу тебя!» Никто из стоящих на остановке не реагирует.

Мужчина отстает от меня, лишь когда подходит трамвай. После всего этого тебе, как турку, сам страх подсказывает манеру поведения: избегай темных переулков. Если навстречу идут подвыпившие, лучше перейди на другую сторону. Не садись в метро, где едут болельщики. Следи за тем, чтобы успеть добраться до своей комнаты на четвертом этаже, пока не погаснет автоматически выключающийся светильник на лестнице. Будь осторожен, если кто-то догоняет тебя. И я ловлю себя на том, что в критических ситуациях быстро прячу свою кепку — может, меня не сразу признают за турка.

Переулок Брайте-гассе — место во Франкфурте, где обитают самые дешевые женщины. Возможно, там меня примут из-за денег, хоть я и турок. Здесь все это стоит, как мне сказали, марок тридцать. Четыре раза меня «отшивают». У окна заведения «Литл эрос» сидит молодая, симпатичная женщина. «Что стоит?» — говорю я на манер турок. Не ответив ни слова, женщина отворачивается. Я предлагаю пятьдесят, сто марок. Никакой реакции. Я вытаскиваю из кармана все свои наличные деньги — двести тридцать марок. Она поворачивается и говорит: «Я плевала на деньги черномазых, понял, ты! Уматывай, иначе мои друзья сделают из тебя фарш».

Городской сквер Фридберг — место, где собираются бездомные. «Угости нас», — требует один из них. Я с готовностью приношу из ближайшего киоска восемь бутылок пива и раздаю их этим людям. Когда же я хочу сесть на парапет рядом с одним из них, бродяга просвещает меня: «Ну ты, отодвинься. Вы, турки, скверно пахнете».

Очень просто сделать так, чтобы к тебе относились как к человеку: для этого надо перестать быть турком. Я проделываю эту игру в «Опернкафе». На сей раз вместо турецкой газеты у меня под мышкой «Франкфуртер альгемайне». У меня опять светлые усы и брови, а свою турецкую кепку я засунул в карман. Сажусь за единственный свободный столик из тех, что выставлены на улице. Приветливо улыбаясь, подходит официант Удо. «Что желаете заказать, господин? Сейчас все будет подано», — предупредительно говорит Удо и спешно убегает. Я отваливаюсь на спинку стула. Я опять немец. На меня больше не будут смотреть косо, ко мне не

будут больше относиться по-хамски, не будут выталкивать на улицу.

Собственно говоря, я мог бы быть доволен.

«Рокеры» из Ландсхута

«Пройдись-ка по городу без куртки нашего клуба. Кто ты такой без нее? Никто!»— говорит мне Канзас, председатель союза «Кровавых ангелов Ландсхута». «Попробуй, проверь на себе»,— подначивает он. И я решил убедиться в этом сам.

Облачившись в самый обычный костюм, я пару раз прошелся в ту пятницу пополудни по главной улице Ландсхута — нижнебаварского города. Ничего примечательного со мной не произошло. Обычное дело: бредешь по улице, сам не знаешь, чем заняться, куда себя деть, иногда от скуки задержишься у какой-нибудь витрины; ты никого не знаешь, и тебя никто не знает.

Четверть часа спустя я вновь иду по узким средневековым улочкам в центре этого старого католического городка на Изаре с населением в пятьдесят тысяч человек. Но на сей раз я напялил «клубную» синюю куртку из джинсовой ткани.

Рукава куртки срезаны у самых плеч, на груди болтается железный крест, на спине нашит ангел с черепом вместо головы и с окровавленным мечом в руке; под ним английская надпись крупными буквами "Bloody Angels Landshut" («Кровавые ангелы Ландсхута»).

Застиранная джинсовая куртка и впрямь творит чудеса: люди, еще пару минут назад в упор меня не видевшие, теперь не сводят с меня глаз, растерянно уступают мне дорогу, шушукаются у меня за спиной. Кто-то крикнул мне вслед: «Рокер поганый». Да, теперь я — фигура, не какой-то безвестный прохожий; я выделяюсь из толпы. В «клубной» куртке я не кто-нибудь, меня сразу заметили. Что ни говори, сила! Но еще эффектной прокатиться тем же маршрутом на тяжелых мотоциклах с кем-нибудь из «кровавых ангелов», скажем, с Кротом, Рыбой или Мускулом.

Тебя тогда не только увидят, но и услышат! На «Хонде» — с объемом цилиндра в 750 кубиков или на «Кавасаки» — в 900 кубиков, или на «Золотом Крыле» со снятыми глушителями пронестись этак всей бандой по узким улочкам старого города! Прохожие останавливаются как вкопанные, мамы в ужасе втягивают детишек в подъезды домов, а иной автомобилист, когда мы с грохотом проносимся мимо, растерявшись, жмет на тормоза.

«Как они на нас пялились, а?» — с гордостью говорит Мускул, когда мы останавливаемся у фонтана напротив пивной «У повара». На мой взгляд, и сейчас, поставив наши мотоциклы на козлы у дверей Баварского ипотечного и учетного банка, мы все еще производим потрясающее впечатление: затянутые в кожу с головы до ног, с утыканными гвоздями кожаными браслетами на запястьях, изукрашенных татуировкой, в широких ремнях с медными пистонами. Грязные до омерзения «клубные жилеты» поверх кожанок, на ногах ковбойские сапоги с высокими каблуками. Прохожие то и дело останавливаются, глаза на нас.

Мускул, курчавый парень восемнадцати лет, подручный мясника, впервые надел клубную куртку. Собственно говоря, таковой в полном смысле слова она стала лишь в позапрошлый уик-энд — после обряда «освящения куртки». Мы швыряли ее в грязь, орошали пивом, топтали ногами, а в довершение все «ангелы» проехали по ней на своих мотоциклах, пробуксовывая колесами. Только после этого она и стала настоящей «рокерской скуфьей».

«Наша куртка — для меня важнее всего, — говорит мне Дитер, белокурый парень двадцати одного года от роду, с прической под средневекового рыцаря. Получают ее, лишь пройдя трехмесячный испытательный срок и уплатив, кроме месячного клубного взноса в десять марок, вступительный взнос в пятьдесят марок и семьдесят — за нашитую на спине эмблему. Дитер — по профессии мясник, у «кровавых ангелов» ходит в «секретарях». Должность эта именуется здесь по-английски и примерно соответствует казначею в обычных союзах, обществах и т. д. Он ведет список членов клуба, выколачивает взносы и заведует клубной кассой.

Председатель союза — здесь его называют «президентом» — Канзас всю неделю тянет лямку: он —

Без ножа ни один «рокер» на улицу не выйдет. На снимке — Рыба, один из «кровавых ангелов Ландсхута» в своей квартире; на стенах развешаны плакаты и оружие.

Обряд «освящения клубной куртки»: ее бросают под колеса буксующего мотоцикла.

После потасовки, вывалявшись в грязи, «кровавые ангелы» идут за пивом к стойке.

«А наутро в понедельник ты снова — пешка». «Кровавые ангелы» танцуют на «рокерском» празднике. Игрет приглашенный рок-ансамбль.

ефрейтор в бундесвере. «Настоящая жизнь для нас начинается в пятницу вечером,— говорит он мне,— а утром в понедельник ты снова пешка: любой поганый унтер может наорать на тебя, а ты стой и молчи. Зато здесь — я первый. Здесь делают то, что я говорю!»

«У нас знаешь как: кто станет выпячиваться — в два счета вылетит. Ясно как день!»— добавляет Франк, двадцатилетний маляр из автомастерской, у него эсэсовский значок «мертвая голова» на отвороте куртки. Франк заведует у «ангелов» мототранспортом (здесь это тоже называется по-английски «роуд-кэп-тен»), он определяет маршруты мотоциклетных вылазок и решает, кто и на чьей машине поедет на заднем сиденье за водителем. Мимо проезжает дряхлый автомобиль какого-то турецкого семейства. Войдя в раж, Франк роется в карманах своих кожаных штанов, извлекает складной стилет и нажимает кнопку на рукоятке — из нее выскакивает блестящий клинок. «Я тебе, черно...й, еще кишки выпущу! Помяни мое слово!— вопит он вслед автомобилю «гастарбейтера».— Век мне нашей куртки не носить!»

Впрочем, за два года своего существования «кровавые ангелы» в серьезные драки не впутывались. Разве что время от времени дебоширили в пивных. Малокалиберная винтовка есть дома у каждого. И никто без ножа не выходит, а иногда и газовый пистолет, кастет или стальной прут с собой прихватят. Но оружие в ход не пускали, по крайней мере до сих пор.

Впрочем, не так-то просто щеголять в обличье «рокера». Задиристое бахвальство вызывает сходную ответную реакцию. Все считают тебя забиякой.

— Потягаемся, кто кого?— говорит мне в ландсхутском кафе «Моцарт» какой-то парень, до этого уже три раза грубо задевавший меня.

— Неохота,— говорю я.

— Сдрейфил? Тоже мне «рокер»!— презрительно цедит он и отходит разочарованный. Никто из ребят за столом всерьез не попрекнул меня тем, что я уклонился: не далее как в прошлый уик-энд на сходке «рокеров» на берегу Дуная я показал, где раки зимуют, одному из «подручных дьявола» (Hell Servants)— конкурирующего с нами «рокерского» клуба. Он потянулся отобрать у меня литровую кружку пива, толкнул меня, попытался дать подножку. «И ты это терпишь?»—

насмешливо сказал Крот. Я хотел было поговорить со своим обидчиком по-хорошему. Но не тут-то было, он вцепился в мою кружку и залил мне пивом кожанку. Тогда я так толкнул томимого жаждой «подручного дьявола», что он отлетел к одному из столиков и, потеряв равновесие, навзничь плюхнулся в лужу.

Ничего другого он, как видно, и не ждал, потому что, вернувшись к стойке, сам выставил мне кружку пива. Ничего не поделаешь, репутация «рокера» обязывает.

Но вообще говоря, они не такие уж отчаянные ребята — «кровавые ангелы» из Ландсхута, с которыми я болтаюсь вот уже несколько недель. Они лишь отчаянно хотят хоть как-то выделиться, отличаться от всех прочих, да и то не любой ценой.

Если, к примеру, Ханс Осснер, хозяин дискотеки «Дудльхофер» — единственного из городских заведений такого рода, куда их еще пускают в клубных куртках, — не в духе и говорит им: «Сегодня вечером чтобы без курток», «кровавые ангелы» послушно снимают их.

Зато в пивной «Клостербройштюберль» — резиденции «кровавых ангелов» — им нечего бояться ограничений и запретов. По пятницам клуб проводит здесь свои вечерние встречи. Тут нас бурно приветствуют. Из Ингольштадта только что приехал Вилли, он — солдат, служит там в понтонной части. «А вот и наша рокерская мама!» — здоровается он со своей матушкой — хозяйкой пивной и тут же скрывается за дверью, рядом с которой висит распятие. Пошел переоблачиться в «рокерские доспехи». Мамаша тем временем потчует нас баварскими клецками.

Здесь и Джимми, разумеется тоже в своей «рокерской» робе. Он — уборщик на атомной электростанции «Оху». Кончает работу в полпятого. «Наша радио-активная уборщица», — подтрунивает над ним Канзас. Вваливаются и другие: Роберт — плотник со стройки, сантехник Клаус, слесарь Швальбе, автослесарь Хайнц. Пришел и Зимпль — в клубе он в ранге «сержанта», ремонтирует наши мотоциклы. Подходят и девушки: Ютта — парикмахер, Сильвия — секретарь, Габри — медсестра. Все — не старше восемнадцати лет.

«У нас не так, как в других «рокерских» клубах, — говорит мне Дитер, наш «секретарь». — Девушки у нас

носят куртки и голосуют на собраниях. Но только своего мнения у них все равно нет!» Это верно — если ребята сидят молча, девушки и подавно рта не открывают.

Девушки «распределены»: у каждой свой постоянный друг, только один — и никаких гвоздей. «Я с Сильвией уже больше года гуляю. К ней никто из ребят не подкатится и, если попробует, будет иметь дело со мной,— говорит мне наш «штурман» Франк.— Женюсь ли я на ней, спрашиваешь? Ясное дело — со временем женюсь!»

«На ралли поедешь с нами?»— спрашивает меня «президент» Канзас, протягивая мне приглашения мотоклуба «Бикер» в Ной-Ульме. Читаю текст: «Друзья-болельщики! Приглашаем всех пьющих и непьющих на наше ежегодное ралли. Гонки без поблажек до потери сознания!» Такого рода ралли проводятся по всей стране чуть ли не каждый уик-энд, особенно летом. «Там все рокеры встречаются, ну шуму!»— восторгается Канзас.

Из расписаний ралли, которые «рокерские» клубы пересылают друг другу, узнаю, кто где празднует: «Ангелы смерти», например, в Саарбрюккене, «Дьяволы»— в Бад-Нойштадте, «Скелеты»— в Мангейме, «Привидения на колесах»— в Китцингене.

Итак, в эту субботу «кровавые ангелы» поедут в Ной-Ульм. Канзас, Крот, Мускул и я выезжаем на мотоциклах пораньше — квартирьерами. По дороге у «Хонды» Канзаса дважды обрывается приводная цепь. Долгая возня с ремонтом, перепачканные руки. Зато я познаю очарование езды на мотоцикле. Все время остаешься на природе. Едешь по лесу — чувствуешь запахи леса. Сжатые поля пахнут по-своему, луга — по-своему. В долинах тебя ласкает теплый ветер, а в горах, на подъемах, которые наши мотоциклы берут со скоростью 140 км в час,— мерзнешь. А в автомобиле, в этой стальной клетке, ни черта не ощущаешь. «Надо бы чаще ездить на мотоцикле»,— думаю я про себя.

«Пива!»— кричит Канзас, не успеваем мы слезть с мотоциклов у заброшенного каменного карьера на лугу, где должны состояться «гонки до бесчувствия». Организация здесь на высоте: ребята из «Бикера» по всем правилам арендовали территорию, раскинули

большой праздничный шатер тридцать на тридцать метров. Есть и закусочные, и бар, установлены громкоговорители. Здесь собрались уже несколько сот «роке-ров» с палатками и спальными мешками. Все это смахивает на некий гибрид между праздниками вольных стрелков и лагерями бой-скаутов.

Из шатра навстречу нам вываливаются первые пьяные. А под вечер, сколько ни ищи,— ни одного трезвого. Пьют здесь до положения риз. Два дня подряд. «Тут мне никто не указ,— говорит Франк,— сколько хочу, столько и пью».

В воскресенье после обеда «ангелы» собираются в обратный путь. «Взять у меня сейчас пробу крови — не меньше «трех тысячных»,— кричит Мускул,— но надо же опохмелиться на дорогу!» «И думать не могли!— одергивает его Канзас,— домой пора!» Отъезжаем точно в намеченный срок. В понедельник с утра все они, как положено, придут на работу — и слесаря, и мясники, и плотники.

Я повстречался на празднике с Джокером — председателем мотоклуба «Лейбштандарте Дойчланд»*. На голове у него черный пилотский шлем с имперским орлом и со свастикой, а на клубной куртке эсэсовские руны. Он рассказывает мне последний анекдот: «Мы ничего не имеем против евреев — кроме газа». В свои тридцать два года он один из самых старших по возрасту на этом сборище. «Какие это рокеры,— говорит он,— молокососы! Ни стойкости, ни выдержки. Пару лет они еще протянут, потом переженятся, и перво-наперво снимут свои клубные куртки, а там — продадут свои мотоциклы, купят «опель» и под конец станут такими благонамеренными бургерами, что хоть нос затыкай».

* Название одной из эсэсовских дивизий.

«Пусть льется кровь потоком вязким, нам на свободу наплевать!»

Юнцы, сидящие рядом со мной, вскидывая правую руку в гитлеровском приветствии, ревут: «Жид! Жид! Жид!» Их человек сорок, все в своего рода форме — в желтых рубашках с надписью «Боруссенфронт»; вместо сдвоенного «С» в середине — эсэсовские руны. Вопль подхватывает и скандирует теперь уже добрая сотня голосов. Рев волнами перекатывается по трибунам...

По силе звука пытаюсь определить, сколько их, из скольких глоток рвется этот однообразный яростный рев. Сто, двести? Может быть, тысяча из двадцати пяти тысяч зрителей, собравшихся на стадионе?

Сейчас не 1933, а 1983 год. И не Адольф Гитлер выступает перед членами НСДАП на нюрнбергском партайтаге. На Лесном стадионе во Франкфурте матчем команд высшей федеральной лиги открылся новый футбольный сезон: команда «Айнтрахт» (Франкфурт) играет против «Боруссии» (Дортмунд).

Рев постепенно стихает — под конец слышны лишь выкрики десятка дортмундских болельщиков. Игра продолжается. Судья Нибергалл, по мнению болельщиков, неправильно назначивший штрафной в сторону «Боруссии», больше их не волнует. Настал черед франкфуртских игроков: «Бей их! Бей! Бей! Бей их смертным боем!» — вопят парни из «Боруссенфронта».

Эти молодчики из рурской «дружины» — представители новой разновидности футбольных болельщиков — праворадикальных банд, для которых спортивные зрелища лишь повод для погромов, жертвами которых оказываются в первую очередь иностранцы. В начале этого года Михаэлю Кюнелю из Гамбурга — наиболее активному среди нынешних неонацистских вожakov задали в одном из интервью вопрос, где он собирается вербовать новых сторонников. «Среди «бритоголовых» и футбольных болельщиков», — ответил он, — они здорово нам помогают, хотя, конечно, еще

и не встали окончательно на нашу политическую платформу».

Между тем некоторые клубы болельщиков сползают вправо. Неонацисты проникают в их среду и используют страсти этой публики к попойкам и дракам, не имеющие, вообще говоря, отношения к политике, для проведения политических акций.

Так, людям Кюнена удалось прибрать к рукам гамбургский клуб «Львы», один из многих союзов, объединяющих футбольных болельщиков города. «Неонацисты,— по словам одного высокопоставленного полицейского чиновника в Гамбурге,— чувствуют себя на стадионах как рыба в воде».

Добившись успеха на берегах Эльбы, «Национальные активисты» Кюнена в своем последнем «Циркулярном письме о положении в нашем движении» призвали своих сторонников и впредь вербовать новобранцев среди футбольных болельщиков, дебоширящих на стадионах, но теперь уже в федеральных масштабах. Посеянные семена дали всходы. В клубе «Адлерфронт» во Франкфурте активно действуют бывшие члены запрещенной военно-спортивной группы Гофмана. Они навешиваются и в «Юнайтед» — клуб команды «Айнтрахт», — где выступают с докладами типа «Ложь об Освенциме» и проводят совместные «военно-спортивные игры» в горах Таунуса. Недавно они участвовали во встрече ветеранов дивизии СС «Адольф Гитлер». Неонацисты задают тон и в клубе «Феникс» в Карлсруэ, и в западноберлинском клубе «Лягушки Хэрты», и у «Красных волков» в Ганновере.

«Националистически настроенные союзы болельщиков в отличие от обычных клубов не враждуют друг с другом из-за того, что их команды — члены высшей лиги соперничают на футбольном поле. «Все мы в конечном счете — против засилья «черно...» в нашей стране», — говорит мне Лео, казначей «Боруссенфронта», владелец пивной, где квартирует правление союза. Мы сидим за столиком в его заведении «Цум гробшмид». На дверях вывеска: «Левые? Спасибо! Не надо!», у стойки кипы бланков для сбора подписей в поддержку проводимой неонацистской НДП акции «запретить иностранцам въезд в страну».

Пивная расположена на Штальверкштрассе в северной части Дортмунда. Унылый промышленный район.

Высокий уровень безработицы, большой процент иностранных рабочих.

Тремя домами дальше — Иностранный культурный союз, напротив наискосок — Турецкий союз. Над входом здесь надпись: «Германо-турецкая дружба». «Ни один порядочный немец туда не заглянет», — говорит Лео.

В задней комнате его заведения идет еженедельное собрание «Боруссенфронта». Присутствуют тридцать членов организации, самому молодому — семнадцать лет, остальным по большей части — около двадцати пяти. Перед открытием звучит троекратное «зиг хайль», затем собравшиеся хором поют свой вариант запрещенного нацистского гимна «Хорст Вессель»:

Сомкнем ряды! Поднимем выше знамя!
Вперед, друзья! Вперед, «Боруссенфронт»!

На повестке дня — последние «экспедиции». Во Франкфурте перед стадионом избиты шесть турок; «легавым» не помогли их водометы, на обратном пути «раскурочили» автобус. В Кайзерслаутерне, к сожалению, не удалось «выступить» на стадионе в форме союза — желтых рубашках с эсэсовскими рунами: футбольный клуб Кайзерслаутерна запретил организованные акции «Боруссенфронта» на городском стадионе. Но и без форменных рубашек членам «Боруссенфронта» удалось здесь накалить атмосферу: смешавшись с другим приехавшими сюда дортмундскими болельщиками, они всю игру орали: «зиг хайль Дортмунд, зиг хайль!»

О результатах обеих игр на чужом поле (Франкфурт — Дортмунд — 2:2, Кайзерслаутерн — Дортмунд 2:2 — на собрании в пивной никто слова не пророчил. В этом «клубе болельщиков» футболом как таковым интересуются меньше всего на свете.

Затем заседает «суд фронта». Рассматривается только одно «дело»: принимать ли вновь в союз исключенного ранее его члена по кличке Пушка. По уставу «Боруссенфронта» в союз принимают только единогласно. Вдобавок, кандидат должен, не вздрогнув, выдержать пять ударов плеткой по спине. Исключенных принимают вновь по тем же правилам. Раньше

новичкам метали в спину пять стрел-дротиков словно в мишень. От этого отказались. «Стрела может и в позвоночник угодить, и останется тогда парень на всю жизнь горбатым. От калеки толку что от черномазого», — комментирует Лео.

«Суд фронта» решил исключить Пушку окончательно. Обоснование: ради семьи и оклада на государственной службе он неоднократно уклонялся от участия в драках, обнаружив тем самым недопустимую в союзе «моральную неустойчивость».

Перед закрытием собрания участники хором скандируют: «Германия — немцам! Иностранцы — вон!», вскидывая при этом правую руку в гитлеровском приветствии. Все как один — Лео, Зиги-эсэсовец, Фусси, Амулет, Моцарт, Йорг, Око, Заяц и прочие — всех кличек не упомнишь. Некоторые, вскидывая руку, растопыривают пальцы: «настоящее» гитлеровское приветствие с сомкнутыми пальцами уголовно наказуемо.

В союзе — сорок человек. За «папашу» у них Лео, хозяин пивной, сорока четырех лет, бывший таксист. Он со своими ребятами не раз уже охранял сходки НДП.

Заводила в союзе — Зигги-эсэсовец. Черные сапоги, черные кожаные штаны, черная рубашка, черный берет с рунами, на груди значок праворадикальной организации «Викинг-югенд». Он уже побродил по свету. Полтора года назад ездил в Аргентину, верней, сбежал туда после драки с турком. В Южной Америке, по словам Зигги, он установил контакты и со старыми гитлеровцами, и с неонацистами. Самое сильное впечатление произвела на него там некая террористическая организация — группа на манер военно-спортивной, численностью около ста человек. Ему там «дали кое-что своими руками пощупать». «У них даже свой самолет есть, со свастикой на крыльях. Сила! А потом они кинотеатр взорвали, в котором должны были показывать еврейский пропагандистский фильм», — рассказывает Зигги.

Здоровенному Зигги и его приятелям из «Боруссенфронта» довелось и в этом году в июле потеряться среди главарей международного нацистского подполья на ежегодной встрече фашистов в бельгийском городе Диксмейде. «Там собрался весь «высший

свет», — рассказывает он, — «Национальный фронт» из Англии, ку-клукс-клан из Америки, испанцы, итальянцы, а от нас — люди Гофмана и ребята Кюнена, прикатили на своей амфибии».

Суббота. Дортмундская «Боруссия» на своем поле принимает команду ХСВ из Гамбурга. Со всей ФРГ прибывают «подкрепления». Неонацисты из Киля, Франкфурта, Оснабрюка примкнули к «Боруссен-фронту».

Из Гамбурга прибыла делегация клуба «Львов» и конечно же Вакер, предводитель тамошних «бритоголовых». Двадцати одного года от роду, с гладко выбритым черепом, ученик в транспортном агентстве, «мечтает стать рядовым нацистским штурмовиком, которому позволено драться на улице», как он сам под псевдонимом Франц поведал в интервью журналу «Шпигель».

Из Западного Берлина прибыл белобрысый Арне со своими людьми из группы «Циклон-Б» (так назывался газ в нацистских лагерях смерти). Осс, сидящий рядом со мной, ранее тоже был членом этого союза погромщиков. Ныне он перешел в сходный, тоже западноберлинский, союз «Дебоширы со Шпрее». На его зеленой форменной куртке — значок организации «Молодые национал-демократы». При нем мешок, битком набитый брошюрами «Ложь об Освенциме», которые он тут же распродает. Предисловие к брошюре написал бывший адвокат, один из неонацистских главарей, Манфред Редер, приговоренный в прошлом году к тринадцати годам тюрьмы за террористическую деятельность.

Клаус из «Лягушек Хэрти» протискивается к нам, хлопает Осса по плечу. Оба знакомы по совместным «делам»: в прошлом году участвовали в ноябрьской акции, когда свыше сотни болельщиков разнесли турецкую лавку. «Задали мы тогда черномазым перцу», — вспоминает Клаус.

В пивную вваливаются западноберлинские «бритоголовые». «Берлин, Берлин — железный город!», — режут они, вскидывая правую руку. На майках у них эсэсовский девиз: «Наша честь — верность». Рядом с ними представители «Красных волков» из Ганновера, одетые поскромней, выглядят молокососами. Впрочем, один из «волков» старается не ударить лицом в грязь. «Гляди-ка! — демонстрирует он мне кровоподтек под

глазом.— Турку одному морду чистил!» «А тому тоже досталось?»— спрашиваю я. «В больнице лежит, в коме».

Хвастает? Едва ли!

На трамвае едем на стадион. Но на сей раз дело что-то не клеилось: всю игру Дортмунд—Гамбург молодцы из «Боруссенфронта» и их гости околачивались в пивных ларьках под трибунами. Хотели с одним турком разделаться, да и тот исчез.

Возвращаемся в «Цум гробшмид», акция сорвалась. Все раздражены, озлоблены; в утешение хлещут пиво и распевают гнусные погромные песни.

За Гитлера, за рейх! Штурмовикам — привет!

Что турки, что евреи — для нас различья нет!

«Треп один»,— думаю я. Но тут в окно доносится крик: «Давай!» Все выбегают. В Иностранном культурном центре дребезжат стекла, из турецкой закусочной напротив вылетают стулья и бутылки. Взлетают красные сигнальные ракеты. Перед закусочной стоит голубой «форд», в нем — перепуганная турецкая семья с двумя малышами. Погромщики окружают машину. «Место турок — Анкара — Ура! Ура! Ура! Ура!»— орут они, отбивая кулаками такт по крыше автомобиля.

Отыскав новые жертвы, молодчики из «Боруссенфронта» оставили в покое турецкую семью в голубой машине. Они набрасываются на каждого, кто хоть слегка смахивает на турка. Мужчину, пытавшегося укрыться за афишной тумбой, избили в кровь, другого сшибли с мопеда и с ревом «хайль Гитлер!» ринулись дальше по улице. Пять человек было ранено. «Турок мы отсюда выколотим,— сказал мне после Зигги из «Боруссенфронта».— Эх, жаль, концлагерей теперь нет!»

Он показывал мне письмо «Национальных боевиков Большого Берлина», филиала организации Кюнена, с приглашением на конспиративную встречу. «Дорогие друзья и соратники,— говорится в письме,— в октябре этого года на Олимпийском стадионе в Берлине состоится международная встреча по футболу между ФРГ и Турцией. В связи с этим событием наша группа запланировала мероприятие, которое будет проведено вечером накануне встречи».

Вот уже несколько недель подобные письма циркулируют среди футбольных болельщиков. В

Кайзерслаутерне и Западном Берлине были конфискованы листовки с призывом объявить день 26 октября — дата международной встречи по футболу — днем борьбы «против поганого турецкого сброда». Игра с Турцией должна стать «сигналом для народа всей Германии. Не допускать в страну иностранцев! Иностранцы — вон из Германии! Теперь только насилие может дать нам свободу! Пора начинать!»

«В Берлине будет «дело»,— говорит Зигги-эсэсовец.— Лозунг дня: «Поджечь Кройцберг*».

* Район Западного Берлина, населенный преимущественно турецкими рабочими — «гастарбайтерами».

Содержание

Предисловие. Н. С. Португалов, А. А. Урбан	5
Новые жрецы гитлеризма	15
Ку-клукс-клан в Западной Германии	26
С зажженными факелами	40
День почитания героев	53
Под знаком «Мертвая голова»	58
Турне к неграм	65
Партизаны Штрауса	72
Исповеди	79
«Экзорцист»	88
Столетний юбилей, или как война «облагораживает» людей	97
Кто куда, а я в бункер	107
Воришка в универмаге	113
Как я был турком	126
«Рокеры» из Ландсхута	136
«Пусть льется кровь потоком вязким, нам на свободу наплевать!»	144

Герхард Кромшрёдер

За фасадом:

**журналист в роли нациста,
«рокера», вора в универмаге,
набожного католика**

ИБ № 13014

Художник А. В. Алексеев

Художественный редактор В. А. Пузанков

Технический редактор В. Ю. Никитина

Корректор Н. И. Шарганова

Сдано в набор 7.02.84. Подписано в печать 19.06.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура журнально-рубленая. Печать офсетная. Условн. печ. л. 7,98. Усл. кр. отт. 11,15. Уч.-изд. л. 7,19. Тираж 50 000 экз. Заказ № 138. Цена 35 к. Изд. № 38721.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

